МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: Лингвистика и педагогика

Научный журнал

Том 12 № 1 / 2022

Proceedings
of the Southwest State University
Series: Linguistics and Pedagogics

Scientific Journal

Vol. 12 № 1 / 2022

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика

(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i Pedagogika)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как русский язык, теория языка, сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, теория и методика профессионального образования, общая психология, психология личности, история психологии, социальная психология.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Филологические науки: 10.02.01; 10.02.19; 10.02.20

Педагогические науки: 5.8.7

Психологические науки: 19.00.05; 5.3.1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р технических наук, профессор, ректор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Скобликова Татьяна Владимировна, д-р педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Валерий Петрович, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, доктор филологических наук, профессор; Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор; МГТУ им. Н.Э. Баумана (г. Москва, Российская Федерация)

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор; Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (г. Москва, Российская Федерация)

Василенко Татьяна Дмитриевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Криволапова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор; Курский государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Молчанова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор; Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Российская Федерация)

Никишина Вера Борисовна, доктор психологических наук, профессор; Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (г. Москва, Российская Федерация)

Пищальникова Вера Анатольевна, доктор филологических наук, профессор; Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, Российская Федерация)

Подымова Людмила Степановна, доктор педагогических наук, профессор; Московский педагогический государственный университет (г. Москва, Российская Федерация)

Попова Нина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Степыкин Николай Иванович, кандидат филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент; Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Томаков Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор;
Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Российская Федерация)

Шаклеин Виктор Михайлович, академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор;
Российский университет дружбы народов (г. Москва, Российская Федерация)

Якушкина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, доцент; Российский государственный гидрометереологический университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Адрес учредителя, издателя и редакции
305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
Телефон: +7(4712) 22-25-26,
Факс: +7(4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(ПИ №ФС77-80884 от 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/

© Юго-Западный государственный университет, 2022

Материалы журнала доступны
под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, д. 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется
по подписке.
Подписной индекс журнала 44292
в объединенном каталоге
«Пресса России».

Периодичность: четыре выпуска в год

Свободная цена

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 11.04.2022

Дата выхода в свет 16.05.2022. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 24,4.

Тираж 1000 экз. Заказ 13.

Proceedings of the Southwest State University
Series: Linguistics and Pedagogics

Peer-reviewed scientific journal
Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such fields as the Russian language, language theory, comparative historical typological and comparative language knowledge, theory and methodology of vocational education, general psychology, personality psychology, history of psychology, social psychology.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete text of the articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU .

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctorial or candidate thesis in the following areas:

Philological Sciences: 10.02.01; 10.02.19; 10.02.20

Pedagogical Sciences: 5.8.7

Psychological Sciences: 19.00.05; 5.3.1

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering, Rector of the Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana V. Skoblikova (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Pedagogy, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Valery P. Abramov, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Raisa K. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Natalia A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation)

Tatyana D. Vasilenko, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Elena M. Krivolapova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

Lyudmila N. Molchanova, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Kursk State Medical University (Kursk, Russian Federation)

Vera B. Nikishina, Doctor of Psychological Sciences, Professor; Pirogov Russian National Research Medical University (Moscow, Russian Federation)

Vera A. Pischalnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor; Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

Lyudmila S. Podymova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

Nina V. Popova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolay I. Stepykin, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Nadezhda S. Stepanova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Vladimir I. Tomakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor; Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Victor M. Shaklein Doctor of Philological Sciences, Professor; RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Tatiyana V. Yakushkina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; Russian State Hydrometeorological University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation
Phone: +7(4712) 22-25-26,
Fax: +7(4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media
(PI №FS77-80884 of 21.04.21).

ISSN 2223-151X (Print)

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieslingva/

© Southwest State University, 2022

Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
50 Let Oktyabrya str., 94, Kursk 305040,
Russian Federation
Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44292 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

16+

Frequency: Quarterly

Free-of-control price

Original lay-out design Elena G. Anohina

Sent to the printing 11.04.2022.

Release date 16.05.2022. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 24,4.
Circulation 1000 copies. Order 13.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ……10

Оригинальные статьи

Проблемы речевой культуры на региональном радио……10
Беспалова Е.А., Сергеева А.А.

Место Интернет-имени в антропонимической системе языка ……20
Кисель О.В.

Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации……30
Абдульмянова Д.Р.

Языковые шаблоны в спортивном комментировании……44
Калиниченко М. О.

Лингвокогнитивная категория «Семья как трудовой коллектив» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах……57
Сергиенко Н.А.

Специфика репрезентаций понятийной области «Смерть» в русской языковой картине мира (на материале устойчивых выражений)……67
Попова Г.В., Войдаков С.П.

Метафоризация и метонимия как средства терминообразования в сфере международного права....80
Пугачевская И.А.

Влияние субтитров на процесс понимания видеороликов на иностранном языке....93
Машкина Н.П., Романенко А.А., Гусева В.А., Заикина Е.Р.

Сопоставительный анализ ассоциативных полей *вежливость* и *քաղաքավարություն*....104
Степыкин Н.И.

Paremiological Fund of the Language as the Source of Language Concept Representation……113
Chaplygina E. V., Yarenchuk E.E.

Структурообразующий потенциал культурных моделей в художественном нарративе....122
Косиченко Е. Ф.

Исследование образа цветообозначения *серый* в сознании носителей русской культуры……131
Таныгина Е. А.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ……148

Оригинальные статьи

Виртуальная реальность как коммуникативное пространство в процессе дистанционного обучения иностранным языкам……148
Андреева О.А., Рейнгардт Н.В.

Валидация педагогической модели формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов педагогических специальностей: результативность и эффективность……159
Анненкова А. В.

Личностная и профессиональная толерантность как составляющие профессиональной компетентности студентов юридических специальностей……. .....……..177

Казакова Л.Н.

Влияние ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, на целевые установки студентов в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе .....……..…188

Махова В. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ…….....……200

Оригинальные статьи

Психолого-педагогическое сопровождение как инструмент работы с семьей, воспитывающей ребенка с нарушениями слуха…… .....……..……200

Стулова А.В.

К сведению авторов…… ..... ……210

CONTENT

LINGUISTICS……10

Original article

Problems of Speech Culture on Regional Radio……10

Ekaterina A. Bespalova, Anna A. Sergeeva

The Place of the Internet Name in the Anthroponymic System of the Language (Comparative Analysis)…..20

Olesya V. Kisel

Modeling as a Method of Research of Communicative Interaction: a Dynamic Model of Internet Communication……30

Diana R. Abdulmianova

Linguistic Routines in Sports Commentary……44

Maxim O. Kalinichenko

Linguo-Cognitive Category "Family as a Labour Collective" in the Russian, Ukrainian, British and American Linguo-Cultures……57

Natalia A. Sergienko

The Specifics of the Representation of the "Death" Conceptual Field in the Russian Linguistic Worldview (a Case Study of Set Expressions)……67

Galina V. Popova, Stanislav P. Voydakov

Metaphorization and Metonymy as a Means of term Formation in the Field of International Law………80

Irina A. Pugachevskaya

The Influence of Subtitles on the Process of Understanding Videos in a Foreign Language……93

Natalya P. Mashkina, Anastasiya A. Romanenko, Violetta A. Guseva, Elizaveta R. Zaikina

Comparative Analysis of the Associative Fields *Вежливость* and *Քաղաքավարություն*………104

Nikolay I. Stepykin

Паремиологический фонд языка как источник языковой репрезентации концепта……113

Elena V. Chaplygina, Elena E. Yarenchuk

Structural Potential of Cultural Models in Narratives……122

Elena F. Kosichenko

The Study of the Image of Russian Color Term Grey in the Consciousness of Russian Culture Bearers…131

Elena A. Tanygina

PEDAGOGICAL SCIENCE……148

Original article

Virtual Reality as a Communication Space in the Process of Distance Learning of Foreign Languages……148

Olga A. Andreeva, Natalia V. Reyngardt

Validation of the Pedagogical Model of the Formation of Value-Based Attitude Towards Future Foreign langUage Teaching Profession by Students of Teaching Disciplines: Efficiency and Effectiveness…159

Antonina V. Annenkova

Personality and Professional Tolerance as Essential Parts of Professional Competence of Law Students……..…….177

Liudmila N. Kazakova

The Influence of Restrictions Caused by Coronavirus Infection on the Students' Goal Settings when Learning a Foreign Language in a Non-Linguistic University……….....……188

Veronika V. Makhova

PSYCHOLOGY…….....…….200

Original article

Psychological and Pedagogical Support as a tool for Working with a Family Training a Child With Hearing Impaired……. .....……..200

Anna V. Stulova

INFORMATION FOR AUTHORS…… ..... ……210

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.161.1

Проблемы речевой культуры на региональном радио

Е.А. Беспалова[1] ✉, А.А. Сергеева

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Резюме

Актуальной проблемой современной медиалингвистики выступает состояние речевой культуры ведущего как национального, так и регионального радио. Цель данной работы – описание основных проблем речевой культуры ведущего регионального радио на примере радиостанции «Курс». В соответствии с названной целью в работе поставлены и решены следующие задачи: описаны тенденции развития радиоречи в контексте современного состояния языка СМИ, выбранные для анализа программы регионального радио «Курс» классифицированы с позиций подготовленности / спонтанности речи, собранный эмпирический материал квалифицирован с точки зрения речевых нарушений, по результатам проведенного анализа подтверждена гипотеза о тенденциях развития радиоречи. Выявление специфики коммуникативных навыков ведущего музыкально-развлекательного радио курского региона и особенностей его речевой культуры проведено на основе наблюдения над языковым материалом, анализа, классификации и обобщения полученных данных, качественной интерпретации данных. Анализ спонтанной речи и воспроизведения подготовленной заранее речи проводился на основе выборки эмпирического материала на слух из выпусков прямых эфиров регионального радио.

Показано, что разговорный стиль вещания радио «Курс» объясняется необходимостью создания легкого развлекательного фона, стремлением приблизиться к аудитории. Установка на игровое начало проявляется, помимо благоприятного коммуникативного эффекта, в гибком отношении к речевым нормам, что не всегда оправдано. Выявлены нарушения орфоэпических, дикционных, стилистических, интонационных и других правил на фоне стремления ведущих эфира радио «Курс» к соблюдению современных языковых норм. Названные особенности речи ведущих эфира курской радиостанции подтверждают тенденцию демократизации публицистического стиля и расширения нормативных границ языка массовой коммуникации, что в будущем может повлиять на новые языковые нормы, сформировать новые стандарты речевой культуры, тяготеющей к фамильярно-разговорному и просторечно-жаргонному типу.

Ключевые слова: *радиожурналистика; речевая культура; радио «Курс»; ведущий эфира.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Беспалова Е.А., Сергеева А.А. Проблемы речевой культуры на региональном радио // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 10-19. .

Статья поступила в редакцию 14.12.2021 Статья подписана в печать 11.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Е.А. Беспалова, А.А. Сергеева, 2022

Problems of Speech Culture on Regional Radio

Ekaterina A. Bespalova, Anna A. Sergeeva[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kbespalova@yandex.ru

Abstract

The actual problem of modern media linguistics is the state of the speech culture of the host of both national and regional radio. The purpose of this work is to describe the main problems of the speech culture of the leading regional radio on the example of the radio station "Course". In accordance with this goal, the following tasks are set and solved in the work: the trends in the development of radio speech in the context of the current state of the media language are described, the programs of the regional radio "Course" selected for analysis are classified from the standpoint of preparedness / spontaneity of speech, the collected empirical material is qualified from the point of view of speech disorders, according to the results of the analysis, the hypothesis about trends in the development of radio speech is confirmed. The identification of the specifics of the communicative skills of the leading music and entertainment radio of the Kursk region and the peculiarities of its speech culture was carried out on the basis of observation of language material, analysis, classification and generalization of the data obtained, qualitative interpretation of the data. The analysis of spontaneous speech and reproduction of pre-prepared speech was carried out on the basis of a sample of empirical material by ear from live broadcasts of regional radio.

It is shown that the conversational style of broadcasting radio "Course" is explained by the need to create a light entertainment background, the desire to get closer to the audience. The attitude to the beginning of the game is manifested, in addition to a favorable communicative effect, in a flexible attitude to speech norms, which is not always justified. Violations of orthoepic, diction, stylistic, intonation and other rules were revealed against the background of the desire of the presenters of the radio "Course" to comply with modern language norms. These features of the speech of the Kursk radio station's broadcast presenters confirm the trend of democratizing the journalistic style and expanding the normative boundaries of the language of mass communication, which in the future may affect new language norms, form new standards of speech culture, tending to the familiar-colloquial and vernacular-slang type.

Keywords: *radio journalism; speech culture; radio "Course"; the host of the broadcast.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bespalova E. A., Sergeeva A.A. Problems of Speech Culture on Regional Radio. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 10–18 (In Russ.).

Received 14.12.2021 Accepted 11.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Состояние речевой культуры журналистов в целом и радиоведущих в частности – одна из актуальных социальных, культурных и лингвистических проблем современного общества. Изучению особенностей радийной коммуникации как важного направления медиалингвистики посвящено много научных трудов [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Высокий уровень лингвистической грамотности журналиста важен прежде всего потому, что СМИ во многом влияют на языковые нормы; вступая непосредственно в диалог с массовой аудиторией, они предопределяют речевую культуру своих многочисленных собеседников.

Цель данной работы – описание основных проблем речевой культуры ведущего регионального радио на примере радиостанции «Курс».

К особенностям речевой культуры российских СМИ на современном этапе развития относят количественное и каче-

ственное усложнение конкретных сфер речевой коммуникации, социальное и культурное многообразие норм речевого поведения социальных групп [7; 8; 9], находящее отражение в массмедийном пространстве, демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации [10].

Доминирующее влияние на развитие речевой культуры современных СМИ оказывает Интернет, развлекательные теле- и радиопроекты, активно популяризирующие новые способы коммуникации и функционирования языка, речевые штампы и стереотипы. Именно в этой медийной среде формируются новые стандарты «речевой культуры», зачастую тяготеющей к фамильярно-разговорному и просторечно-жаргонному типу.

Материалы и методы

Радио «Курс» [11] представляет собой местную независимую музыкально-информационную FM-станцию (частота в Курске 103.7), занимающую лидирующие позиции среди курских радиостанций. Целевой аудиторией, судя по статистическим данным, выступают мужчины и женщины с активной жизненной позицией, в большинстве своем работающие, имеющие семью и стабильный средний доход деловые люди (42%), студенты вузов (30%), домохозяйки (20%), старшие школьники (8%); возрастная категория 20-45 лет [12]. Материалом исследования послужили эфиры данного регионального радио за 2021 г.

Выявление специфики коммуникативных навыков ведущего музыкально-развлекательного радио курского региона и особенностей его речевой культуры проведено на основе наблюдения над языковым материалом, анализа, классификации и обобщения полученных данных, качественной интерпретации данных. Эмпирический материал был собран в процессе прослушивания прямых эфиров, а также анализа архива записей, прослушать которые можно на официальной странице радио «Курс». Архив радио «Курс» включает в себя записи программ, в которых звучит только музыка или звучит музыка и заготовленная речь («Лаунж зона», «Digital emotions», «Электроза» и др.), такие передачи мало показательны для проведения нашего исследования. Анализ спонтанной речи и воспроизведения подготовленной заранее речи проводился на основе выборки эмпирического материала на слух из выпусков прямых эфиров регионального радио.

Результаты и обсуждение

Основой для успешной речевой деятельности журналиста является умение проявлять коммуникативное сотрудничество, основанное на использовании стратегии близости, стратегии отказа от выбора и отстранения [13]. Речевая компетентность ведущего включает в себя собственно языковую, а также этическую и риторическую компетенции и проявляется непосредственно в коммуникативной ситуации.

В процессе диалога радиоведущего с аудиторией основными средствами установления контакта выступают лексические ресурсы языка и интонация, которые дают возможность выразить эмоциональное состояние, настроение, дружеское расположение к собеседнику.

Отдельные требования к звучащей радиоречи меняются в зависимости от формата радиостанции, ситуаций общения в радиоэфире. Под форматом радиостанции понимается «концепция радиостанции, включающая в себя содержание, ритмы вещания, манеру работы ведущих и другие специфические особенности организации передач, подобранные в соответствии с характеристиками и потребностями целевой аудитории» [14, с. 34].

Слушатель чувствует речевые и поведенческие реакции журналистов, поэтому среди факторов успешной речевой коммуникации на радио необходимо выделить ориентацию на тот тип аудитории,

которому адресовано авторское послание. Слушатели радиостанций разнятся по социальному составу, гендерным и возрастным особенностям, уровню образования и общей культуре. Исходя из этого, радиоречь должна сочетать элементы социальной и персонифицированной ориентированности общения. Немаловажной составляющей грамотного речевого воздействия является установка на фактор адресата, сочетающаяся с установкой на фактор жанра. Так, Е.И. Грибкова обращает внимание на то, что «содержательное наполнение и языковое оформление новостей на радио для молодёжи будет отличным от радионовостей для более старшей аудитории» [15, с. 12].

Позитивный коммуникативный портрет радиожурналиста складывается из таких элементов, как «диалогичность, установка на игровое начало, гибкое отношение к этическим и этикетным нормам, общий развлекательный фон вещания» [16, с. 39-40].

Усиление конкуренции на рынке радио, усиление влияния этого сегмента СМИ повышает требования к общекультурной и коммуникативной грамотности радиожурналистов и к роли радио в пропаганде соблюдения норм речевой культуры.

Радио «Курс» («*Радио Соловьиного края*») позиционирует себя как стильное радио, что подчеркивается слоганом «*Есть вкус – слушаешь «Курс»!*». Как заявлено на сайте «Курса», это радио, транслирующее музыку, новости и юмор в *Курске, в Железногорске, Рыльске, Судже, Обояни, Льгове, Щиграх* [11]. Основные ведущие эфира – Алла Алехина, Ольга Теплова, Екатерина Коренькова, Сергей Королев, Юрий Маштаков.

Для выявления языковых особенностей эфиров радио «Курс» все выходящие на нем программы были распределены нами по трем категориям в зависимости от наличия в них речи ведущих и степени ее спонтанности:

1) программы, в которых речь ведущих отсутствует, т.к. звучит только музыка («Jazz-Time», «Электроза», «Лаунж зона», «Русская кибернетика» и др.);

2) программы, в которых звучит подготовленная заранее речь («За Баранкой», «Японские шишки», «News Time», «Аудио-салон», реклама и др.);

3) программы, в которых звучит спонтанная речь («Музыкальная мозаика», «Музыкальный час», анонс музыкального часа, «Утренняя зарядка», прогноз погоды и др.).

Из названных блоков для нас представляют интерес программы второй и третьей групп, позволяющие наблюдать живую речь в эфире или анализировать подготовленный языковой материал. Рассмотрим особенности речи названных типов на примере наиболее типичных передач.

Подготовленная заранее речь и ее воспроизведение

На протяжении всего круглосуточного эфира в качестве отбивок звучат слоганы, построенные на полисемии и языковой игре: «*не сбивайтесь с Курса»* (здесь и далее примеры взяты из прямых эфиров [11])*; «то, что звучит»; «то, что слышно»; «есть вкус – слушаешь Курс»;* слоган при перечислении частот вещания по городам Курского края – «*Охват имеет значение»* (на основе устойчивой фразы «*размер имеет значение*»).

Новостная информация «News Time» в эфире радио «Курс» выходит по будням каждый час с 8 утра до 8 вечера, по выходным – каждые два часа. Новости читают линейные ведущие. В сводке звучат как федеральные, мировые, так и местные новости с преобладанием местных, что намного ближе аудитории региона.

При подготовке новостных выпусков на радио «Курс» и их воспроизведении в эфире учитываются такие обязательные требования к программам новостного жанра, как точность подаваемой информации (новостник редакции радио прове-

ряет факты, даты, имена), исправление допущенных в эфире ошибок и неточностей, а также соблюдение орфоэпических и акцентологических норм. Сам подготовленный заранее текст новости воспроизводится ведущим эфира, как правило, без погрешностей.

Требование непредвзятости подачи в новостном выпуске «News Time» не всегда соблюдается. Считается, что задача диктора новостного выпуска – объективно озвучить факт, при необходимости привлекая для комментария аналитика или эксперта. Ведущие радио «Курс» могут высказывать собственное мнение по поводу конкретной ситуации: *«С одной стороны, конечно, круто…», «так, постойте-ка на секундочку…. Ах, черт возьми».* Подобные комментарии не позволяют в полной мере выполнять и требование соблюдения чувства меры и такта в общении с аудиторией, предъявляемое к новостным выпускам. Не всегда исполняется требование ровности голоса и отсутствия побочных звуков эффектов: характерной особенностью речи ведущих эфира на Курсе является своеобразная «модная» радийная манера произнесения слов с вытягиванием гласных - это касается всей эфирной сетки; нередко слышны звуки вдоха, чего следует избегать в соответствии с нормами радийной речи.

На радио «Курс» в рекламной сводке дается информация о магазинах, мероприятиях, автоцентрах, вакансиях в Соловьином крае и многом другом, с указанием адресов и телефонных номеров. Отбивка – «*Реклама на «Курс» радио*» (после рекламы – обратный порядок слов, указывающий на ее завершение – «*Реклама на радио «Курс*»); телефон *51-04-44*, повторяется дважды.

Программа «*За баранкой*» предназначена автолюбителям, содержит несколько рубрик. В одной из них - «*Автонапоминалка*» - полезные советы автолюбителям – была отмечена ошибка в управлении («*…достигала сто девяносто километров в час*»), в другой - «Автомобильные факты» – замечена тавтология («*получить надежный агрегат не получалось»*).

Спонтанная речь

Специфика речевого общения на музыкально-развлекательном радио состоит в том, ведущие программу создают иллюзию непрерывного диалога со слушателем благодаря императивным формулам, репликам, обращенным к соведущим, диалогам с дозвонившимися в студию.

«Музыкальный час» – программа, которая составляет основу сетки радийного эфира. Ведущие не только выполняют функции диджея, объявляют песни, оценивают и комментируют их, рекомендуют аудитории, но и читают прогнозы погоды, выводят в эфир выпуск новостного блока.

От регионального радиожурналиста в такой ситуации требуются многие коммуникативные умения, он должен быть универсалом. В целом линейные ведущие соблюдают действующие языковые нормы. Однако нами были отмечены нарушения и неточности различных видов:

– акцентологические ошибки – спонтанный характер речи, помноженный на неуверенное владение орфоэпическими нормами, провоцирует ошибки в ударениях («*соцсЕтях*», «*бАлуйте*» и др.);

– неоправданное использование элементов разговорной речи, просторечий, жаргонизмов («*безнал*», «*по телеку*», «*по-чесноку*», «*душевненько*», «*раздушевнейший голос»* и др.); употребление эвфемизма «*блин*»;

– речевая избыточность («*это просто, как мы испугались*», «*расскажи то, чего ты нам не рассказал*» и др.);

– повторы («*концертный бизнес (дважды)…концертная деятельность*» (за 1-2 предложения), «*возврат первого ощущения от дебютного выступления. Самый первый раз…*», «*получается…получается*» и др.);

– сочетание разностилевых элементов (*«11 часов 10 минут на студийных*

ходиках») и неоправданное вкрапление иноязычных слов («*погода у нас не rainy»*);

– неоправданное использование обратного порядка слов («*зима немало радости мне доставляет»*);

– неправильное образование словоформ («*грамотные люди в интернетах*»);

– запинки, неуместные паузы, эканье.

«Музыкальная мозаика» - ежедневная музыкальная программа, в которой ведущий эфира принимает музыкальные заявки радиослушателей в прямом эфире и через сообщения мессенджеров. Установка на исполнение желаний аудитории реализуется, помимо самих треков, посредством коммуникативных формул: *«уже в эфире», «принимайте»*. Наиболее популярные отбивки в программе – «*На радио Курс Музыкальная мозаика, звоните 58-33-44, пишите vk.com/kursradio», «программа, которую мы делаем вместе».*

Особенности организации речи ведущих в «Музыкальной мозаике» заключаются в том, что в ней представлена речь двух типов – радиослушателей, заявки которых исполняются в эфире, и самих ведущих. При этом нужно отметить, что пожелания слушателей чаще всего приходят в виде сообщений «ВКонтакте» или «WhatsApp» и ведущие имеют возможность исправить текст в случае какого-либо нарушения, но они этого не делают, видимо, в целях сохранения оригинальности сообщений, имитации «живого» диалога с аудиторией. Именно поэтому в эфир попадают просторечные и разговорные элементы («*пошел он на фиг», «желаю романтичных покатушек», «всем утречка доброго»*).

Однако и в речи самих линейных ведущих достаточно погрешностей: это обилие разговорных, просторечных и жаргонных элементов («*не проморгайте», «красотища», «за окном просто супер», «если есть возможность валяться, обязательно это сделайте», «повод достебаться до музыкального редактора»*), неточность в выборе лексических средств (*«возможность потанцевать романтически»*), повторы и лексическая избыточность (*«Мы характеризуемся мы с вами…»*), ошибки в согласовании («*передает привет своему другу Алексею… и Олегу*»), искажение звучания слов («*Дайте ж я вас расцАлую», «прУвет от Натальи»*).

Прогноз погоды зачитывается линейным ведущим и поэтому подается поразному. В нескольких выпусках было отмечено повторяющееся обозначение *господа синоптики*, придающее информации ироническое звучание. Наблюдается разговорная манера подачи сводки погоды («*будет пасмурно, обойдется без осадков»*), сочетание разностилевых элементов *«ожидается даже снег ввиду потепления»*).

Распространенным просчетом, выдающим недопонимание канонов речевого общения в прямом эфире, характерным для речи ведущих регионального радио, является неверная расстановка логических пауз и неудачное интонационное строение фразы, а также отмеченное выше вытягивание гласных в слове.

Учитывая специфику аудитории, установку на развлекательный контент, ведущие радио «Курс» зачастую нарочито имитируют разговорную манеру, что приводит к таким следствиям, как предельное упрощение лексики и синтаксиса, вплоть до просторечия, неоправданная стилизация под речевую манеру слушателя. При этом владение нормами современного русского литературного языка остается важным показателем профессионализма ведущих.

Очевидно, что прямой эфир диктует радиоведущему свои законы, и отдельные ошибки, речевые шероховатости в спонтанной речи фактически неизбежны. Природа речевой ошибки может быть разной, иногда ведущему, действительно, приходится комментировать сложные явления, использовать малознакомую тер-

минологию, выстраивать фразу после «странной» реплики дозвонившегося в эфир слушателя и т.д.

Разговорный стиль вещания радио «Курс» объясняется необходимостью создания легкого развлекательного фона, стремлением приблизиться к аудитории, сделать ее «своей» «*на волнах единственного своего»*. Установка на игровое начало проявляется, помимо благоприятного коммуникативного эффекта, в гибком отношении к речевым нормам, что не всегда оправдано.

Выводы

Несмотря на ограниченный диапазон вещания, региональный радиожурналист должен быть столь же высококвалифицированным коммуникантом, сформировавшейся языковой личностью, способной одновременно соответствовать требованиям развлекательного вещания и поддерживать высокую культуру ведения эфира, как и ведущие центральных редакций.

Типичными негативными тенденциями в области речевого общения на радио можно назвать сознательный отход от литературно-языковой нормы, особенно в условиях спонтанности, непосредственности коммуникативного акта, стремление к сокращению и упрощению фраз, линейность общения, которая в одних случаях может вести к экономии, в других – к избыточности речевых средств, следование речевой моде, влияние на язык СМИ англо-американских заимствований, имеющее языковые и экстралингвистические причины.

Распространенными просчетами, выдающими недопонимание канонов речевого общения, отмеченными в практике курской радиостанции, являются неверная расстановка логических пауз, неудачное интонационное построение речи, речевые и стилистические ошибки и др.

Особенности речевой культуры на радио «Курс» во многом связаны с форматом вещания. Очевидна тенденция к снижению уровня речевой культуры радиоведущих музыкально-развлекательных радиостанций, проявляющаяся в нарушении орфоэпических, дикционных, стилистических, интонационных и других правил. При этом наличие названных недочетов отмечается на фоне стремления ведущих эфира к соблюдению современных языковых норм.

Информатизация жизни, освоение нового социального опыта сопровождается обновлением языка, появлением новых слов, развитием новых значений, изменением мелодики русской речи, ростом заимствований, что обязывает специалистов радио бережнее и ответственнее относиться к языку как части национального наследия. С другой стороны, названные особенности речи ведущих эфира курской радиостанции подтверждают тенденцию демократизации публицистического стиля и расширения нормативных границ языка массовой коммуникации, что в будущем может повлиять на новые языковые нормы, сформировать новые стандарты речевой культуры, тяготеющей к фамильярно-разговорному и просторечно-жаргонному типу.

Список литературы

1. Сомова Е. Г. Языковая метафора в радиоречи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 20 с.

2. Егошкина В.А. Прагмастилистическая специфика развлекательного радийного дискурса // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 181–188.

3. Коньков В.И. Медиаречь: содержание понятия и принципы анализа // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 58-63.

4. Зубко Д.В. Радиопублицистика России: проблемно-тематические и структурно-функциональные характеристики (2000–2018): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 34 с.

5. Беспалова Е.А., Ельникова А.В. Условия успешной речевой коммуникации радиожурналиста (на примере ведущего общественно-политической радиостанции) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 38 (2). С. 191-201. DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-2-191-201.

6. Ельникова А.В., Беспалова Е.А. Формат развлекательного радио как фактор, определяющий речевую культуру радиожурналиста (на примере радио «Европа Плюс») // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 1. С. 90-99.

7. Степыкин Н.И. Small talk как стереотип вербального поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 584. С. 209-218.

8. Степыкин Н.И. Small talk: рекомендуемые и конвенционально запрещенные темы (на материале английского языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 25-28.

9. Степыкин Н.И., Полхова Ю.А. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта (на материале телесериала «Scrubs») // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 3. С. 442-450.

10. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. д.ф.н. проф. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. 457 с.

11. Радио Курс. URL: https://radio-kurs.ru

12. Рейтинг радиостанций Курска. URL: https://radiogenerator.ru/kursk/radio/radio-kurs/

13. Михальская А.К. Риторика и речевое поведение в массовой коммуникации: опыт обобщающей модели // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. С. 167-185.

14. Радиожурналистика / под ред. проф. А.А. Шереля. М.: Изд-во МГУ, 2000. 480 с.

15. Грибкова Е. И. Фактор реципиента в новостном радиотексте // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Филология. 2011. Т. 1. № 2. С. 192-198.

16. Резанова З.И., Ермоленкина Л.И., Катунин Д.А., Мишанкина Н.А. Дискурсивные картины мира: теория и практика социолингвистического исследования. Томск, 2006. 52 с.

References

1. Somova E. G. *Yazykovaya metafora v radiorechi*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Language metaphor in radio speech. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Krasnodar, 2002. 20 p.

2. Egoshkina V.A. Pragmastilisticheskaya specifika razvlekatel'nogo radijnogo diskursa [Pragmastilistic specificity of entertainment radio discourse]. *Kommunikativnye issledovaniya = Communicative research*, 2014, no. 2, pp. 181–188.

3. Kon'kov V.I. Mediarech': soderzhanie ponyatiya i principy analiza [Mediarech: the content of the concept and principles of analysis]. *Mir russkogo slova = The world of the Russian word*, 2016, no. 3, pp. 58-63.

4. Zubko D.V. *Radiopublicistika Rossii: problemno-tematicheskie i strukturno-funkcional'nye harakteristiki (2000–2018).* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Radio journalism of Russia: problem-thematic and structural-functional characteristics (2000-2018). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2019. 34 p.

5. Bespalova E.A., El'nikova A.V. Usloviya uspeshnoj rechevoj kommunikacii radiozhurnalista (na primere vedushchego obshchestvenno-politicheskoj radiostancii) [Conditions of successful speech communication of a radio journalist (on the example of a leading socio-political radio station)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*, 2019, no. 38 (2), pp. 191-201. DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-2-191-201.

6. El'nikova A.V., Bespalova E.A. Format razvlekatel'nogo radio kak faktor, opredelyayushchij rechevuyu kul'turu radiozhurnalista (na primere radio «Evropa Plyus») [The format of entertainment radio as a factor determining the speech culture of a radio journalist (on the example of Radio Europa Plus)]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya = Questions of Journalism, Pedagogy, Linguistics*, 2020, vol. 39, no. 1, pp. 90–99.

7. Stepykin N.I. Small talk kak stereotip verbal'nogo povedeniya [Smalltalk as stereotypes of verbal behavior]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, 2010, no. 584, pp. 209–218.

8. Stepykin N.I. Small talk: rekomenduemye i konvencional'no zapreshchennye temy (na materiale anglijskogo yazyka) [Small talk: recommended and conventionally prohibited topics (based on the material of the English language)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2014, no. 4, pp. 25–28.

9. Stepykin N.I., Polhova Yu.A. Analiz kommunikativnyh strategij i taktik v situacii konflikta (na materiale teleseriala «Scrubs») [Analysis of communicative strategies and tactics in a conflict situation (based on the material of the TV series "Scrubs")]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities*, 2018, vol. 37, no. 3, pp. 442–450.

10. *Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya* [Media language as an object of interdisciplinary research]; ed. by M.N. Volodina. Moscow, MGU Publ., 2003. 457 p.

11. *Radio Kurs* [Radio Course]. Available at: https://radio-kurs.ru.

12. *Rejting radiostancij Kurska* [Rating of Kursk radio stations]. Available at: https://radiogenerator.ru/kursk/radio/radio-kurs/

13. Mihal'skaya A.K. [Rhetoric and speech behavior in mass communication: the experience of a generalizing model]. *Problemy rechevoj kommunikacii. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Problems of speech communication: Interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, 2003, pp. 167-185 (In Russ.).

14. *Radiozhurnalistika* [Radio journalism]; ed. by A.A. Sherelya. Moscow, MGU Publ., 2000. 480 p.

15. Gribkova, E. I. Faktor recipienta v novostnom radiotekste [The recipient's factor in the news radio text]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. Filologiya = Bulletin of LSU named after A. S. Pushkin. Philology*, 2011, vol. 1, no. 2, pp. 192-198.

16. Rezanova Z.I., Ermolenkina L.I., Katunin D.A., Mishankina N.A. *Diskursivnye kartiny mira: teoriya i praktika sociolingvisticheskogo issledovaniya* [Discursive Worldviews: Theory and practice of sociolinguistic Research]. Tomsk, 2006. 52 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Беспалова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: kbespalova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7218-0635
Researcher ID: ABG-7397-2021

Ekaterina A. Bespalova, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: kbespalova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7218-0635
Researcher ID: ABG-7397-2021

Сергеева Анна Александровна, студент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: annasergeeva33460@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1854-4818

Anna A. Sergeeva, Student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: annasergeeva33460@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1854-4818

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.42

Место Интернет-имени в антропонимической системе языка

О.В. Кисель[1] ✉

[1] Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр. Ленина, д. 38, г. Магнитогорск 455000, Российская Федерация

✉ e-mail: olesja-kisel@rambler.ru

Резюме

На рубеже XX-XXI веков антропосистема Интернета, включая систему именования, все еще строится, что дает уникальную возможность наблюдать, как происходит формирование и становление новой ономастической категории. Киберпространство – невероятно богатый источник антропономастических данных, которые заслуживают гораздо большего внимания, чем они получили на сегодняшний день. В статье Интернет - имя определяется как виртуальное имя (виртуальный антропоним), которое используется во время общения с использованием электронных средств и в Интернете. Интернет-имя – это особая форма личных имен в виртуальном пространстве. Методами исследования стали как общенаучные методы – анализ и систематизация материала, так и частнонаучные методы – опрос информантов для выявления и уточнения скрытых мотивов выбора того или иного ника. Материалом исследования послужили около 500 антропонимических единиц: 150 официальных антропонимов, 120 прозвищ, 50 псевдонимов и около 180 Интернет-имен. Актуальность данного исследования заключается в том, что Интернет-имена, как относительно новое явление, еще не получили исчерпывающего определения в качестве языковой категории. Цель исследования – решить данный вопрос посредством сравнительного анализа имен в Интернете и трех других антропономастических категорий: псевдонимов, прозвищ и официальных имен. Каждый из выбранных классов дает возможность описать, посредством сравнения, разные характеристики Интернет - имени. Автор статьи описывает стратегии самоназывания и самопрезентации как в онлайн, так и оффлай - среде, а также соотносит варианты использования каждого класса реальных антропонимических категорий (псевдонимов, прозвищ и официальных онимов) с Интернет-именами. В статье также приведены примеры, которые демонстрируют сходство в отношении создания и использования реальных онимов и имен в Интернете. На основе данного сопоставительного анализа был сделан вывод, что Интернет-имя – это целостная, полноценная единица антропонимикона языка.

Ключевые слова: *Интернет-имя; псевдоним; прозвище; антропоним; официальное имя.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Кисель О.В. Место Интернет-имени в антропонимической системе языка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 20-29. .

Статья поступила в редакцию 26.10.2021 Статья подписана в печать 14.12.2021 Статья опубликована 11.04.2022

© Кисель О.В., 2022

The Place of the Internet Name in the Anthroponymic System of the Language (Comparative Analysis)

Olesya V. Kisel [1] ✉

[1] Nosov Magnitogorsk State Technical University
38 Lenin Ave, Magnitogorsk 455000, Russian Federation

✉ e-mail: olesja-kisel@rambler.ru

Abstract

At the turn of XX-XXI, the anthroposystem of the Internet, including the naming system, is still being formed, which provides a unique opportunity to observe how the formation and formation of a new onomastic category is taking place. Cyberspace is an incredibly rich source of anthroponomastic data that deserves much more attention than it has received to date. In the article Internet - names are defined as a virtual name (virtual anthroponym), which is used during communication using electronic means and on the Internet. Internet name is a special form of personal names in the virtual space. The relevance of this study lies in the fact that Internet names, as a relatively new phenomenon, have not yet received an exhaustive definition as a linguistic category. The aim of the study is to solve this issue through a comparative analysis of names on the Internet and three other anthroponomic categories: pseudonyms, pseudonyms and official names. Each of the selected classes makes it possible to describe, by means of comparison, different characteristics of the Internet name. The author of the article describes strategies for self-naming and self-presentation both online and offline, and also correlates the use cases for each class of real anthroponymic categories (pseudonyms, nicknames and official names) with Internet names. The article also provides examples that demonstrate similarities regarding the creation and use of real names and names on the Internet. Based on this comparative analysis, it was concluded that the Internet - a name - is an integral, full-fledged unit of the anthroponymicon of the language.

Keywords: *Internet – name; pseudonym; nickname; anthroponym; official name.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kisel O.V. The Place of the Internet Name in the Anthroponymic System of the Language (Comparative Analysis). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2021, 11(4): 20–29 (In Russ.).

Received 26.10.2021 Accepted 14.12.2021 Published 11.04.2022

***

Введение

Интернет вошел в повседневную жизнь, и, тем самым, произвел переворот во всех областях общественной жизни, а также стал основным средством в обмене информацией и коммуникации. Интернет-общение невозможно без идентификации и самопрезентации личности. Нет такого аспекта жизни, на который не влиял бы Интернет и его использование. Одним из важных условий общения является самоидентификация посредством Интернет-имени. Выбор Интернет-имени более серьезная задача, чем можно себе представить. При использовании электронной почты, входе на форум, создании блога владельцу необходимо зарегистрироваться в системе, а, следовательно, выбрать ник, и тем самым войти в мир Интернета.

Основной проблемой, связанной с исследованием функционирования онима в Интернет-среде, является их позиционирование в антропонимической системе языка. Обладая такими «основными признаками имен собственных, как единство и определенность номинации, референтность, семантическая и структурная специфика, имена находятся в сфере актуальной антропонимии» [1, с. 246].

Общение в Интернете очень важно для людей, чье личное общение по каким-то причинам очень мало. Они используют мировую сеть как альтернативу своему реальному окружению. Ник считается основным средством самопрезентации в Интернете [2]. Поскольку виртуальный мир – это цифровая модель реального мира, то и в виртуальном мире невозможно представить себе что-либо без имени и адреса.

Главная задача ников – анонимность их владельцев и сокрытие их за придуманными именами в виртуальном мире. Интернет-имена можно считать современными формами псевдонимов. Существует много общего между компьютерными именами и традиционными псевдонимами. Интернет-имена могут быть связаны с псевдонимами, потому что они заменяют настоящее имя. Основная функция псевдонимов – скрывать подлинную личность человека. Человек может легко выразить посредством никнеймов то, что невозможно выразить в реальном мире через официальный антропоним. Интернет-имена – это результат индивидуального и целенаправленного создания имен; носители языка создают их для себя, то есть носителями виртуальных имен являются их авторы, они пытаются создать оригинальное имя, а также продемонстрировать свою фантазию и творческий потенциал [3].

Результаты и обсуждение

Интернет-имена являются достаточно новым явлением, поэтому вопрос их определения и терминологии остается открытым.

Разночтения в определении могут ввести в заблуждение, предполагая непроверенное родство с уже существующими единицами антропонимикона языка: прозвищами, псевдонимами и официальными антропонимами.

Пытаясь успешно охарактеризовать имена в Интернете как категорию, следует прежде всего обратиться к той среде, из которой они произошли. Анализ случайно выбранной группы онлайн-словарей и глоссариев компьютерной и интернет-терминологии на английском и русском языках (https://www.netlingo.com/, https://www.proacton.ru/about-internet/terms-glossary,) показал, что имя в Интернете, обычно в паре с паролем, служит в основном для открытия или доступа к учетной записи в многопользовательской среде, например: учетные записи электронной почты, форумы или чаты, банковские операции, магазины или другие сайты и услуги.

Для описания имен в Интернете используется ряд единиц английской терминологии, включая: *username, login, account name, screen name, handle, nick, nickname.*

Однако как термины, так и определения могут варьироваться от одного языка к другому, а также от одного словаря к другому в пределах одного и того же языка. Например, «*username*» наиболее часто встречается в английских словарях (NetLingo, Sharpened Glossary) и повсеместно применяется в ситуациях, связанных с проверкой, идентификацией и общением пользователей. SearchSOA утверждает, что «*nickname*» применяется только к имени, используемому при общении с другими пользователями в Интернете.

Является ли Интернет-имя псевдонимом?

Интернет-имена часто считаются псевдонимами, однако следует отметить, что практика самопрезентации и переименования также распространена и в оффлайн-среде [4; 5; 6].

В некоторых культурах допустимо выбирать другое имя, когда настоящее считается неподходящим. В работе В.А. Никонова приведен пример об эскимосах в Канаде, которые меняли свои имена пять или шесть раз, к отчаянию чиновников [7].

Согласно словарю ономастической терминологии, псевдоним – это вымышленное имя, используемое в общественной жизни индивида наряду с настоящим именем или вместо него. Исследование псевдонимов обычно фокусируется на людях, которые узнаваемы; оно часто включает в себя сопоставление вымышленных имен с реальными [8].

Большинство пользователей Интернета – обычные люди, что делает это определение неуместным. Кроме того, псевдонимы являются ложными по определению, тогда как в качестве Интернет-имен могут использоваться как реальные, так и вымышленные имена. Псевдонимы заменяют юридические имена, следовательно, обязательно отличаются от реальных, тогда как в некоторых интернет-сообществах использование реальных имен является обычной практикой.

Существует некоторое сходство в отношении функций: и псевдонимы, и Интернет-имена используются для обеспечения анонимности или признания, или и того, и другого одновременно. Анонимность часто является средством предотвращения нежелательных реакций, например, путем сокрытия определенных аспектов личности, таких, например, как пол. Писательницы – женщины известны тем, что используют мужские псевдонимы для получения доступа к сообществу уважаемых авторов, например, *Аврора Дюпен – Жорж Санд*, *Мэри Энн Эванс-Джордж Элиот* [9]. О.Ю. Гукосьянц пишет об онлайн-обмене полами, а также о гендерно нейтральных именах. Примечателен тот факт, что более высокую тенденцию маскировать пол проявляют женщины [10].

Что касается Интернет-имен, то было зафиксировано сравнительно частое использование полных имен и различных форм официальных именований (полных, сокращенных, дериватах), часто в сочетании с числом (*Gala99, Vova52, But1979oVa*) или топонимом (*MariA_MGN, Alla_Spain*) [11].

Как псевдонимы, так и Интернет-имена обычно признаются пользователями в качестве интеллектуальной собственности владельца, подобно фирменным наименованиям. Берхар - Израели заметил, что, если человек пользуется определенным ником, который уже используется другим пользователем того же сайта или чата, они обычно спрашивают друг друга, как долго каждый из них использует этот ник, и «старший пользователь» выигрывает [12].

Иногда, когда никнейм «украден», Неттеры – сетевые администраторы – наказывают вора. Они препятствуют его входу на сайт, посылают ему несколько неприятных сообщений. Однако было отмечено несколько случаев так называемого олицетворения (через «воровство» имени кого-либо и выдача себя за этого человека).

Является ли Интернет-имя новым прозвищем?

Некоторые исследователи предположили, что система прозвищ разработана для поддержки идентификации в сообществах, члены которых хотят скрыть свои юридические, официальные имена [13; 14].

Основной отличительной чертой прозвищ и Интернет-имен является то, что первые указывают на то, что члены сообщества знают имена друг друга, тогда как участники различных сайтов или чатов, или же просто пользователи Интернета могут оставаться анонимными.

Использование прозвищ является универсальным явлением, которое также относится к сообществам, которые не нуждаются в дополнительных системах идентификации. Ван Лангендонк отмечает, что общим мотивом для прозвищ является потребность людей характеризовать других [4].

Кроме того, многочисленные исследования доказывают, что прозвища сохраняют тесную связь с сообществами, где они создаются, и часто только члены данной группы компетентны правильно

их использовать [15; 16]. Например, Гаск указал, что прозвища часто используются в местах, где большое количество людей постоянно коммуницируют межу собой. [17].

Некоторые из прозвищ не функционируют как средство обращения – имена взрослых редко используются в качестве адресных форм по сравнению с ювенильными. Более того, человек может не знать, что его или ее прозвали, например, учителей часто называют «за спиной» [18; 19]. Кроме того, исследователи отметили тот факт, что среди мужчин прозвищ больше чем среди женщин, а детей и подростков чаще нарекают прозвищами чаще, чем взрослых. Интернет-имена обязательны для всех возрастных категорий в виртуальной коммуникации.

Прозвища также часто служат как инструмент социального контроля, который служит для определения, выражения и поддержания характера отношений. Согласно Гаску, прозвища «подчеркивают отношения: близкие, враждебные или презрительные» [17]. Прозвища могут:

– навязывать общественные нормы;

– подчеркивать неадекватное поведение (например, со стороны начальства или со стороны подчиненных);

– самовосхвалять носителя;

– служить для поддержания престижа и репутации.

Таким образом, ключевым свойством прозвищ является то, что они являются результатом взаимодействия, тогда как Интернет-имена необходимы для взаимодействия. Никнеймы являются элементами первого впечатления и могут влиять на решение о начале взаимодействия.

Семантическая структура как прозвищ, так и Интернет-имен имеют общие характеристики. Они также часто этимологически прозрачны. Независимо от культуры или социальной среды, возникновение прозвищ и Интернет - имен связано с такими характеристиками своего носителя, как:

– физические особенности: внешний вид, возраст: *Blauäugige Jungfrau*, *Рыжеволосая, Wysoka Brunetka;*

– черты характера, темперамент, привычки, поведение: *$trange, I'm_Скромность, Креативный*;

– род занятий, хобби и другие виды деятельности: *plumber, Anarchist*;

– происхождение, национальность, место жительства: *Старый_еврей, Дева from Moscow*;

– родственные связи – генеалогические и брачные: *Давно_замуЖем*, *Одинокий волк*;

– финансовое положение, социальный статус: *prosecutor_of all RuSSia*, *Leuven*.

Прозвища, как ономастическая единица, тесно связаны с обществом, поэтому на них влияют все социальные изменения. Постмодернистские общества становятся более мобильными, поэтому возникновение и распространение прозвищ теряется, а данная ономастическая категория утрачивает актуальность в свете современных социальных тенденций. Следует заметить, что Интернет-имена часто переходят в офлайн среду, вытесняя тем самым прозвища.

Интернет-имена лучше отражают характер постмодернистской идентичности: ее индивидуальность и мобильность.

Является ли имя в Интернете «вторым официальным именем»?

Интернет-имена являются стихийно созданными единицами, поэтому закономерно их квалифицировать как «неофициальные», «вторичные», «замещающие», «дополнительные» [4; 20].

Это утверждение может быть оспорено. Так, псевдоним – это вымышленный оним, и основной его функцией является замещение официального имени. Прозвище можно описать как дополнительное именование человека с различными эмотивно-экспрессивными характеристиками. Все вышеперечисленные определения не относятся к именам в Ин-

тернете. Они не заменяют настоящих имен, так как официальный антропоним может также использоваться для регистрации и входа в Интернет. Они также не является дополнением именованием: системы не позволяют использовать несколько имен для одной регистрации – каждое имя рассматривается как отдельная единица.

Интернет-имена являются обязательным инструментом для идентификации пользователя в сети. Таким образом, аналогично официальным именам, имена в Интернете являются первичными и не являются необязательными. Их нельзя считать официальными, но они, безусловно, обязательные характеристики пользователя в Интернете. В процессе регистрации в сети любого члена социума обычно просят выбрать имя, которое он будет использовать для коммуникации.

Во многих доменах пользователи могут защищать свои имена (так называемые постоянные имена) паролями. И только тот, кто знает пароль, может войти в систему с таким ником. Таким образом, каждая регистрация означает приспособление к определенной системе именования.

Официальные имена в офлайн среде рассматриваются как неотъемлемая часть личностей их владельцев. Изменение имени в некоторых культурах используется для отражения или инициирования изменений в жизни людей: когда человек достигает зрелости, выходит замуж, становится родителем и т. д. [7].

В Интернет-среде практика изменения имен сравнительно популярна, например, примерно 30% пользователей сайтов, по нашим собственным наблюдениям, признали, что использовали более одного ника. Хотя большинство участников интернет коммуникации предпочитают создать узнаваемый ник, но некоторые из них имеют разные Интернет-имена для каждого чата. Остальные «примеряют» несколько никнеймов, прежде чем выберут подходящий или обновляют свои имена в Интернете в соответствии с изменениями в жизни.

Имена в Интернете отражают индивидуальные предпочтения, ценности и мировоззрение пользователей Сети. Они часто несут эмоциональные и символические значения, например, никнеймы, которые демонстрируют желаемые личные качества, надежды на удачу и другие стремления [21].

Люди многих культур и разных исторических периодов считали, что имена способны приписывать своим владельцам желаемые качества. Точно так же многие пользователи Интернета верят, что привлекательные имена могут улучшить их образ, тем самым увеличить популярность в Интернете, а в офлайн общении повысить самооценку и уверенность в себе [22; 23].

Все это может быть достигнуто при использовании различных ассоциативных стратегий для создания релевантных коннотации, таких как:

– выбрать ник ассоциирующийся с имена известный и популярных личностей: *Джеймс Б., МакГайвер, Фидель, Гагарин*, *В.В. Жириновский*, *Онегин*, *Анна Каренина*, *воннегут*;

– ник с отсылкой на окружающую природу: Ч*ерная кошка*, *Слезы_Солнца*, *Ночная волчица*, *Кактус*, *Белый волк*

– ник с отсылкой на бренды: *BMW, Duvel* (бельгийское пиво);

– ник с отсылкой на абстрактные явления: *Свет вечности*, *Случай_но*, *ДУША*.

Выводы

В настоящее время Ник – это своего рода визитная карточка человека. Родители дают своим детям имена и фамилии, но Интернет-имя – это выбор самого человека. Каждый пользователь сталкивается с проблемой создания ника. Никнейм – это своего рода то культурный феномен. Каждый может дать информацию о своих развлечениях, характерных чертах и интеллектуальных навыках, ис-

пользуя его. По нику можно многое сказать о человеке.

На основе собранного эмпирического материала был сделан вывод, что создание Интернет-имени не ограничивается какими-либо лексическими, графическими и семантическими правилами. Данный вид нейминга может быть выражением важных характеристик самого имядателя. При этом такого рода характеристики будут зависеть от социального положения, эмоционального состояния имядателя.

Особенности прозвищ характеризуют их как особый вид антропонии в ограниченной среде виртуального коммуникативного пространства. Хотя имена в Интернете имеют ряд общих свойств с другими антропономастическими категориями, они также обладают рядом уникальных характеристик.

После анализа собранных нами Интернет-имен мы пришли к следующим выводам:

1) при создании логина для электронной почты пользователи чаще всего выбирают аналоги своего официального имени, так как это один из видов деловой коммуникации;

2) носители прозвищ и псевдонимов часто используют данные онимы офлайн среды как Интернет- имена;

3) удачно созданное Интернет-имя, в свою очередь, наоборот выходит из онлайн коммуникации в офлайн среду, функционируя как прозвища своего создателя.

Интернет-имена как новые реалии в теории коммуникации должны изучаться как языковые единицы, формирующие представление о структуре виртуального человека. Описание сетевого имени как новой ономастической единицы в виртуальной реальности (чат, блог, форум, игра), исследование его функциональных особенностей очень актуально.

Список литературы

1. Москальчук А.А. Никнейм – виртуальное имя человека // Записки горного института. 2009. Вып. 7. С. 246-248.

2. Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 11-23.

3. Косиченко Е. Ф. Ономастический код фантастической реальности (на материале англоязычной художественной прозы) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 1. С. 8–16.

4. Langendonck W. Theory and Typology of Propernames. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 2007.

5. Зубарева А.В. Никнейм как особый тип онимов: в поисках интегрального признака // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 115-123.

6. Климова М.А. Никнеймы в компьютерных играх: вопросы функционирования и варьирования // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 293-315.

7. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 276 с.

8. Суперанская А. В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.

9. Подсеваткин С. Энциклопедия псевдонимов. М.: ТЕРРА, 1999. 256 с.

10. Гукосьянц О.Ю. Речевой аспект маскировки гендерной идентичности в англоязычной Интернет-опосредованной коммуникации: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2016.

11. Кисель О.В., Дубских А.И., Бутова А.В. Мотивы самопрезентации личности в интернет-пространстве посредством никнейма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 222-225.

12. Bechar-Israeli, H. From "Bonehead" to "cLoNehEAd": Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat // Journal of Computer-Mediated Communication. 1995. № 1 (2). https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x

13. Казяба В.В. Интернет - никнейм сквозь призму прозвища // Новая наука: От идеи к результату. 2016. № 2-3. С. 83-84.

14. Собиров Б. С. Основные антропонимические категории // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2020. № 7. С. 193-197.

15. Adams M. Power, Politeness, and the Pragmatics of Nicknames // Names. 2009. №57(2). Pp.81-91.

16. Holland T.J.J. The Many Faces of Nicknames // Names. 1990. № 38 (4). Pp.255-72.

17. Gasque T.J. Looking Back to Beaver and the Head: Male College Nicknames in the 1950s.// Names. 1994. № 4 (2). Pp.121-32.

18. Юдаева О.В. Никнеймы как элемент речевого портрета пользователя сети // Военно-филологический журнал. 2020. № 1. С. 32-38.

19. Mashiri P. 2004. More than Mere Linguistic Tricks: The Sociopragmatic Functions of Some Nicknames Used by Shona-speaking People in Harare // Zambezia. 2002. № 31 (1). Pp.22-45.

20. Косинская В.А. Понятие никнейма в антропонимической системе // Реализация компетентностного подхода в системе профессионального образования педагога: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 449-452.

21. Reyhan Yusif Habibli The Role of the Proper Names on the Internet- Communication //Journal of Critical Reviews. 2020. Vol. 7. Is. 4. Pp. 906-908.

22. Дубских А.И. О некоторых аспектах коммуникативной стратегии самопрезентации // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сборник статей участников IV Международной научной конференции: в 3 т. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. Т. 1. С. 96-100.

23. Бутова А.В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования: материалы I Национальной научно-практической конференции. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. С. 1134-1136.

References

1. Moskal'chuk A.A. Niknejm – virtual'noe imja cheloveka [Nickname is a virtual name of a person]. *Zapiski gornogo instituta= Journal of Mining Institute*, 2009. no. 7, pp. 246-248.

2. Golomidova M.V. Russkaya antroponimicheskaya sistema na rubezhe vekov [Russian anthroponymic system at the turn of the century]. *Voprosy onomastiki*, 2005. no. 2. pp. 11-23.

3. Kosichenko E.F. Onomasticheskiy kod fantasticheskoy real'nosti (na materiale angloyazychnoy khudozhestvennoy prozy) [Onomastic code of fantastic reality (based on the material of English-language fictional proe)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika =Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 8-16.

4. Langendonck W. Theory and Typology of Propernames. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 2007.

5. Zubareva A.V. Nikneym kak osobyy tip onimov: v poiskakh integral'nogo priznaka [Nickname as a special type of onyms: in search of an integral feature]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Philology*, 2018, no. 4, pp. 115-123.

6. Klimova M.A. Nikneymy v komp'yuternykh igrakh: voprosy funktsionirovaniya i var'irovaniya [Nicknames in computer games: questions of functioning and variation]. *Voprosy onomastiki*, 2020, vol. 17, no. 3, pp. 293-315.

7. Nikonov V. A. *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 276 p.

8. Superanskaya A.V. *Sovremennyy slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [Modern dictionary of personal names. Comparison. Origin. Writing]. Moscow, Ayris-press Publ., 2005. 384 p.

9. Podsevatkin S. *Entsiklopediya psevdonimov* [Encyclopedia of pseudonyms]. Moscow, TERRA Publ., 1999. 256 p.

10. Gukosyants O.Yu. *Rechevoy aspekt maskirovki gendernoy identichnosti v angloyazychnoy Internet-oposredovannoy kommunikatsii*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Speech aspect of masking gender identity in English-language Internet-mediated Communication. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Pyatigorsk, Pyatigor. State Linguist Universitet Publ., 2016

11. Kisel O.V., Dubskikh A.I., Butova A.V. Motivy samoprezentatsii lichnosti v internet-prostranstve posredstvom nikneyma [Motives of personality self-presentation in the Internet space by means of a nickname]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. = Philological Sciences. Questions of theory and practice,* 2019, vol. 12, no. 5, pp. 222-225.

12. Bechar-Israeli H. From "Bonehead" to "cLoNehEAd": Nicknames, Play and Identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1995, no. 1 (2), https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x

13. Kazyaba V.V. Internet - nikneym skvoz' prizmu prozvishcha [Internet - a nickname through the prism of a nickname]. *Novaya nauka: Ot idei k rezul'tatu = New Science: From Idea to Result*, 2016, no. 2-3. pp. 83-84.

14. Sobirov BS Osnovnye antroponimicheskie kategorii [Basic anthroponymic categories]. *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk = Bulletin of the Tajik National University. A Series of Philological Sciences*, 2020, no. 7, pp. 193-197.

15. Adams M. Power, Politeness, and the Pragmatics of Nicknames. *Names*, 2009, no. 57(2), pp. 81-91.

16. Holland T.J.J. The Many Faces of Nicknames. *Names*, 1990, no. 38 (4), pp. 255-72.

17. Gasque T.J. Looking Back to Beaver and the Head: Male College Nicknames in the 1950s. *Names*, 1994, no. 4 (2), pp. 121-32.

18. Yudaeva O.V. Nikneymy kak element rechevogo portreta pol'zovatelya seti [Nicknames as an element of the speech portrait of a network user]. *Voenno-filologicheskiy zhurnal = Military Philological Journal*, 2020, no. 1. pp. 32-38.

19. Mashiri, P. 2004. More than Mere Linguistic Tricks: The Sociopragmatic Functions of Some Nicknames Used by Shona-speaking People in Harare. *Zambezia*, 2002, no. 31 (1), pp. 22-45.

20. Kosinskaya V.A. [The concept of a nickname in the anthroponymic system]. *Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v sisteme professional'nogo obrazovaniya pedagoga. Sbornik materialov VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Implementation of the competence-based approach in the system of professional education of a teacher. Collection of materials of the VI All-Russian scientific-practical conference]. Simferopol, 2019, pp. 449-452 (In Russ.).

21. Reyhan Yusif Habibli The Role of the Proper Names on the Internet- Communication. *Journal of Critical Reviews*, 2020, vol 7, is. 4, pp. 906-908

22. Dubskikh A.I. [On some aspects of the communicative strategy of self-presentation]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh. Sbornik statey uchastnikov IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects. Collection of articles by participants of the IV International Scientific Conference], REKPOL Publ., 2008, vol. 1, pp. 96-100 (In Russ.).

23. Butova A.V. [Self-presentation of the subject in mass media discourse]. *Sovremennye problemy i perspektivy razvitija nauki, tehniki i obrazovanija. Materialy I Nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Modern problems and prospects for the development of science, technology and education. Materials of the 1st National Scientific and Practical Conference]. Magnitogorsk, 2020, pp. 1134-1136 (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Кисель Олеся Владимировна, доцент кафедры иностранных языков по техническим направлениям, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация
e-mail: olesja-kisel@rambler.ru

Olesya V. Kisel, Associate Professor of the Department of Foreign Languages in technical areas, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russian Federation
e-mail: olesja-kisel@rambler.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81

Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации

Д.Р. Абдульмянова[1] ✉

[1]Московский городской педагогический университет
2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1, г. Москва 129226, Российская Федерация

✉ e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Резюме

Как известно, коммуникация в интернет-пространстве представляет собой особый формат взаимодействия в силу дистантности общения и отсутствия личного контакта. Исследователями интернет-коммуникации был выявлен ряд особенностей виртуального взаимодействия (анонимность, присутствие механизмов стереотипизации и идентификации, добровольность, выборность и желательность контактов, затрудненность эмоционального компонента общения; стремление к нетипичному, ненормативному поведению и т.д.), были идентифицированы наиболее частотно используемые коммуникативные стратегии и тактики. Статья посвящена изучению коммуникативного поведения и стратегий участников коммуникации в интернет-среде. Интернет-среда является динамичной коммуникативной средой, в которой задействовано множество участников коммуникативного взаимодействия. В связи с этим, важную задачу исследования составляет анализ социального взаимодействия участников коммуникации как «процессуального» явления, динамика которого подчиняется определенным правилам. Целью работы является обоснование выбора метода исследования коммуникативного взаимодействия и построение динамической модели интернет-коммуникации. Теоретическую базу исследования сформировала аутопоэтическая теория, опора на которую позволяет учитывать динамику интернет-коммуникации и моделировать поведение коммуникантов, тем самым описывая процессуальность коммуникативного взаимодействия с учетом таких свойств участников взаимодействия, как адаптивность и пластичность. Для достижения цели были поставлены и решены следующие задачи: изучена специфика метода моделирования; рассмотрены особенности интернет-коммуникации как вида диалогического взаимодействия; описаны и методологически обработаны основные постулаты аутопоэтической теории, представляющей собой методологическую платформу для моделирования коммуникации как рекурсивного взаимодействия. В ходе работы была построена динамическая модель интернет-коммуникации, а также описан эксперимент с целью апробации и применения данной модели интернет-коммуникации к анализу языкового материала.

***Ключевые слова**: аутопоэз; интернет-коммуникация; коммуникативное взаимодействие; адаптация; эксперимент.*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Абдульмянова Д.Р. Моделирование как метод исследования коммуникативного взаимодействия: динамическая модель интернет-коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 30-43. .

Статья поступила в редакцию 24.09.2021 Статья подписана в печать 02.11.2021 Статья опубликована 11.04.2022

© Абдульмянова Д.Р., 2022

Modeling as a Method of Research of Communicative Interaction: a Dynamic Model of Internet Communication

Diana R. Abdulmianova[1] ✉

[1]Moscow City University
4 Vtoroy Selskohoziajstvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation

✉ e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Abstract

In the 21st century a significant part of communication has been transferred from the real world (face-to-face interaction) to the virtual space, as the worldwide web provides unprecedented opportunities, reduces geographical distances and eliminates barriers to communication. Linguists propose different approaches to Internet-mediated communication. One of the approaches is to identify the dominant strategies used by the participants to Internet-mediated communication. The paper focuses on the study of communicative behavior and strategies of communication participants within the Internet space. The Internet is supposed to be a dynamic space that mediates the participation of an unlimited number of communicants in a variety of discussions. In this regard, the crucial task is the analysis of communicative interaction as a "procedural" phenomenon, the dynamics of which is subject to certain laws. The purpose of the paper is to substantiate the choice of a method for studying communicative interaction and to construct a dynamic model of Internet-mediated communication. The study is based on the autopoietic theory, which allows to take into account the dynamics of Internet-mediated communication and to model communicants' behaviour, thereby describing the development of communicative interaction, addressing such properties of the participants to this communication act as adaptability and plasticity. To achieve the goal we need to solve the following tasks: to study the features of the modeling method; to analyze the specifics of Internet-mediated communication as a special type of dialogical interaction; to consider the main concepts and categories of the autopoietic theory that is seen as a methodological platform for modeling communication as a recursive interaction and to process them within the methodological framework. The results of the study present an autopoietic model of Internet-mediated communication and an experimental research aimed to verify and apply this model to the analysis of linguistic material.

***Keywords**: autopoiesis; Internet-mediated communication; communicative interaction; adaptation; experiment.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Abdulmianova D.R. Modeling as a Method of Research of Communicative Interaction: a Dynamic Model of Internet Communication. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 30–43 (In Russ.).

Received 24.09.2021 Accepted 02.11.2021 Published 11.04.2021

***

Введение

В конце XX века была разработана и получила широкое распространение всемирная сеть Интернет. Условия взаимодействия в виртуальной сети значительно отличаются от традиционных способов взаимодействия, требуя, в свою очередь, от участников коммуникации иного коммуникативного поведения.

Ни одна из известных моделей не позволяет исследователю ответить на вопросы «зачем?» и «почему?» совершается коммуникативный акт. Коммуникация, как правило, рассматривается с позиции стороннего наблюдателя. Тем не менее, изучая особенности интернет-коммуникации и специфики поведения коммуникантов, можно утверждать, что интернет-коммуникация не может быть логически описана без понимания и учета «внутренних» процессов, происходящих в самих участниках общения.

Наличие модели, способной описывать принципы коммуникативного взаи-

модействия в Интернете, позволит выявить и систематизировать стратегии поведения коммуникантов, а также объяснить причины применения разных стратегий в той или иной ситуации. Осознание вариативности стратегий коммуникативного взаимодействия и условий их реализации сделает коммуникацию в виртуальном пространстве более понятной для стороннего наблюдателя и даст возможность точнее выстраивать причинно-следственные связи при анализе конкретных примеров общения.

Коммуникация является одной из базовых составляющих жизни человека, поэтому корректная трактовка процесса коммуникативного акта и осведомленность в общих закономерностях его реализации составляют один из самых актуальных вопросов современности. Стремление понять сущность коммуникации привело к росту количества исследований в данной области. При этом, как правило, ученые, исследующие коммуникацию, задействуют метод моделирования.

Большие успехи и признание практически во всех отраслях современной науки принес методу моделирования XX век. Как известно, были предприняты многочисленные попытки выявить закономерности, присутствующие в каждом отдельно взятом коммуникативном акте, систематизировать коммуникацию. Для лучшего понимания сущности коммуникации в середине XX века начались разработки моделей коммуникации – при этом модели строились (и строятся) с опорой на очень разные основания. В справочной литературе моделирование трактуется следующим образом, рассмотрим несколько существующих определений моделирования.

Моделирование является «процессом исследования объектов на их моделях. В отличие от гипотез, различные модели не конкурируют и не отменяют друг друга, а взаимодополняют, являясь интерпретациями (осмысленными выражениями)» [1].

Моделирование представляет собой «метод исследования объектов познания на их моделях; построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений (органических и неорганических систем, инженерных устройств, разнообразных процессов – физических, химических, биологических, социальных) и конструируемых объектов для определения либо улучшения их характеристик, рационализации способов их построения, управления ими и т.п.» [2].

А. А. Леонтьев объяснял данный термин следующим образом: это «логическая (знаковая) конструкция, воспроизводящая те или иные характеристики исследуемого нами объекта при условии заранее определенных требований к соответствию этой конструкции объекту» [3, с. 41]. Однако ученый указывал на то, что моделирование не является любым представлением объекта в модели «моделируя реальный объект, мы конструируем другой объект, изоморфный данному «объекту» в каких-то существенных признаках» [3, с. 41].

На сегодняшний день моделирование коммуникативного поведения субъектов социального взаимодействия в рамках интернет-пространства представляет собой релевантную задачу настоящей работы в связи с тем, что интернет-коммуникация дифференцируется от классической коммуникации межличностного взаимодействия. Известно, что процессуальность коммуникативного взаимодействия как неотъемлемое свойство коммуникации представляет собой главную особенность интернет-коммуникации. Однако процесс коммуникативного взаимодействия дискретизируется и рассматривается с помощью его отдельных компонентов, как, например, в моделях коммуникативного взаимодействия, представленных во многих известных исследованиях. Однако при этом не придается значение имманентному свойству коммуникации, представляющему собой ее континуальность.

Материалы и методы

Как известно, построение лингвистической модели выступает объективным критерием проверки истинности знаний о языке. Формирование перечня признаков, характерных для данного вида коммуникации, а также обозначение наиболее значимых представляется актуальной задачей с целью построения модели интернет-коммуникации, соответствующей моделируемому объекту исследования и иллюстрирующей его функционирование. Моделирование представляет собой метод исследования механизмов речевой деятельности.

Проанализировав особенности коммуникативного поведения субъектов социального взаимодействия в интернет-среде, можно сделать вывод о том, что возможность изучения и анализа коммуникативного взаимодействия участников социальной коммуникации как процессуального явления не отражена в тех методах, которые были ранее разработаны. Существенно то, что данные методы отображают вербальную составляющую коммуникации, которая имела место быть, не принимая во внимание процесса ее порождения. Поскольку интернет-коммуникация является динамическим процессом, представляется необходимым создание инструмента анализа для данного типа коммуникации. Так, такие значимые параметры как эволюционный характер и континуальность субъекта коммуникации и конструируемой им среды должны быть отмечены в модели коммуникации. В связи с этим необходимо разработать модель с опорой на такую методологию, которая бы описывала взаимодействие в интернет-среде как процесс постоянной адаптации участника коммуникативного поведения в конструируемой им среде.

В последнее время появляются научные труды, которые отмечают аутопоэтическую теорию, обладающую необходимым объяснительным потенциалом для построения модели коммуникации, в фокусе которой оказывается располагающий определенным набором адаптационных характеристик субъект коммуникации (труды А.Г. Сонина, А.В. Кравченко, В.А. Пищальниковой, К.С. Кардановой-Бирюковой и др.). Данные исследования направлены на изучение перспектив использования основополагающих положений теории аутопоэза в качестве общеметодологической платформы исследования для анализа лингвистических объектов. Высказывание о том, что «живые системы постоянно действуют, стремясь сохранить собственную идентичность» [4, с. 136, 9], представляет собой объективное преимущество выбранной методологии и намечает перспективу исследования «процессуальных» явлений.

Как представляется, применение данной теории открывает новые возможности изучения коммуникации. Аутопоэтическая концепция дает возможность исследователю анализировать присущую коммуникации имманентную континуальность и разработать динамическую аутопоэтическую модель интернет-коммуникации.

При построении динамической модели интернет-коммуникации с опорой на теорию аутопоэза, учитывающей континуальность субъекта коммуникации и его среды, исследователю необходимо учитывать новые, нетрадиционные принципы моделирования коммуникативного взаимодействия. Такие противоположные, но релевантные для описания коммуникации свойства как дискретность и имманентная континуальность должны в одинаковой степени найти отражение в разрабатываемой модели коммуникации. Так, можно выделить устойчивые и динамические составляющие конструируемой модели. К устойчивым составляющим модели можно отнести самоорганизующуюся живую систему, среду и ее факторы, а к динамическим – структурность, пластичность, иерархизацию средовых факторов и пр. Так, с учетом вышеназванных составляющих динамической модели интернет-коммуникации

представляется возможным построить такую модель, в которой отмечается постоянная адаптация участника коммуникативного поведения, а также моделируется динамика социального взаимодействия.

Результаты и обсуждение

Анализ коммуникативного взаимодействия в интернет-среде проводился в четыре этапа. На первом этапе исследования были изучены основополагающие постулаты теории аутопоэза, предоставляющей возможность моделировать коммуникацию как рекурсивное взаимодействие. На втором этапе исследования понятия и ключевые категории аутопоэтической концепции были методологически обработаны для описания и анализа субъекта коммуникации. Теория аутопоэза была методологически обработана, а ее основные положения были сопоставлены с социальными явлениями с целью применения данной теории к описанию речевой деятельности участника социального взаимодействия. Аутопоэтическая концепция постулирует о том, что человек, выступающий в качестве живой системы, является категорией высокого уровня абстракции. Следует отметить то, что субъект коммуникации в процессе социального взаимодействия адаптируется на когнитивном уровне. Объект анализа представляет когнитивная система коммуниканта, структурные изменения которой моделируют динамику коммуникации. На третьем этапе был описан метаязык исследования и рассмотрены перспективы моделирования как метода исследования коммуникации. Так, была выстроена теоретическая платформа, с опорой на которую была построена аутопоэтическая модель интернет-коммуникации.

Итак, *живая система*, обозначаемая как «сеть процессов производства, трансформации и деструкции компонентов, которые необходимы для непрерывного поддержания самих этих процессов и которые в совокупности предстают в качестве отдельного локализованного в среде объекта, в рамках которого эти процессы реализуются» [5, с. 79; 8] является основным понятием теории аутопоэза. Живая система характеризуется *адаптивностью*, *гибкостью*, *самоорганизацией*, а также *структурной пластичностью*.

Еще одним главным понятием теории, рассматриваемой в качестве теоретической основы предпринятого исследования, является *среда*, детерминируемая как область всех взаимодействий живой системы, в роли которой выступает коммуникант.

Необходимо подчеркнуть то, свойства живой системы тесно коррелируют со свойствами среды и обусловливают характеристики ее среды. Таким образом, следует утверждать, что те изменения структуры, которым подвергается живая система, провоцируют изменения в среде.

Основное положение аутопоэтической концепции определяется тем, что любая живая система в процессе своей жизнедеятельности стремится сохранить собственную организацию. Согласно теории аутопоэза как теоретической платформы настоящего исследования, живая система (коммуникант) должна адаптироваться к условиям среды, то есть постоянно коммуницировать со своей средой и достигать баланса с ней. Однако следует отметить, что достигаемый баланс со средой может постоянно «нарушаться» ввиду гибкости живой системы и среды, что впоследствии приводит к новой фазе взаимодействия. Ввиду повторного «нарушения» баланса взаимодействие в очередной раз возобновляется. Такое взаимодействие между системой и ее средой называют *рекурсивным*, т.е. повторяющимся. Необходимо отметить то, что коммуницируя со средой, система *эволюционирует* на каждом новом этапе рекурсивного взаимодействия в силу того, что она регулярно взаимодействует с конструируемой ею средой.

Изменения, ведущие за пределы организации, заканчиваются крахом системы или переходом ее на другой уровень. Непрерывное структурное изменение живых систем с сохранением их самоорганизации происходит постоянно. Данные постоянные структурные изменения и в системе, и в среде (в связи с постоянным стремлением к равновесию) неизбежно приводят к *эволюции* и того, и другого.

Принципиально важным моментом является то, что порождаемая структурная перестройка неизбежно приводит к изменению в дальнейшем способе ее существования в среде, а, следовательно, изменяется и качество конструируемой среды.

Видение коммуникации как стремления коммуниканта адаптироваться позволяет рассматривать взаимодействие с учетом индивидуальных свойств каждого коммуниканта, то есть его структуры, и учитывать факторы, которые зачастую остаются латентными для стороннего наблюдателя. Тот факт, что среда не является постоянной, а меняется вместе с изменениями в структуре коммуниканта, дает возможность создать гибкую и динамическую модель, которая отражает сущность коммуникации в Интернете. При рассмотрении поведения коммуникантов в интернет-среде с позиции теории аутопоэза можно говорить о том, что адаптация является основной деятельностью коммуникантов и одновременно двигателем взаимодействия. Описанный выше *принцип рекурсивности* позволяет рассматривать коммуникацию как последовательность однотипных действий, вне зависимости от того, участвуют ли в ней два коммуниканта или более.

Опираясь на данные теоретические положения, была разработана динамическая модель интернет-коммуникации. Проанализируем ключевые составляющие модели настоящего исследования.

Итак, коммуникант, представляющий собой *самоорганизующуюся живую систему*, представляет собой наиболее значимый элемент разрабатываемой модели.

Основным постулатом теории аутопоэза является положение об аутопоэтичности (самоорганизации) системы, иными словами, постоянном стремлении системы к балансу со средой, даже если это потребует изменений в структуре самой системы. Каждая система взаимодействует не с другой системой, а со средой, частью которой является другой коммуникант. По определению авторов теории, средой для системы выступает не единое пространство для общения, одинаковое для всех, а индивидуальная иерархия факторов системы, выстроенная с учетом ее организации. Таким образом, объективная реальность заменяется субъективным видением окружающего мира, индивидуальным для каждой системы.

Взаимодействие между системой и средой происходит непрерывно и характеризуется созданием возмущений, как в среде, так и в системе, что приводит к структурным изменениям системы, направленным на сохранение структуры. Изменения в структуре одной системы одновременно оказываются изменениями в среде.

Такой подход позволяет рассматривать коммуникацию в Интернете как подвижное взаимодействие между системой и средой, которое не представляется дискретным. Благодаря взгляду на коммуникацию как на *адаптацию* к изменчивой среде, мы можем отказаться от позиции наблюдателя и изучать коммуникативный акт с точки зрения организации системы и внутренних изменений в структуре коммуникантов.

Характер адаптации участника коммуникативного взаимодействия обусловливается такими характеристиками, как предшествующий коммуникативный опыт, степень сформированности психических операций, степень сформированности языковой способности и перцептивно-когнитивно-аффективная база коммуниканта, которые необходимо учесть при

конструировании модели интернет-коммуникации [11].

Предшествующий коммуникативный опыт как свойство субъекта социального взаимодействия характеризуется теми ситуациями общения, в которых коммуникант принимал участие ранее. Степень сформированности психических операций характеризуется способностью участника социального взаимодействия к адаптивному рекурсивному взаимодействию со средой. Следует отметить то, что психические операции представляют собой стратегии и тактики продуцирования ответных шагов, которые коммуникант может реализовать в рамках интернет-общения. Степень сформированности языковой способности определяется как умение применять различные языковые/речевые инструменты коммуникации (умение эффективно пользоваться необходимыми вербальными средствами для осуществления взаимодействия со средой), а также обусловливает ориентированность участника коммуникативного взаимодействия на содержание, структуру, логику и стилистику высказываний, формирующих интернет-коммуникацию. Кроме того, степень сформированности языковой способности детерминирует учет данных характеристик при выстраивании ответного речевого действия. Перцептивно-когнитивно-аффективная база в разрабатываемой модели понимается как «интегративное понятие, суммирующее все формы хранения и представления знаний: продукты переработки коммуникативного опыта, перцептивные образы разных модальностей, единицы разных уровней обобщения и эмоционально-оценочные переживания, соответствующим образом маркирующие вербальные составляющие опыта» [6, с. 9].

Следует отметить, что вышеназванные характеристики конструируемой модели коммуникативного поведения участника интернет-коммуникации взаимообусловлены, поскольку адаптация участника социального взаимодействия в процессе коммуникации характеризуется сопряжением этих параметров.

Представляется необходимым обозначить операциональную единицу – *рекурсивный шаг* – с целью моделирования динамики интернет-коммуникации. Следует подчеркнуть, что рекурсивный шаг не тождественен речевому действию, поскольку может состоять из одного или нескольких речевых действий (рис. 1).

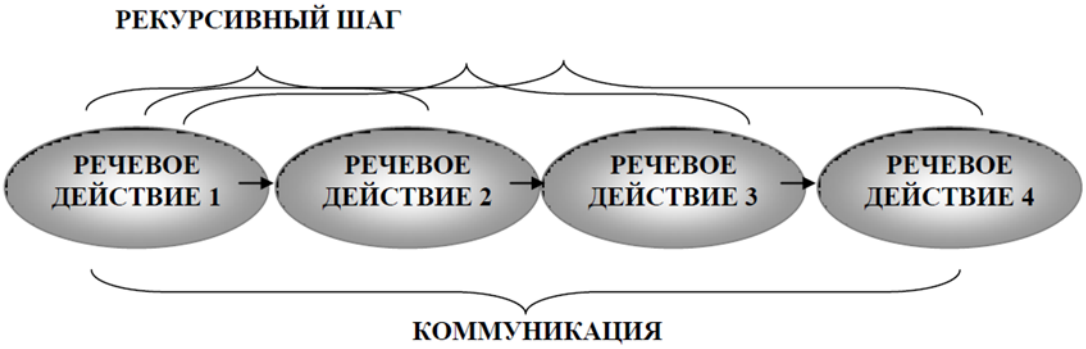


Рис. 1. Рекурсивный шаг как единица анализа коммуникации

Fig. 1. A recursive step as a unit of communication analysis

Параметры взаимодействующих живых систем и конструируемой среды определяют характер рекурсивного шага. Рекурсивные шаги поэтапно осуществляются участниками коммуникативного поведения в процессе адаптивного взаимодействия. Таким образом, коммуниканты (живые системы) адаптируются к среде и совершают ответные действия. В этом свете коммуникация рассматривается в виде последовательности рекурсивных шагов, осуществляемых участниками коммуникативного взаимодействия. Вместе с тем, характеристики участников коммуникации и характеристики среды обусловливают характер рекурсивного шага. Для успешной коммуникации живая система (коммуникант) вынуждена адаптироваться, задействуя свои адаптивные способности. В ходе адаптации система реорганизуется, что, несомненно, приводит к изменению в среде с позиции других систем (коммуникантов), и это провоцирует их также прибегать к адаптации. Данный принцип взаимодействия системы со средой имеет циклический характер, протекающий не по кругу, а скорее по спирали ввиду непрерывного эволюционирования системы – среды.

Ученый может опираться только на косвенные проявления параметров системы, ввиду того, что аутопоэтическая теория служит платформой для конструирования модели на высоком уровне абстракции. Представляется целесообразным выделить и описать три уровня анализа коммуникативного взаимодействия, а именно вербальный, коммуникативный и когнитивный, с целью привлечения конструируемой модели коммуникативного взаимодействия в интернет-пространстве к анализу процесса коммуникации (рис. 2).

Рис. 2. Три уровня анализа интернет-коммуникации

Fig. 2. Three levels of Internet-mediated communication analysis

Представляется, что *вербальный* уровень определяется *семантическим полем* («совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [7, с. 380]); *грамматической формой* слова («языковой знак, в котором грамматическое значение находит свое регулярное (стандартное) выражение» [7, с. 116]) и *синтаксической организацией* высказывания субъекта коммуникации («характерные для конкретных языков средства и правила создания речевых единиц» [7, с. 448]).

Коммуникативный уровень обусловливается иерархией мотивов участников коммуникативного поведения. В рамках психологической теории деятельности отмечается то, что побудителем любой деятельности является мотив [3, с. 23]. В связи с этим можно полагать о том, что основу речевой деятельности составляют мотивы. Данные мотивы можно дифференцировать как релевантные, так и производные.

Изучение структуры речевой деятельности участника коммуникативного поведения, а также характера применения его адаптационных параметров представляется возможным на коммуникативном уровне взаимодействия, поскольку именно мотивы, в нашем случае определяемые свойствами коммуниканта, побуждают к деятельности и обусловливают характер рекурсивного адаптивного взаимодействия.

Следует отметить то, что в процессе коммуникативного взаимодействия в интернет-среде мотивы могут быть смещены. Ряд таких факторов, как ассоциативная база участников коммуникативного взаимодействия, уровень языковой компетенции, предшествующий коммуникативный опыт и другие значимые факторы детерминируют смену мотивов. Количество средовых факторов, принимаемых во внимание участником коммуникативного поведения, также определяются иерархией мотивов (восприятие одного из собеседников, участвующих в интернет-общении или сообщения; позиционирование себя, руководствуясь мотивом самопрезентации; опора на факторы среды).

На *когнитивном* уровне описываются и анализируются психические операции, применяемые участниками коммуникативного поведения в процессе социального взаимодействия (например, обобщение, аналогия, классификация, абстрагирование и т.д.). Помимо этого, в том случае, если участники интернет-коммуникации опираются на фоновые знания, мы можем утверждать о том, что данные живые системы обладают достаточным набором адаптационных характеристик и высокой степенью сформированности психических операций. Следует отметить, что изучение субъекта коммуникативного взаимодействия в интернет-среде реализуется на трех уровнях анализа коммуникативного поведения, которые отличаются взаимозависимостью и взаимообусловленностью. Так, например, когнитивный уровень анализа коррелирует с коммуникативным уровнем, поскольку участники коммуникативного взаимодействия применяют определенные психические операции при смене одного мотива на другой. Вербальный уровень соотносится с коммуникативным, поскольку ориентирован на исследование тех языковых средств, с помощью которых реализуются ведущие мотивы.

Процесс адаптации, его направленность и характер во многом определяются адаптационными механизмами, которые задействует живая система. К таким механизмам относится, прежде всего, *активность*. Так, представляется необходимым введение такого параметра, как активность субъекта коммуникативного взаимодействия, в конструируемую модель. Активность рассматривается как значимая характеристика коммуникативного поведения субъекта интернет-коммуникации, поскольку активность является показателем адаптации коммуниканта (степень вовлеченности участника в коммуникативный процесс и его стремление к его поддержанию/не поддержанию) [10]. Параметр активности субъекта коммуникативного взаимодействия, яв-

ляющегося адаптационным механизмом, детерминирует рекурсивность самого взаимодействия. Представляется, модель интернет-коммуникации может детерминироваться как динамическая, поскольку все вышеуказанные свойства прогнозируют адаптацию участников коммуникации, а, следовательно, динамику коммуникации в интернет-пространстве.

С учетом данных характеристик была сконструирована динамическая модель интернет-коммуникации (рис. 3).

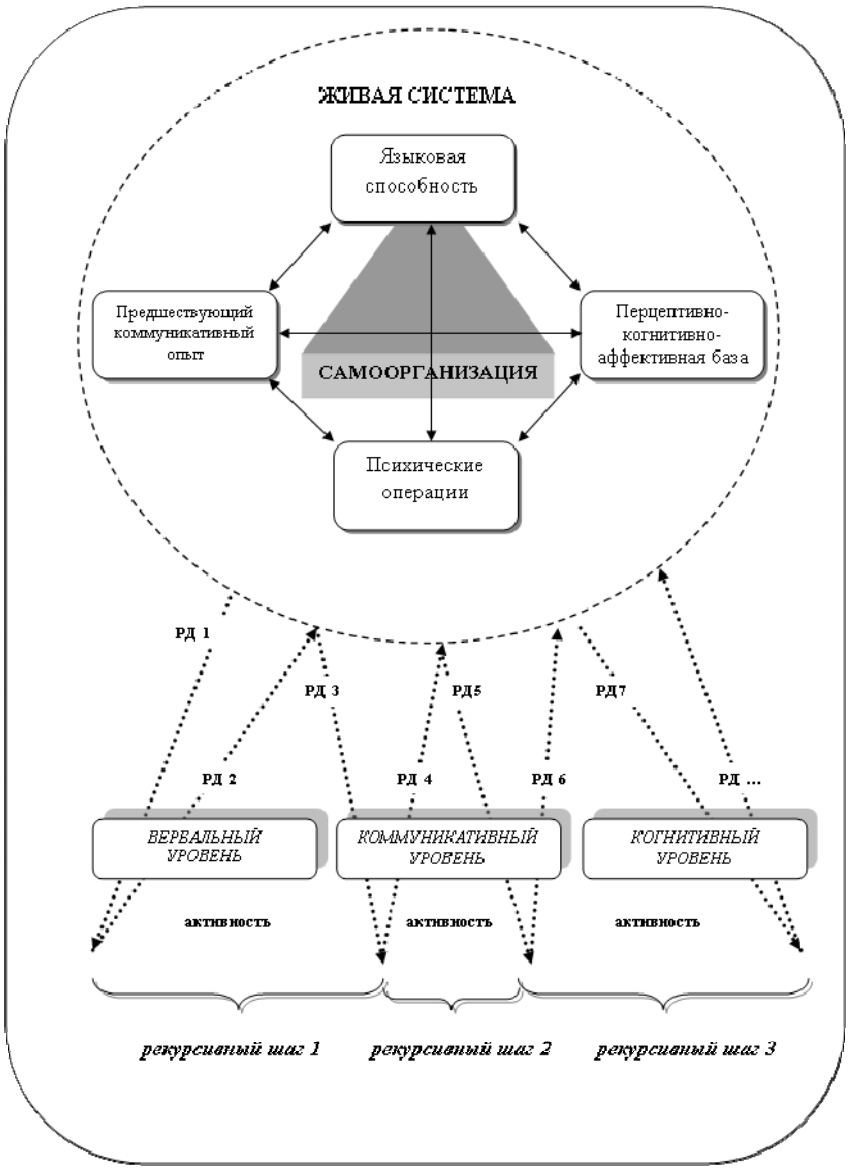


Рис. 3. Динамическая модель интернет-коммуникации

Fig. 3. A dynamic model of Internet-mediated communication

Выводы

Моделирование выступает инструментом изучения механизма речевой деятельности. В данной статье описаны возможности применения метода моделирования коммуникативного взаимодействия в Интернете, а также рассмотрены релевантные для конструирования модели коммуникации понятия.

В ходе проведенного исследования была построена динамическая модель коммуникативного взаимодействия в ин-

тернет-среде, направленная на изучение адаптационных механизмов, а также моделирование динамики акта коммуникации, руководствуясь теорией аутопоэза.

Такие характеристики субъекта коммуникативного поведения в Интернете, как предшествующий коммуникативный опыт, перцептивно-когнитивно-аффективная база, степень сформированности психических операций и языковой способности, являются ключевыми параметрами, детерминирующими и прогнозирующими динамику социального взаимодействия.

Введенный в разрабатываемую модель коммуникации рекурсивный шаг представляет собой каждый новый этап взаимодействия. Параметры коммуницирующих систем и их мотивы наряду с параметрами среды детерминируют характер рекурсивного шага. Представляется, что в процессе такого взаимодействия участники коммуникативного поведения реализуют рекурсивные шаги. Данные действия приводят к их адаптации и, как следствие, осуществлению ответных речевых действий. При совершении рекурсивного шага участник коммуникативного поведения «подстраивается» к характеристикам среды, тем самым поддерживая собственную организацию.

Описание коммуникативного поведения участника интернет-общения как постоянной адаптации дает возможность говорить о бесконечности и недискретности коммуникации в Интернете. В связи с этим представляется обоснованным применять теорию аутопоэза в качестве методологической базы для построения новой динамической модели интернет-коммуникации.

Разработанная динамическая модель социального взаимодействия в интернет-среде отличается от известных моделей, поскольку формируется на иной теоретической платформе. Следует также принять во внимание то, что в конструируемой модели интернет-коммуникации находит отражение континуальность, присущая процессуальным явлениям.

Исследование акта коммуникации в интернет-пространстве как нелинейного коммуникативного взаимодействия системы в постоянно изменяющейся среде, является основополагающей задачей при разработке динамической модели. Данная модель дает возможность рассматривать свойства коммуникации в интернет-среде, взаимодействие в которой существенно отличается от классического формата общения. Прежде всего, такое взаимодействие определяется условиями, которые модулирует виртуальная среда (нелинейность, многокомпонентность, стереотипность, интерактивность и пр.).

С целью верификации и применения данной модели интернет-коммуникации к анализу языкового материала представляется целесообразным провести экспериментальное исследование. Проведение экспериментального исследования планируется с участием двух экспериментальных групп испытуемых, состоящих из носителей английского и русского языков. С помощью проведения экспериментального исследования и построения гипотез, демонстрирующих непосредственную взаимообусловленность одного параметра с другим, представляется возможным верифицировать обоснованность заявленных позиций модели.

Так, вышеуказанные характеристики субъекта коммуникации должны быть отражены в конструируемой динамической модели интернет-коммуникации. Поскольку эти свойства тесно коррелируют друг с другом, в некоторых случаях дифференциация одного из них в качестве доминирующего не представляется допустимым. Так, во многих случаях составляющей перцептивно-когнитивно-аффективной базы являются психические операции, применяемых коммуникантами при совершении ответного речевого действия и являющимися наиболее очевидными проявлениями структурности, поэтому обособление этих свойств субъекта коммуникации друг от друга практически не представляется вероятным.

Принимая во внимание тот факт, что свойства субъекта коммуникативного поведения взаимозависимы, на этапе планирования эксперимента задания, предъявляемые испытуемым, должны быть выстроены таким образом, чтобы характер коммуникации в интернет-пространстве определялся одним свойством. Ввиду того, что представляется крайне невозможным исключение сопряженности параметров субъекта коммуникативного поведения, вполне вероятно свести их к минимуму и не рассматривать в исследовании.

Исследование определенных компонентов коммуникации обособленно, в конкретных обстоятельствах, где исследователь обладает необходимым набором функций контролировать средовые факторы согласно выдвинутым целям, позволяет представлять процесс взаимодействия «изнутри». Таким образом, это даст возможность более точно раскрыть иерархию мотивов субъекта коммуникативного поведения, а также определить логику самого процесса коммуникативного взаимодействия.

Представляется целесообразным обозначить четыре верифицируемые гипотезы в ходе эксперимента. На основе вышесказанного была сформулирована гипотеза о том, что умение продуцировать ответное речевое действие на вопрос, содержащий факты, определяется уровнем сформированности перцептивно-когнитивно-аффективной базы коммуниканта. Данное научное предположение может быть верифицировано с помощью предъявления задания, включающего в себя вопросы, подразумевающие опору на фактуальную информацию.

Вторая научная гипотеза заключается в восстановлении логики коммуникативного взаимодействия за счет адаптационных механизмов участников коммуникативного поведения. Данное предположение может быть верифицировано с помощью задания, ориентированного на выявление способности восстановить логику развития коммуникации, а именно, взаимосвязь (последовательность) между несколькими парами комментариев.

Третья экспериментальная гипотеза выражается в том, что уровень понимания коммуникантом факторов среды, а значит, способность к рекурсивному взаимодействию, детерминируется степенью сформированности языковой способности. Данное предположение может быть верифицировано с помощью задания, ориентированного на осмысление текста на иностранном языке русскоязычными респондентами, изучающими английский язык.

Четвертая научная гипотеза состоит в том, что рекурсивность коммуникативного взаимодействия определяется свойством активности как проявления адаптации участника коммуникации. Данное предположение может быть проверено посредством метода наблюдения.

Таким образом, рассмотрение коммуникации с позиции теории аутопоэза позволяет выявлять причинно-следственные связи в поведении коммуникантов и говорить о коммуникативном акте как о процессе с несколькими допустимыми вариантами развития. Адаптация как основа всей деятельности коммуникантов дает возможность говорить о поведении участников коммуникативного поведения с точки зрения их индивидуальных характеристик, интересов и ценностей, а не рассматривать их как составные элементы фиксированной схемы взаимодействия. Разработанная динамическая модель интернет-коммуникации дает возможность моделировать динамику акта коммуникации и определять адаптационные механизмы участников коммуникативного поведения. Данная модель базируется на другой методологической платформе, тем самым дифференцируется от иных созданных в лингвистической науке моделях.

Список литературы

1. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. М.: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.

2. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.

3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

4. Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 1. М.: Институт языкознания РАН, МГЛУ, 2005. 296 с.

5. Maturana H.R. Autopoiesis and Cognition. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1980. P. 13 – 90.

6. Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). С. 8–19.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.

8. Maturana H.R. The Tree of Knowledge. Boston, MA: Shambhala Publications, 1987. 269 p.

9. Varela F.J. Principles of Biological Autonomy. New York: North Holland, 1979. P. 21–79.

10. Абдульмянова (Газиева) Д.Р. Активность как детерминанта коммуникативного поведения участника общения на англоязычных интернет-форумах// Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 2. С. 129–135.

11. Абдульмянова Д.Р. Моделирование межличностного взаимодействия в интернет-коммуникации: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2015. 27 с.

References

1. *Novejshij filosofskij slovar'* [New philosophical dictionary]; ed. by A.A. Gricanov. Moscow, 1998. 896 p.

2. *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovaleva, V.G. Panova. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1983. 836 p.

3. Leont'ev A.A. *Osnovy psiholingvistiki* [The Basics of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p.

4. Pishchal'nikova V.A. *Istoriya i teoriya psiholingvistiki* [The history and the theory of psycholinguistics], pt. 1. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2005. 296 p.

5. Maturana H.R. Autopoiesis and Cognition. Dordrecht, Holland: D. Reidel, 1980, pp. 13–90.

6. Zalevskaya A.A. Znachenie slova i “zhivoj polikodovyj gipertekst” [The meaning of the word and polycode text]. *Voprosy psiholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*, 2013, no. 1 (17), pp. 8–19.

7. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]; ed. by V.N. Yarcevoj. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1990. 683 p.

8. Maturana H.R. The Tree of Knowledge. Boston, MA: Shambhala Publications, 1987. 269 p.

9. Varela F.J. Principles of Biological Autonomy. New York: North Holland, 1979. P. 21–79.

10. Abdul'mianova (Gazieva) D.R. Aktivnost' kak determinanta kommunikativnogo povedeniya uchastnika obshcheniya na angloyazychnyh internet-forumah [Activity as a feature of communicative behavior on English-speaking Internet-forums]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya = Bulletin of Tver State University. Philology*, 2015, no. 2, pp. 129-135.

11. Abdul'mianova D.R. *Modelirovanie mezhlichnostnogo vzaimodejstviya v internet-kommunikacii: eksperimental'noe issledovanie*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Modeling of interpersonal interaction in Internet-mediated communication: an experimental research. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2015. 27 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Абдульмянова Диана Рустамовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Diana R. Abdulmianova, Cand. of Sci. (Philological), Assistant in Linguistics and Translation Studies Department, Moscow City University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: diana-gazieva@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81.42

Языковые шаблоны в спортивном комментировании

М. О. Калиниченко[1] ✉

[1] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург 620002, Российская Федерация

✉ e-mail: maxcuberful@gmail.com

Резюме

Статья посвящена использованию в речи спортивных комментаторов языковых шаблонов — часто повторяющихся единиц в дискурсе спортивного комментирования, фиксирующих сами события соревнования или их параметры. Их использование вызвано внутренними и внешними ограничениями, накладывающимися на речь комментатора, который должен быстро реагировать на ход соревнования. Языковые шаблоны мало изучены в контексте устной спонтанной речи, ярким жанром которой является спортивное комментирование. При выстраивании дискурса комментаторы переключаются с одной темы на другую, фиксируют в речи события, происходящие на спортивной арене.

Цель исследования — выявить языковые шаблоны, присущие дискурсу спортивного комментирования трех видов спорта: велогонки, автогонки и футбола. Были поставлены две частные задачи: рассмотреть возможность использования языковых шаблонов в качестве дискурсивных маркеров, основываясь на статистическом анализе подготовленных транскриптов с текстом спортивного комментирования; объяснить социо- и психолингвистические мотивы использования языковых шаблонов. Помимо локального лексико-грамматического и дискурсивного анализа структуры шаблонов был задействован анализ дискурсивного эпизода по Т. ван Дейку.

Было обнаружено десять типов языковых шаблонов в комментировании трех видов спорта: по три уникальных для каждого вида спорта и один универсальный («комментарий к видеоповтору»), обусловленный форматом трансляций. Так, спортивные комментаторы заполняют свою речь типовой информацией о параметре спортивного события: временные рамки матча/гонки, текущий результат, действия и расположения спортсменов по отношению друг к другу. Информация такого рода передается в фиксированных языковых формах, лишенных креативного начала в связи с повторяемостью событий спортивного соревнования. Было обнаружено, что 29 % найденных языковых шаблонов находятся в начале дискурсивных эпизодов, что говорит о возможностях их использования в качестве дискурсивных маркеров.

Ключевые слова: *языковой шаблон; дискурс; спортивный дискурс; дискурсивный маркер; спортивное комментирование; шаблонные фразы.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Калиниченко М. О. Языковые шаблоны в спортивном комментировании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 44-56. .

Статья поступила в редакцию 26.01.2022 Статья подписана в печать 10.02.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Калиниченко М. О., 2022

Linguistic Routines in Sports Commentary

Maxim O. Kalinichenko[1] ✉

[1] Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira str., Yekaterinburg 620002, Russian Federation

✉ e-mail: maxcuberful@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the use of linguistic routines in the speech of sports commentators. Linguistic routines are frequently repeated discourse units of sports commentary which capture competition events or their parameters in verbal form. The use of linguistic routines is caused by internal and external constraints on the speech of a commentator who has to react quickly to the course of event. Linguistic routines are understudied in the field of oral spontaneous speech—a striking example of such speech is sports commentary. While generating discourse, commentators switch from one topic to another, verbally register events which happen at a sporting arena.

The aim of the study was to determine linguistic routines which are inherent in the discourse of sports commentary of three types of sport: a cycling race, a motor race, and a football match. Two specific tasks included exploring the possibility of using linguistic routines as discursive markers (based on the statistical analysis of developed transcripts of sports commentary) and explaining socio- and psycholinguistic motivations for using linguistic routines. Apart from local lexical, grammatical, and discourse analyses of routine patterns, T. van Dijk's discourse episode analysis was incorporated into the study.

Ten types of linguistic routines have been revealed in commentaries of three different types of sport: three for each, and a universal one ("commentary on an instant replay") implied by the broadcasting format. More specifically, sports commentators fill their speech with typical information on one of the parameters of a sporting event: time frame of a match/race, intermediate result, actions and relative locations of athletes. Such information is transmitted in fixed linguistic forms characterised as non-creative because of the frequency of sporting competition events. 29% of obtained linguistic routines had been placed at the beginning of discourse episodes, which speaks of their discourse marking potential.

Keywords: *linguistic routine; discourse; sports discourse; discourse marker; sports commentary; formulaic language.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kalinichenko M.O. Linguistic Routines in Sports Commentary. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 44–56 (In Russ.).

Received 26.01.2022 Accepted 10.02.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Под языковыми шаблонами понимаются простые повторяющиеся грамматические структуры, применяемые в типовых коммуникативных условиях. Их размер варьируется от устойчивых фраз до полноценных дискурсивных отрывков.

Впервые термин «шаблон», как мы его понимаем в данном исследовании, был использован в классической работе, определившей спортивное комментирование как регистр устной речи [1]. В ней языковой шаблон попал в список шести морфосинтаксических особенностей спортивного комментирования наряду с упрощением, инверсией, результирующими выражениями, сильными модификаторами, необычными видовременными формами для передачи кратких и продолжительных действий [1, с. 158-165].

Под упрощением в данном случае подразумевается эллипсис, а именно пропуск подлежащего, глагола-связки или вспомогательного глагола. Результирующие выражения передают информацию о свершившемся микрособытии соревнования: например, какой игрок и кому от-

дал передачу. Сильные модификаторы включают в себя распространенные приложения, описывающие параметры участников события: антропометрические данные, достижения, позиции, роли.

Все указанные морфосинтаксические особенности вызваны нехваткой времени, быстротой спортивного соревнования и необходимостью запечатлеть его в речи. Например, инверсия в комментировании не несет никакой функции и не представляет стилистической ценности – это лишь издержка, связанная с дефицитом времени при генерации высказывания [2, с. 31]. Именно поэтому синтаксические структуры в речи спортивного комментатора отличаются простотой, особенно в моменты высокого эмоционального напряжения. Примерами инверсии в спортивном комментировании являются размещение подлежащего после глагола *to be* или основного глагола; использование пассивного залога, где агенс вводится в творительном падеже с помощью предлога *by*; большое количество препозитивных приложений, наречий и даже клауз [2, с. 20]. С помощью этих языковых средств комментатор отсрочивает называние спортсмена по имени, пока пытается обработать информацию и понять, кем вообще является спортсмен: по номеру на форме, внешним данным, позиции на поле и т. д.

Интересно, что последователи Ч. Фергюсона за основу исследования брали только пять из шести морфосинтаксических особенностей, указанных выше [3; 4]. Из диапазона этих исследований был исключен «языковой шаблон», несмотря на его частотность, которая будет продемонстрирована в данной статье, в том числе и в русскоязычном спортивном комментировании.

В спорте каждое событие может быть малопредсказуемым (например, за один футбольный матч игроки делают много передач) или конвенциональным, т. е. одним из множества других событий (удар, вброс мяча из-за боковой, угловой и т. д.). Для повторяющихся событий у комментатора в речевом арсенале есть языковые шаблоны, вербально оформляющие предсказуемые действия спортсменов в потоке непредсказуемой последовательности таких действий [2, с. 18-19].

Действительно, речь комментаторов в определенном смысле однотипна и изобилует шаблонными выражениями. Именно поэтому ученые говорят о шаблонности спортивного комментирования. Я. Чованец дает определение языковому шаблону: это «относительно устойчивое, общеиспользуемое выражение, автоматически воспроизводимое комментаторами в связи с недостатком времени, выделенного на вербализацию и описание события» (Перевод наш. – *М.К.*), – и отмечает, что шаблон встречается на всех уровнях языка в форме повторяющихся фразем, синтаксических шаблонов, фразеологизмов, клише и т. п. [5, с. 1]. Комментаторские клише стали настолько приметными единицами, что они не просто привычны для зрителей, а даже ожидаются ими [6, с. 5]. Повсеместность шаблонов связана с многочисленными повторяющимися событиями, происходящими на экране. Обнаружено, что радиокомментаторы, по сравнению с телекомментаторами, чаще используют языковые шаблоны [7, с. 41]. Вторым не нужно повторять шаблон снова и снова, если описываемое ими событие визуально зарегистрировано и существует на телевизионной картинке.

Языковой шаблон и интерпретация похожих терминов

Языковой шаблон встречается во многих устных и письменных жанрах, и не только в спортивном комментировании. Возникает вопрос: зачем нужны шаблонные фразы?

Этим вопросом детально занимались К. Куйпер [8] и Н. Миллар [9]; в своих работах они опирались на два корневых определения языковых шаблонов: это группы слов, часто используемых в оди-

наковых условиях с целью передать главную мысль [10, с. 30]; заранее созданные комбинации слов, содержащиеся в памяти одним целым [11, с. 9]. Иными словами, языковые шаблоны – это устойчивые единицы, используемые в повторяющихся ситуациях и не требующие аналитической (языковой и грамматической) обработки для их воспроизведения. Существуют две причины, почему говорящие прибегают к использованию таких единиц: психолингвистическая и социофункциональная [9, с. 129-130].

Использование шаблонов вызвано тремя внутренними факторами, или ограничениями, накладывающимися на память, коммуникативные интенции и композицию текста. Единственным внешним, но комплексным фактором употребления шаблона является контекст [8, с. 282-284]. Шаблоны помогают говорящему сократить выбор языкового материала во избежание запинок, в случаях когда память говорящего не справляется с фактическим материалом, когда интенция опережает осмысленную артикуляцию, когда необходимо осуществить вставку особой синтаксической структуры в синтагматическом ряду. К. Куйпер утверждает, что от ограничения памяти особо «страдают» именно спортивные комментаторы [8, с. 283].

Языковые шаблоны также обладают преимуществом при обработке информации реципиентом сообщения. Ему не нужно анализировать каждое слово по отдельности – шаблон распознается как самостоятельная единица [9, с. 130]. Н. Миллар также указывает на «социофункциональную» ценность языковых шаблонов, связанную с их контекстуальным проявлением. Говоря шаблонными фразами, автор сообщения желает быть похожим на других представителей речевого сообщества. Используя в речи типовые языковые шаблоны, комментатор показывает свою коммуникативную компетенцию [9, с. 142].

Однако существует разница в понимании клишированной или шаблонной речи. Например, в отечественной традиции чаще разрабатывается термин «речевое клише». Клишированные конструкции представляют собой устойчивые, социально детерминированные и воспроизводимые группы слов, функционирующих в качестве средств экономии лингвистических усилий [12, с. 7]. Таким кратким единицам, повторяющимся «в стандартных ситуациях общения» было найдено несколько синонимов: «речевые штампы», «разговорные формулы», «шаблонные фразы», «застывшие конструкции», «стереотипные предложения» [13, с. 9]. В работе В.В. Стрибижева речевые клише выступают в качестве одного из видов фразеологических единиц [12, с. 7], с чем соглашается и А.В. Власова, подчеркивая их воспроизводимость и повторяемость [13, с. 10].

Клише также рассматриваются с точки зрения их метакоммуникативной функции: они позволяют регулировать речевой контакт, маркировать смену коммуникативных ходов, оформляя акты согласия, приветствия, прощания и прочие. Такие клише актуальны, скорее, для конверсационного анализа [14]. Ближе к композиционному пониманию языкового шаблона подобрались В.В. Аносова и Г.И. Денисова. Они выделили немалое количество тематических групп комментаторских клише, включив туда, помимо приветствия и прощания, обращение к публике, подведение итогов, представление команд, исторический комментарий и др. [15, с. 2]. Однако большинство этих клише на самом деле являются большими дискурсивными фрагментами, не имеющими ничего общего с краткими формами групп слов, которые можно было отнести к категории клише или шаблонов.

Осталось развести понятия «языковой шаблон» и «речевое клише» в рамках дискурса спортивного комментирования. Мы отталкиваемся от идеи о том, что комментаторские клише – «стандартные,

устойчивые фразы, используемые… с регулярной повторяемостью в однотипных ситуациях» [16, с. 79]. Однако в нашей работе языковые шаблоны рассматриваются как устойчивые структуры, которые содержат новую смысловую информацию. Такая интерпретация не совпадает с пониманием штампов и клише как низкоинформативных высказываний в форме замкнутого предложения [17, с. 173]. Предложения комментаторов могут быть структурно замкнуты, но каждое событие подразумевает участие нового игрока или новое действие, им совершенное, которое необходимо актуализировать в языковом шаблоне. К тому же у шаблонов есть обязательный элемент и побочные элементы, которые могут быть представлены имплицированно [8, с. 293]. Поэтому языковые шаблоны в данной работе и в работе Ч. Фергюсона «шаблонны» лишь с точки зрения их структуры, а не семантики. Мы, следуя работе С. Мейера, называем языковыми шаблонами синтаксические паттерны, подходящие для описания повторяющихся событий [18, с. 15].

Материалы и методы

Цель данного исследования – выявить языковые шаблоны, присущие дискурсу спортивного комментирования трех видов спорта: велогонки, автогонки и футбола.

Для их идентификации были обозначены основные параметры события, часто эксплицируемые в речи комментаторов разных видов спорта, и события, требующие вербальной реакции от репортера для информирования и привлечения внимания аудитории. Например, в телетрансляциях игровых видов спорта комментатор реагирует на типовые события вроде забитого гола, стандартного положения, нарушения правил и др. В гоночных соревнованиях повторяется информация о скорости и времени прохождения дистанции.

Лексико-грамматический и дискурсивный анализ языковых шаблонов были проведен на материале трех заранее подготовленных транскриптов с комментариями второго этапа велогоночной многодневки «Тур де Франс 2017» (комментатор – С. Курдюков), Гран-при Великобритании гоночной серии «Формула-1» 2012 года (комментатор – А. Попов) и футбольного ответного матча четвертьфинала Лиги Чемпионов 2018 года между «Манчестер Сити» и «Тоттенхэм» (комментаторы – М. Моссаковский и Т. Журавель).

Было найдено по три языковых шаблона в комментировании трех выбранных видов спорта, а также один уникальный для каждого из этих репортажей. Велогоночный эфир содержал в себе языковые шаблоны, которые мы обозначили как «преимущество лидирующей группы», «состав лидирующей группы» и «километры до финиша». При комментировании автогонки задействованы языковые шаблоны «отставание», «лучший круг» и «количество кругов». Футбольные комментаторы фиксировали три параметра матча языковыми шаблонами «микрособытие», «время» и «счет матча». Для репортажа каждого вида спорта характерен такой визуальный прием, как видеоповтор, актуализация которого в речи была выделена как отдельный тип языкового шаблона спортивного комментирования «комментарий к видеоповтору». Количество таких единиц отражено в табл. 1.

Языковые шаблоны представляют интерес не только из-за емкости при передаче информации о параметре события. Они также могут служить риторическими опорами, благодаря которым выстраивается последующий текст. В связи с этим, помимо основной задачи, мы выдвигаем гипотезу о том, что языковые шаблоны в дискурсе спортивного комментирования периодически выполняют функцию дискурсивных маркеров — частотных единиц, обеспечивающих связность дискурса [19, с. 212].

Чтобы доказать это, транскрипты были поделены на эпизоды – дискурсивные фрагменты, объединенные тематиче-

ским единством и заключающие в себе последовательность пропозиций, называемую макропропозицией [20, с. 180]. Начало большинства эпизодов маркируется специальным дискурсивным маркером, обозначающим то, что формируется новая самостоятельная единица структуры дискурса.

Наши продолжительные наблюдения за спортивным комментированием показывают, что языковые шаблоны иногда располагаются в эпизодах в начальной позиции. Именно поэтому в графах табл. 1 в скобках указано количество шаблонов, функционирующих в качестве маркеров начала нового эпизода.

Что касается локального анализа на уровне языковых шаблонов, каждый из них рассматривался на предмет грамматики (используемых частей речи, эллипсиса и возможных структурных формул).

Результаты и обсуждение

В табл. 1 зафиксированы все выявленные языковые шаблоны из десяти категорий для комментирования трех видов спорта. Их суммарное количество уже дает основание полагать, что репортаж футбольного матча, за счет небольших фрагментарных событий, содержит наибольшее количество языковых шаблонов. При этом комментирование автогонки заметно уступает по этому показателю (121 к 262 по сравнению с футбольным матчем).

Однако мы не считаем правильным количественно сравнивать языковые шаблоны в комментировании различных видов спорта. Во-первых, различается продолжительность эфиров, что определяет и разницу в объеме текстов. Во-вторых, игровые виды спорта богаты на микрособытия, влияющие на ход матча, которые мгновенно фиксируются в речи комментатора.

С другой стороны, спортивное комментирование велогонки обошлось лишь 52 шаблонами по сравнению с комментированием более похожего вида спорта — автогонки (121 шаблон). Такое различие говорит о медленном течении велогоночного репортажа, из-за чего отсутствуют внутренние ограничения (в особенности, временные) и языковые шаблоны используются реже.

Таблица 1. Количество языковых шаблонов в речи спортивных комментаторов

Table 1. Number of language patterns in the speech of sports commentators

Велогонка		**Автогонка**		**Футбольный матч**	
преимущество лидирующей группы	26 (18)[1]	отставание	65 (8)	микрособытие	147 (18)
состав лидирующей группы	11 (7)	лучший круг	20 (5)	время	38 (11)
километры до финиша	9 (7)	количество кругов	8 (3)	счет матча	38 (10)
комментарий к видеоповтору	*6 (4)*	*28 (19)*		*39 (17)*	
итого	**52 (36)**	**121 (35)**		**262 (56)**	

[1] В скобках указано количество языковых шаблонов в начальной позиции эпизода, т. е. имеющих потенциал эпизодических маркеров.

Во время велогоночного репортажа на экране представлена инфографика с двумя важными параметрами гонки – количеством километров до финиша и отставанием основной группы от лидирующей группы гонщиков. Несмотря на то, что эта информация отображена визуально, комментатор периодически напоминает о ней с помощью языковых шаблонов «километры до финиша» (1, 2) и «преимущество лидирующей группы» (3, 4).

1 *...но в то же время развязку нужно показывать компактно и без разрывов, так что не обессудьте за то. Ничего решающего до этого не происходило, весь этап решается* ***вот в эти сорок километров****.*

2 *...ты нужен на Тур де Франс, скорей-скорей — нет, а теперь они и вовсе обескапитаненные, его команда, я имею в виду. //*[1] ***Восемьдесят два километра остается до финишной черты****, и я продолжаю говорить об участниках отрыва дня, которым поначалу не досталось достаточного внимания.*

3 *...и в этой ситуации опять группа немножко аккуратничает, и* ***разрыв доходит почти до двух с половиной минут****…*

4 *Он встал, и продолжил тянуть, и достаточно длинную смену повел. //* ***Разрыв между тем для отрыва угрожающий: всего лишь чуть больше минуты****, и если группу кто-то заведет…*

В контекстах 1 и 3 языковые шаблоны стали частью эпизода; в контекстах 2 и 4 — начинали новый эпизод, причем эти отрывки были классифицированы как имеющие нулевой (дискурсивный) маркер. Однако для зрителя повторное использование шаблона может также служить подсказкой тому, что нужно обратить внимание на формирующуюся новую макропропозицию. Таким образом, языковые шаблоны в контекстах 2 и 4 сами по себе являются риторически значимыми. Шаблон «километры до финиша» в контексте 1 используется в качестве добавочного компонента, а шаблон «преимущество лидирующей группы» в контексте 3 отображает следствие предшествующего действия: из-за того что группа снизила темп, группа лидеров нарастила преимущество.

Еще одним языковым шаблоном в комментировании велогонки является «состав лидирующей группы», т. е. называние велосипедистов, находящихся в лидирующей группе. Эта информация лишь иногда появляется на экране, поэтому у комментатора возникает необходимость повторять ее в течение эпизода (5) или в начале нового через упоминание нового референта (6).

5 ***Отрыв под руководством Финни****, который так или иначе является здесь самым мощным мотором, но* ***и Буда****, как я уже говорил, со своими зачастую абсолютными титулами…*

6 *Ни разу они никаких лавров не добивались больших по итогам этих отрывов, но всякий раз все равно выполняют эту свою непременную миссию. //* ***Финни и Оффредо*** *в пятидесяти секундах впереди. Хвосты после завала продолжают собираться, постепенно.*

Комментируя автогонку, говорящий чаще всего прибегает к языковому шаблону «отставание», функционально похожему на велоспортивный «преимущество лидирующей группы», однако в данном случае временно́е расстояние фиксируется между любыми гонщиками. Необычна у этого шаблона и языковая форма:

7 *Он* ***на тринадцать с половиной секунд*** *уже отставал от Фернандо Алонсо.*

8 *Сейчас Себастьян Феттель на пит-стопе —* ***две и четыре ему оставалось*** *до Уэббера.*

9 *...они ведут борьбу между собой, и при том, что их никто не блокирует от Мерседеса Росберга, они отстали уже на три секунды. [пауза] // Между*

[1] Двойной косой чертой обозначено начало эпизода.

Алонсо и Уэббером ***те же самые три*** *сейчас после уже девяти кругов.*

10 *Пик* ***на хвосте*** *у Картикеяна, в его темпе идет. Сам Картикеян* ***на две секунды отстал*** *от Педро Де ля Росы. Тот* ***в двух секундах*** *от Глока, Глок –* ***в двух*** *от Ковалайнена, Ковалайнен –* ***три и три*** *до пары Вернь/Риккьярдо. Вернь прошел Риккьярдо, Вернь –* ***на хвосте*** *у Росберга. Росберг –* ***на хвосте*** *у Баттона.*

Мы можем наблюдать, что временны́е отрезки, фиксируемые комментатором, измеряются в секундах. Однако в очень редких случаях произносится само слово *секунда* (7); чаще всего оно опускается с целью языковой экономии (8-10). При отставании меньше, чем в одну секунду, А. Попов использует разговорное выражение-профессионализм *на хвосте* (10). Контекст 10 также отличается референциальным повтором. Это необходимо для того, чтобы рассказать зрителю о текущем состоянии гонки и показать плотность борьбы между гонщиками.

Языковой шаблон «километры до финиша» из велоспортивных репортажей можно соотнести с автогоночным шаблоном «количество кругов». Этот параметр также зафиксирован на экране для зрителей, но дублируется и вербально, является важным контекстуальным компонентом в речи комментатора. Если прошло менее половины гонки, то счет кругам ведется от ее начала (11); в обратном случае комментатор подсчитывает количество кругов, оставшихся до финиша (12).

11 *Простите, небольшие проблемы здесь у нас возникли, но будем надеяться, что все будет сейчас нормально. // Так вот, а... [пауза]* ***Шесть кругов уже позади.***

12 *Так, все, значит дождя уже не ожидается сейчас. По крайней мере, в ближайшие тридцать минут, а, учитывая, что* ***нам остается одиннадцать кругов до финиша****, которые проходятся за одну тридцать пять, ну то есть где-то шестнадцать-семнадцать минут до финиша, по идее дождя быть не должно.*

Уникальным для комментирования автогонки является шаблон «лучший круг», т. е. фиксация времени самого быстрого прохождения круга одним из гонщиков. В течение гонки пилоты совершают все более быстрые круги, поэтому это событие повторяется и требует соответствующего языкового воплощения. Интересно, что в обоих представленных случаях (13-14) имплицируется не только слово *секунда*, но и сочетание *одна минута*. Например, в контексте 14 говорится, что Кими Райкконен проехал круг за 1:36.9, но подразумевается, что зритель и так понимает, что круг невозможно проехать за эксплицируемый показатель времени «тридцать шесть и девять».

13 *И кстати Кими, как только он обогнал Михаэля,* ***он сразу же показал лучший круг в этой гонке – тридцать семь и три****.*

14 *...вы знаете, и вот только сейчас Де ля Роса останавливается первый раз. //* ***Райкконен – лучший круг. Тридцать шесть и девять.***

Такой эллипсис вызван необходимостью экономии языковых средств и указания на наиболее значимый параметр события [21, с. 47]; в данном случае использованы только числительные, необходимые для понимания скорости прохождения круга пилотом.

Языковые шаблоны футбольного комментирования несколько отличаются от шаблонов гоночных соревнований. Однако они совпадают по двум важным аспектам: во-первых, они также располагаются как внутри, так и в начале эпизода; во-вторых, некоторые параметры соревнования уже отражены на экране, но подтверждаются комментатором вербально. Тот факт, что зритель видит счет (примеры 15-16) и время (17-18) матча, не удерживает комментатора от использования соответствующего языкового шаблона.

15 *Сон, ударная позиция… Фантастика! Фантастика!* ***Два – один, Тоттенхэм впереди****, и Сити нужно забивать три.*

16 *Стреляет тем более Агуэро, а не кто-нибудь. //* ***Четыре – два.*** *Плюс два – та разница, которая устраивает Сити, нарисовалась на табло.*

17 *Учитывая то, как эта встреча начиналась, да, трейлер этой встречи мы увидели в первые одиннадцать минут, а, учитывая это, ты посмотри,* ***вот они те же одиннадцать минут с небольшим сейчас и остаются****.*

18 *…они им воспользовались, и Деле Алли исправил собственную ошибку, а теперь угловой. //* ***Пятьдесят вторая минута заканчивается****, пока без голов после перерыва.*

Представленные варианты шаблона «счет матча» различаются тем, что в примере 15 происходит изменение счета (забит гол) и эту информацию необходимо передать, в то время как контекст 16 лишь подтверждает известный параметр матча. Кроме того, в примере 15 комментатор называет команду, которая лидирует со счетом 2:1; в контексте 16 эта информация имплицирована, как если бы зрители могли посмотреть на табло или уже давно следят за ходом матча, чтобы знать, кто из команд ведет в счете.

В реализации шаблона «время матча» соблюдается то же правило, что и с шаблоном «километры до финиша»: чем раньше активизируется шаблон, тем более вероятно комментатор будет отсчитывать параметр от начала соревнования (18); чем ближе к концу соревнования, тем вероятнее обратный отсчет (17).

Гораздо сложнее определить специфику шаблона «микрособытие». Мы заметили, что начало нового эпизода, повествующего о ходе соревнования, в футбольном комментировании может быть маркировано назывным предложением с именем футболиста, который владеет мячом (контекст 19), или с существительным, характеризующим действие неопределенного футболиста (*передача, подкат, удар* и т. д.) (20).

19 *ТЖ: Да и пять голов – это достаточный повод накинуть минуту как минимум только за это. // ММ:* ***Уокер.*** *Играет направо. Бернарду оставляет мяч Кевину Де Брёйне.*

20 *Стерлинг просит мяч на левом фланге.* ***Хорошая передача под прострел****, под любимый прострел,* ***подача*** *в направлении Агуэро,* ***подбор*** *за Тоттенхэмом…*

Именно поэтому в табл. 1 зафиксировано большое количество шаблонов «микрособытие», фиксирующих минимальные события, влияющие на ход футбольного матча. Однако главным показателем является не их общее количество: значимыми являются 18 контекстов, в которых начинается новый эпизод, причем с нулевым (дискурсивным) маркером (пример 21).

21 *Мне кажется, что Сити нам готовит сейчас еще один гол. // Нет,* ***аут*** *в пользу Тоттенхэма. Де Брёйне не верит, Деле Алли забирает у него мяч.*

Языковой шаблон «микрособытие» отличается вариативностью. Он может ограничиваться номинацией произошедшего события футбольного матча:

22 ***Перевод на левый фланг****. Сане не доберется до мяча, точнее не позволят мячу до него дойти.*

23 *Стерлинг,* ***передача в штрафную****. Бернарду Сильва! Не проходит на Давида мяч!*

Он также может включать в себя оценку фиксируемого действия:

24 ***Неудачный пас от Сон Хён Мина****, и вот уже в обратную сторону готова разжаться пружина.*

25 ***Хорошая передача под прострел****, под любимый прострел, подача в направлении Агуэро, подбор за Тоттенхэмом…*

В состав шаблона «микрособытие» могут входить единицы, подчеркивающие мгновенность, новизну события:

26 *Вот он, Агуэро с мячом.* ***Сразу же пас вперед.*** *Это Бернарду Сильва.*

27 ***Тут же пас на Рахима Стерлинга****, он входит в штрафную площадь и свисток.*

Также языковой шаблон «микрособытие» может выступать в качестве метафоры:

28 *Уокер. Возвращается к нему мяч.* ***Последний штурм*** *ворот Тоттенхэма.*

Как уже было сказано выше, шаблон «комментарий к видеоповтору» появляется в репортаже всех трех видов спорта. Предположим, что он отсутствует только в трансляциях тактических видов спорта (шахматы, покер), где телевизионные бригады обходятся без такого режиссерского решения. Как видно в табл. 1, в большинстве случаев шаблон «комментарий к видеоповтору» используется в начале эпизода и может считаться особым видом маркера в спортивном комментировании.

29 ***Ну и вот вы видите****, как это произошло. С третьей позиции посыпались на проскальзывании, следом за португальцем полетел кто-то из Катюши…*

30 ***А вот что произошло у Феттеля.*** *На самом деле, о Фелипе Массу он сломал свое крыло.*

31 ***А мы еще раз смотрим голевую атаку.*** *Опять же, очень много игроков рядом с Кевином Де Брёйне, а вот здесь поздно начали смещаться на Рахима Стерлинга, и на обратном движении Стерлинг, в частности Кьерана Триппье, поймал.*

В итоге можно выделить как минимум три различных способа языкового оформления такого шаблона: в 29 происходит обращение к зрителям; в 30 комментатор идентифицирует референта и предваряет событие, зафиксированное на повторе; в 31 комментатор и зритель должны совместно выполнить действие.

Выводы

В данной работе было зафиксировано десять различных типов языковых шаблонов – конвенциональных фраз, повторяющихся в речи комментаторов. Исследование показало, что появление в тексте языковых шаблонов может быть вызвано не только ограничением, но и избытком времени для комментирования. Когда комментатор заканчивает большой дискурсивный отрывок и ему нечего сказать, языковые шаблоны помогают ему развить новую тему.

Подтвердилась гипотеза о том, что языковые шаблоны спортивного комментирования служат дискурсивными маркерами: 29 % выявленных шаблонов находятся в начале эпизодов, даже если при этом дискурсивные маркеры не проявляются эксплицитно. Стратегия актуализации языкового шаблона в начале эпизода наиболее часто проявляется в комментировании велогонки – 69 % случаев. Велоспорт считается видом спорта с медленным течением событий, так как этапы длятся часами, а гонки проводятся на протяжении нескольких дней. Несмотря на это, в речи комментаторов языковые шаблоны появляются именно в начале эпизодов.

Данное наблюдение может оказаться значимым в изучении других устных речевых жанров. Во-первых, для обеспечения связности дискурса и его стратегического выстраивания стандартно используются вводные фразы и дискурсивные маркеры, эксплицирующие связи между смежными дискурсивными отрывками. В свою очередь языковые шаблоны выполняют функцию не только структурную, но и информативную: они сообщают о значимых параметрах соревнования в момент смены эпизодов. Во-вторых, языковые шаблоны являются результатом функционирования закона речевой экономии и имеют определенную структуру, которая с большой долей вероятности варьируется в различных жанрах. В перспективе исследования таких шаблонов

предполагается выявление социолингвистических причин и специфики компрессии информации, передаваемой в спортивном комментировании, а также психолингвистических особенностей ее восприятия.

Список литературы

1. Ferguson C.A. Sports announcer talk: Syntactic aspects of register variation // Language in Society. 1983. No. 2 (12). P. 153–172.

2. Kuiper K., Bimesl N., Kempen G., Ogino M. Initial vs. non-initial placement of agent constructions in spoken clauses: A corpus-based study of language production under time pressure // Language Sciences. 2017. No. 64. P. 16–33.

3. Reaser J. A Quantitative Approach to (Sub)Registers: The Case of 'Sports Announcer Talk' // Discourse Studies. 2003. No. 5. P. 303–321.

4. Кузьмина Н.М. Синтаксические особенности английских спортивных комментариев // Международный научно-практический журнал «Интеграция наук». 2019. № 27 (4). С. 17–19.

5. Chovanec J. “The battle fever’s on”: Phrasal routines and multilingual play in sports commentary // Le corps et la langue du footballeur : match interdisciplinaire. Actes des journées d’études d’Innsbruck (2016) et de Reims (2018) / E. Lavric, M. Meulleman (eds.). Innsbruck: Innsbruck University Press, 2020. 18 p.

6. Халеева С.А. Типологические и конкретно-языковые черты в просодии спортивного радиокомментария (экспериментально-фонетическое исследование на материале британских, американских и русских футбольных репортажей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. 20 с.

7. Kuiper K., Lewis R. The Effect of the Broadcast Medium on the Language of Radio and Television Sports Commentary Genres: The Rugby Union Lineout // Journal of Sports Media. 2013. No. 2 (8). P. 31–51.

8. Kuiper K. On the linguistic properties of formulaic speech // Oral Tradition. 2000. No. 2 (15). P. 279–305.

9. Millar N. The processing of malformed formulaic language // Applied Linguistics. 2011. No. 2 (32). P. 129–148.

10. Lord A.B. The Singer of Tales. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 307 p.

11. Wray A. Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. 332 p.

12. Стрибижев В.В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: Белгородский государственный университет, 2005. 20 с.

13. Власова А.В. Речевые клише французской разговорной речи в коммуникативно-прагматическом аспекте (фреймы фрагмента входа в общение): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.05. М.: Московский государственный областной университет, 2008. 25 с.

14. Have P. ten Doing Conversation Analysis (2nd ed.). London, UK: SAGE Publications, Ltd, 2007. 246 p.

15. Аносова В.В., Денисова Г.И. Клише футбольного комментария (на материале немецкого языка) // Огарёв-Online. 2014. № 20 (34). 7 с.

16. Сокольникова Т.Г. Особенности перевода футбольных клише // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2021. Т. 15. С. 78–83.

17. Черкасова Е.В., Макарова М.Е. Низкоинформативные высказывания как универсальное средство межкультурной коммуникации (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–1 (65). С. 173–175.

18. Meier S. Formulaic language and text routines in football live text commentaries and match reports–a cross-and corpus-linguistic approach // Corpus Approaches to the Language of Sports: Text, Media, Modalities / M. Callies, M. Levin (eds.). London: Bloomsbury Academic, 2019. P. 13–36.

19. Массалина И.П. Дискурсивные маркеры // Известия КГТУ. 2009. № 15. С. 211–217.

20. van Dijk T.A. Episodes as Units of Discourse Analysis // Analyzing Discourse: Text and Talk / D. Tannen (ed.). Georgetown, 1982. P. 177–195.

21. Голубина К.В. Онлайн письменный футбольный инфокомментарий как продукт многоплановой гибридизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 19 (758). С. 36–54.

References

1. Ferguson C.A. Sports announcer talk: Syntactic aspects of register variation. *Language in Society*, 1983, no. 2 (12), pp. 153-172.

2. Kuiper K., Bimesl N., Kempen G., Ogino M. Initial vs. non-initial placement of agent constructions in spoken clauses: A corpus-based study of language production under time pressure. *Language Sciences*, 2017, no. 64, pp. 16-33.

3. Reaser J. A Quantitative Approach to (Sub)Registers: The Case of 'Sports Announcer Talk'. *Discourse Studies*, 2003, no. 5. pp. 303-321.

4. Kuz'mina N.M. Sintaksicheskie osobennosti angliiskikh sportivnykh kommentariev [Syntactic features of English sports commentary]. *Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal "Integratsiya nauk" = International research and practice journal "Science Integration"*, 2019, no. 27 (4), pp. 17-19.

5. Chovanec J. "The battle fever's on": Phrasal routines and multilingual play in sports commentary. Le corps et la langue du footballeur: match interdisciplinaire. Actes des journées d'études d'Innsbruck (2016) et de Reims (2018) (ed. by E. Lavric, M. Meulleman). Innsbruck, Innsbruck University Press, 2020. 18 p.

6. Haleeva S.A. *Tipologicheskie i konkretno-yazykovye cherty v prosodii sportivnogo radiokommentariya (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale britanskih, amerikanskih i russkih futbol'nyh reportazhej)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. [Typological and specific linguistic features in the prosody of sports radio commentary (experimental phonetic study based on British, American and Russian football reports). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Pyatigorsk, 2006. 20 p.

7. Kuiper K., Lewis R. The Effect of the Broadcast Medium on the Language of Radio and Television Sports Commentary Genres: The Rugby Union Lineout. *Journal of Sports Media*, 2013, no. 2 (8), pp. 31-51.

8. Kuiper K. On the linguistic properties of formulaic speech. *Oral Tradition*, 2000, no. 2 (15), pp. 279-305.

9. Millar N. The processing of malformed formulaic language. *Applied Linguistics*, 2011, no. 2 (32), pp. 129-148.

10. Lord A.B. The Singer of Tales. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. 307 p.

11. Wray A. Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. 332 p.

12. Stribizhev V.V. *Rechevye klishe v sovremennom anglijskom yazyke: metakommunikativnaya funkciya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Speech cliches in modern English: metacommunicative function. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Belgorod, 2005. 20 p.

13. Vlasova A.V. *Rechevye klishe francuzskoj razgovornoj rechi v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte (frejmy fragmenta vhoda v obshchenie)*. Avtoref. diss. kand. filol.

nauk [Speech cliches of French colloquial speech in the communicative-pragmatic aspect (frames of the fragment of the entrance to communication). Cand. philol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2008. 25 p.

14. Have P. ten Doing Conversation Analysis (2nd ed.). London, UK: SAGE Publications, Ltd, 2007. 246 p.

15. Anosova V.V., Denisova G.I. Klishe futbol'nogo kommentariya (na materiale nemetskogo yazyka) [Sports commentary formulae (case study of the German language)]. *Ogarev-Online*, 2014, no. 20 (34), 7 p.

16. Sokol'nikova T.G. Osobennosti perevoda futbol'nykh klishe [Translation features of football formulae]. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov = Current issues in Philology and language Teaching Methods*, 2021, vol. 15, p. 78-83.

17. Cherkasova E.V., Makarova M.E. Nizkoinformativnye vyskazyvaniya kak universal'noe sredstvo mezhkul'turnoi kommunikatsii (na materiale angliiskogo yazyka) [Low-information utterances as a universal medium of intercultural communication (case study of the English language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2016, no. 11-1 (65), pp. 173-175.

18. Meier S. Formulaic language and text routines in football live text commentaries and match reports–a cross-and corpus-linguistic approach. Corpus Approaches to the Language of Sports: Text, Media, Modalities; ed. by M. Callies, M. Levin. London: Bloomsbury Academic, 2019, pp. 13-36.

19. Massalina I.P. Diskursivnye markery [Discourse markers*]*. *Izvestiya KGTU = Bulletin of Kaliningrad State Technical University*, 2009, no. 15, pp. 211-217.

20. van Dijk T.A. Episodes as Units of Discourse Analysis. Analyzing Discourse: Text and Talk (ed. by D. Tannen). Georgetown, 1982, pp. 177-195.

21. Golubina K.V. Onlain pis'mennyi futbol'nyi infokommentarii kak produkt mnogoplanovoi gibridizatsii [Online Written Football Infocommentary as a Product of Multidimensional Crossing]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Human Sciences*, 2016, no. 19 (758), pp. 36-54.

Информация об авторе / Information about the Author

Калиниченко Максим Олегович, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках; аспирант кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: maxcuberful@gmail.com

Maxim O. Kalinichenko, Teaching Assistant, Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages; PhD Student, Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Science, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: maxcuberful@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 81(035.3)

Лингвокогнитивная категория «Семья как трудовой коллектив» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах

Н.А. Сергиенко[1] ✉

[1]Сургутский государственный университет
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут 628412, Российская Федерация

✉ e-mail: nas_surgut@mail.ru

Резюме

Статья посвящена исследованию категоризации лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах. Автор исходит из того, что в семантической структуре субсферы СЕМЬЯ выделено несколько лингвокогнитивных категорий: 1) семья как совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников; 2) семья как совокупная общность всех кровных и некровных родственников; 3) семья как трудовой (профессиональный) коллектив; 4) семья как социально-культурная общность.

Цель работы состоит в сопоставительном изучении категории «Семья как трудовой (профессиональный) коллектив» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах. В данную категорию вошли наименования групп людей (общностей, сообществ), не состоящих в каких-либо родственных и свойственных связях и объединенных на основе общих интересов или совместной трудовой (профессиональной) деятельности. Материалом исследования послужили лексикографические и фразеологические источники, из которых методом сплошной выборки отобраны лексические и фразеологические единицы, отражающие содержание данной категории в структуре лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ. Также в исследовании были использованы метод контекстуального анализа, дефиниционный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, способствующий выявлению универсальных и национально-специфических особенностей.

Автор приходит к выводу о том, что структуру категории «Семья как трудовой (профессиональный) коллектив» в русской и украинской лингвокультурах составляют наименования родства: семья, братство, сестричество, сестринство, брат, братия, сестра. Лингвокогнитивная категория в британской и американской лингвокультурах представлена такими наименованиями, как fraternity, sorority, brotherhood, sisterhood, brother, sister. В результате исследования можно сделать вывод о том, что, метафорический перенос основан на укреплении в языковом сознании представлений о единстве взглядов, реализации общих идей, совместной трудовой (профессиональной) деятельности, присущих семье как совокупности людей, связанных родством.

Ключевые слова: *лингвоментальная субсфера; семья; категория; трудовой коллектив; русская, украинская, британская и американская лингвокультуры.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Сергиенко Н.А. Лингвокогнитивная категория «Семья как трудовой коллектив» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 57-66. .

Статья поступила в редакцию 03.10.2021 Статья подписана в печать 23.11.2021 Статья опубликована 11.04.2022

© Сергиенко Н.А., 2022

Linguo-Cognitive Category “Family as a Labour Collective” in the Russian, Ukrainian, British and American Linguo-Cultures

Natalia A. Sergienko[1] ✉

Surgut State University
1 Lenin Pr., Surgut 628412, Russian Federation

✉ e-mail: nas_surgut@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the categorization of the linguistic sub-sphere FAMILY in the Russian, Ukrainian, British and American linguo-cultures. The author proceeds from the fact that several linguo-cognitive categories have been identified in the semantic structure of the FAMILY sub-sphere: 1) family as a community of blood and / or non-blood relatives living together; 2) family as a community of all blood and non-blood relatives; 3) family as a labor (professional) collective; 4) family as a socio-cultural community.

The aim of the article is to do a comparative analysis of the category “Family as a labor (professional) collective” in Russian, Ukrainian, British and American linguo-cultures. This category includes the names of groups of people (communities, communities) that are not in any kindred and inherent ties and are united on the basis of common interests or joint labor (professional) activities.

The research material was lexicographic and phraseological sources, from which lexical and phraseological units were selected by the method of continuous sampling, reflecting the content of this category in the structure of the linguistic subsphere FAMILY. Also the method of contextual analysis, the definitional method, the comparative method, which helps to identify universal and nationally specific features were used in the study.

The author concludes that the structure of the category "Family as a labor (professional) collective" in Russian and Ukrainian linguo-cultures consists of the names of kinship: family, brotherhood, sisterhood, sisterhood, brother, brotherhood, sister.

The linguo-cognitive category in British and American linguo-cultures is represented by such names as fraternity, sorority, brotherhood, sisterhood, brother, sister. It has been concluded that the metaphorical transfer is based on the strengthening in the linguistic consciousness of ideas about the unity of views, the implementation of common ideas, joint labor (professional) activities typical for the family as a group of people related by kinship.

Keywords: *linguistic sub-sphere; family; category; labour collective; Russian; Ukrainian; British and American linguo-cultures.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Sergienko N.A. Linguo-Cognitive Category “Family as a Labour Collective” in the Russian, Ukrainian, British and American Linguo-Cultures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University*. *Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 57–66 (In Russ.).

Received 03.10.2021 Accepted 23.11.2021 Published 11.04.2022

***

Введение

Одним из актуальных направлений современной когнитивной лингвистики является исследование особенностей лингвокогнитивной категоризации и концептуализации разнообразных лингвоментальных сфер в различных вариантах языковой картины мира в сопоставительном изучении родственных и неродственных лингвокультур.

Под лингвоментальной сферой (субсферой) понимается «многомерная и многоуровневая лингвокогнитивную сущность, в которой отражены ментальные и психические процессы сознания человека, его философские взгляды и установки, концептуальные и информационные структуры, отражающие его профессиональные знания и социальный опыт, оценки, чувства, эмоции, национально-

культурные традиции и история, индивидуальная и коллективная память, личный и общенациональный лексикон, персональные, этно-национальные и конвенциональные представления о научной и наивной картине мира» [1, с. 77].

В центре нашего исследования находится лингвоментальная сфера СЕМЬЯ с выделенными ранее категориями:

1) семья как совместно проживающая общность кровных и/или некровных родственников;

2) семья как совокупная общность всех кровных и некровных родственников;

3) семья как трудовой (профессиональный) коллектив;

4) семья как социально-культурная общность [2, с. 33]

Представляется интересным изучить структуру категории «Семья как трудовой (профессиональный) коллектив» в языковых картинах мира носителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур.

Цель статьи

Цель работы состоит в выявлении особенностей категории «Семья как трудовой (профессиональный) коллектив» в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах.

Обзор литературы

Различные аспекты лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ неоднократно были объектом исследования многих ученых. Так, Е.В. Добровольская комплексно описала феномен семьи как сложную когнитивную единицу и социокультурную константу в диахронно-синхронном аспекте, взяв в качестве компаративного объекта данные английского языка [3]. М.В. Матвеева предложила таксономическую модель семьи и ее лингвистическую интерпретацию, где в качестве материала были использованы словарный, художественный и публицистический дискурсы [4]. Специфику внутрисемейного дискурса на основе семейных родословных описала Н.Н. Рухленко [5].

На сегодня имеется несколько сопоставительных исследований исследуемой субсферы. Так, Ю.В. Железнова с позиций лингвокультурологии интерпретировала лингвоментальную сферу СЕМЬЯ как фрагмент русской и французской картин мира [6]. Русская и английская лингвокультуры стали основой для исследования ее Е.А. Кострубиной [7], А.С. Трущинской [8]. Д.Н. Давлетбаева провела сопоставительное исследование вербализации лингвоментальной сферы СЕМЬЯ в русской, английской, французской и турецкой фразеологии [9]. Анализ семантических полей субсферы СЕМЬЯ, а также специфика ее функционирования в русской и китайской культурах представлены в статье Ян Фан [10]. Т.В. Сорока исследовала лингвокогнитивную структуру субсфер «дом» и «семья» и их отображение в языковом сознании носителей русского, английского и французского языков [11].

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили метод сплошной выборки фактического материала, методы лексико-семантического и стилистического анализа, методы контент- и компонентного анализа, а также методика количественной обработки данных.

Результаты и обсуждение

Представления о семье как неком коллективе людей, объединенных несколькими признаками, как-то: общность территории проживания, выполнение строго закрепленных народными традициями функций и специфика отношений между различными членами этого коллектива, имеет давние корни. На протяжении истории понятие семьи обозначалось целым рядом лексем: *гой* (древнейшее обозначение родовой патриархальной общины), *вервь, мир*, *община*. «…Средневековый человек, нуждаясь в новых обозначениях, пользовался единственно доступным ему способом: он пе-

реносил сходные по смыслу слова из одной группы именований в другую, подмечая признаки сходства, и попутно не препятствовал развитию новых значений у давно известных слов» [12, с. 229].

Такая же тенденция характерна для современных языковых процессов. Так, в современном лексическом употреблении словом *семья* вследствие расширения его семантики называют группу людей (общность, сообщество), не состоящих в каких-либо родственных и свойственных связях и объединенных на основе общих интересов или совместной трудовой (профессиональной) деятельности.

Помимо семьи, каждый человек является членом некоего коллектива. По сути, люди, в него входящие, объединены схожими признаками: они совместно занимаются какой-либо деятельностью, в которой все выполняют свою функцию ради общего дела и находятся в различной степени зависимости друг от друга.

В речевой практике понятие семьи часто ассоциируется с понятием – дом, отсюда выражения «работа – второй дом» (где понимание дома не связано с конкретным пространством, а, скорее, характеризует общую атмосферу тепла, благополучия, уюта), соответственно «коллектив – вторая семья»: *Выходит, что для всех выпускников «Студиум» – вторая семья, в которой прошли их школьные годы* [13]; *И тогда нам экипаж – семья* (слова песни); *В нас сім'я є невеличка, Мама, тато, я й сестричка, Ну, а ще одна сімейка, Школа рідна, моя ненька* [14].

Любой коллектив обычно характеризует сплоченность его членов, иными словами, ценностно-ориентационное единство в осуществлении общих целей. Это залог эффективной работы и в конечном итоге получения хорошего результата. В связи с этим говорят о существовании школьной, пионерской, комсомольской, революционной, гимназической, офицерской, шахтерской, солдатской и др. семьи: *Представившись Герцену, заезжий сибиряк познакомился через него с прочими людьми лондонской революционной семьи, собиравшейся у Герцена* (Лесков) [15, с. 327]; *Каждому пионеру необходимо разъяснить, что он является не только пионером своего отряда, но и членом большой пионерской семьи – Всесоюзной организации юных пионеров имени В.И. Ленина* [16, с. 131]; *Широкі сходи вели з холу до гарно прибраної концертної зали, у якому зібралася вся гімназична сім'я, а також гості свята: випускники минулих років і колеги, громадськість міста, керівництво Суворовського району, ЗМІ* [17]; *Я побачила таку співдружність, таку сім'ю, шахтарську сім'ю. От чому ми говоримо «шахтарська сім'я», «шахтарська династія»* [18].

Кроме лексемы «семья» метафоризации также подверглись некоторые структурные компоненты этой лингвоментальной субсферы, например: братство, отец (папа), мать (мама), брат, сестра.

Стремление людей совершать какую-либо деятельность сообща, таким образом формируя оппозицию «свой – чужой», отразилось на лексическом складе русского и украинского языков, вследствие чего появились словосочетания *студенческое братство, журналистское братство, офицерское братство* и др. как «группа, товарищество людей, объединенных общей деятельностью и целью, которые придерживаются определенных установленных ими правил» [19, с. 96]. *Перше і найславніше з тих братств було братство львівське ставропігійське; Поет [Т. Шевченко] зустрічається на літературних вечорах з членами Кирило-Мефодіївського братства* [20, с. 231].

Понятие «братство» имеет довольно давнюю историю. Индоевропейская форма *bhrātər, приведшая впоследствии к образованию слова «брат» в славянских языках, обозначала не кровное родство мужчин, а «братство, которое объединяло лиц мужского пола не по крови, а в силу мистического родства: при полигамных отношениях установить кровное родство было невозможно» [21, с. 47]. В Древней

Руси существовало монашеское, крестное, княжеское братство. Братское единство всегда было той силой, которая помогала побеждать в военных сражениях. Поэтому обращение Дмитрия Донского перед Куликовской битвой к воинам «Братья! Умрем за Отечество!» было не просто призывом к битве, а и гарантией взаимопомощи и поддержки.

Лексема «братия», имеющая собирательное значение и употреблявшаяся первично как синоним индоевропейского слова *bhrāter, сегодня имеет иную семантическую структуру: «1. Монахи одной общины, монастыря. *Монастырская, святая б.* 2. *Шутл.* Люди, связанные общим делом, условиями существования и т.п.; люди одного круга, одной компании и т.п. *Ученая, актерская, пишущая б.* <> Шатия-братия. Компания, группа людей (обычно предосудительного, недостойного поведения» [22, с. 95]. Во втором значении этого слова часто употребляется лексема «братва». Большой толковый словарь современного украинского языка под редакцией В.Т. Бусела представляет три лексико-семантических варианта слова «братія»: «1. *разг.*, *иногда ирон. или шут.* Люди одной профессии, одной общественной среды. 2. Монахи одной общины или монастыря. 3. *разг. Борзописцы*» [20, с. 96]. Расширение лексического значения этой лексемы состоит в том, что братией сегодня называют не только сообщество мужчин, туда могут входит представители обоих родов. В русском и украинском языках это слово имеет одинаково активное употребление: *К Львову Николай Александрычу актерская братия относилась с почтением* [23]; *Выходя из питейного заведения, вся подвыпившая братия заметила автомобиль* [24]; *Посеред трапезної – амвон, з якого хтось з іноків під час обіду має читати святе письмо, в той час як братія квапливо ковтає квасолю з оливою а чи овечий сир з сухим хлібом* [25]; *Потім мені розповіли, що в залі сиділи працівники районних установ, чиновницька братія* [26].

Для обозначения людей, связанных общим делом, в речи россиян и украинцев используется модель «брат (реже – сестра) по + сущ., означающее основу общности»: *брат по духу, брат по классу* (*чаще мн. Публ. Патет. Устар. О пролетариате или коммунистах иностранных государств* [27, с. 59])*, брат по несчастью* и т.д. Названная модель в жаргоне также достаточно активна: *брат по колесу* (член группировки байкеров) [27, с. 58]; *брат (братья) по разуму* (голоса, вклинивающиеся в телефонный разговор, неожиданные помехи в телефонной сети; алкоголик; вьетнамец) [27, с. 58]; *братья по несчастью* (студенты) [27, с. 59];

Кроме того, лексемы «братья» и «братия» в иных сочетаниях приобрели такие значения: *братья-разбойники* (*разг. Шутл.* О людях, ведущих себя нарочито шумно, развязно, дерзко; *жарг. шк. Шутл.-ирон.* Заместители директора [27, с. 59]); *младшие братья коммунистов* (*чаще мн. Публ. Патет. Устар.* О пионерах [27, с. 59]); *подзаборная братия* (*Волог. Бездомные люди* [27, с. 59]); *синее братство* (*жарг. мол. Шутл.-ирон.* Алкоголики, пьяницы [27, с. 59]); *два брата* (*жарг. арест.* Заключённые, имеющие татуировки, свидетельствующие о братании – “Бр” и “ат” на кистях рук [27, с. 59].

Форма единственного числа лексемы «брат» в модели «младший (старший) + брат» имеет значение общности людей, целого народа: «*младший брат. Публ. Ирон.* О народе, государстве, занимающем зависимое положение по отношению к более крупной державе» [27, с. 59]; «*старший брат*. О народе, государстве, занимающем главенствующее положение к менее крупному, зависимому; *Публ. Устар. Патет. или Ирон.* О русском народе по отношению к другим народам СССР» [27, с. 59].

В британской и, особенно, американской лингвокультурах стоит обратить внимание на существование так называемых братств и сестричеств (*fraternities and sororities or sisterhoods*) – общественных организаций студентов высших

учебных заведений (от лат. *frater* – брат и *soror* – сестра). В британской традиции такие организации называются студенческими корпорациями (students' corporations). Поскольку в своих названиях они, как правило, используют буквы греческого алфавита, то в обеих культурах они получили название «организации греческих букв» (Greek letters organizations).

В названиях «братств» и «сестринств» содержатся основном две-три заглавные буквы греческого алфавита. По этой причине они известны как «организация греческих букв» и описываются не существительными, а прилагательными. Например, «греческое общество» (Greek society), «греческая система» (Greek system), «греческая жизнь» (Greek life) или обозначение членов организации – «греки» (Greeks). Индивидуальные «братства» и «сестринства» часто называются «греческим домом» (Greek house), или просто «домом» (house) [28].

В наши дни термин «организация греческих букв» стал синонимом так называемым североамериканским «братствам» и «сестринствам». Термин «fraternity» (братство) в разговорной речи сокращается до «frat» (использование данного термина в некоторых контекстах может носить уничижительный оттенок), который чаще относится только к мужской группе, тогда как термин «сестринство» – соответственно, к женской. Однако некоторые женские группы называют себя «братствами», такими, например, являются сообщества АΔП (Альфа Дельта Пи / Alpha Delta Pi), ФМ (Фи Мю / Phi Mu), АОП (Альфа Омикрон Пи / Alpha Omicron Pi), АΞΔ (Альфа Кси Дельта / Alpha Xi Delta), ΔΔΔ (Дельта Дельта Дельта / Delta Delta Delta), ΔZK (Дельта Дзета Каппа / Delta Zeta Kappa), АΘZ (Альфа Тета Дзета / Alpha Theta Zeta), ТАА (Тау Альфа Альфа / Tau Alpha Alpha), и др. Кроме этого, некоторые группы, называющие себя «братствами», могут быть смешанными, например ΚΚΨ Kappa Kappa Psi. То же самое достоверно известно и о группах, называющих себя «сестринствами» – ГФВ (Гамма Фи Бета / Gamma Phi Beta), МФЕ (Мю Фи Эпсилон / Mu Phi Epsilon), ΧΩ (Хи Омега / Chi Omega) и ТВΣ (Тау Бета Сигма / Tau Beta Sigma) [28].

Термин «социальное братство» (social fraternity) используется для разграничения четверокурсников и выпускников, часто групп по месту жительства и других организаций, многие из которых имеют греческие названия: почётные общества, академические кружки, действующие «братства» и «сестринства» [29].

Вышеприведенные примеры являются отличительной чертой репрезентации наименований рассматриваемой категории в британской и американской лингвокультурах. Представляется перспективным изучение категории «Семья как трудовой коллектив» на примере других наименований объединений, связанных профессиональной общностью.

Выводы

Таким образом, структуру категории «Семья как трудовой (профессиональный) коллектив» в русской и украинской лингвокультурах составляют некоторые наименования родства: *семья, братство, сестричество, сестринство, брат, братия, сес*тра. Изучаемая лингвокогнитивная категория в британской и американской лингвокультурах представлена в данном случае следующими номинациями: *fraternity, sorority, brotherhood, sisterhood, brother, sister*.

В результате исследования можно сделать вывод о том, что метафорический перенос основан на укреплении в языковом сознании людей представлений о единстве взглядов, реализации общих идей, совместной деятельности, присущих семье как совокупности людей, связанных родством или свойством, что может быть характерно и для членов некоего коллектива.

Список литературы

1. Сергиенко Н.А., Грамма Д.В. Лингвоментальная субсфера печаль в наивных языковых картинах мира представителей русской, украинской, британской и американской лингвокультур: результаты психолингвистического эксперимента // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 77-84.

2. Сергиенко, Н.А. Лингвокогнитивные категориальные блоки в структуре лингвоментальной субсферы СЕМЬЯ в русской, украинской, британской и американской лингвокультурах // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 3 (15). С. 32–39.

3. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.

4. Матвеева М.В. Концепт *семья* и его репрезентация в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 24 с.

5. Рухленко Н.Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных: автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2005. 22 с.

6. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2009. 27 с.

7. Кострубина Е.А. Гиперконцепт семья/дом – family/home в русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011. 20 с.

8. Трущинская А.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта семья в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 19 с.

9. Давлетбаева Д.Н. Картина мира в русской, английской, французской и турецкой фразеологии (на примере концепта «семья») // Вестник СамГУ. 2010; № 5(79). С. 128–133.

10. Ян Фан. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского университета. 2013. № 323(6). С. 250–254.

11. Сорока Т.В. Концепти «дім» і «родина» в російській, англійській і французькій мовній свідомості: автореф. дис. … канд. філол. наук. Донецьк, 2006. 20 с.

12. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. 312 с.

13. Дылева Е. «Студиум»: учеба со знаком плюс (2003). URL: http://search1.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.08.2021).

14. Боршош-Кум'ятський Ю.В. Шкільна сім'я. URL: http://www.poetryclub.com.ua/getpoems.php?id=23205 (дата обращения: 19.08.2021).

15. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / под ред. проф. А.Н. Тихонова; сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. М.: Флинта: Наука, 2004. Т. 2. 832 с.

16. Строев А.Ф. Книга вожатого. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»; 1954. URL: https://www.litmir.me/bd/?b=567734 (дата обращения: 01.08.2021).

17. Авелічев В. Імідж-проект «Гімназія № 7 – XXI». Одеські вісті. 2017. 26 жовтня. URL: http://izvestiya.odessa.ua/uk/2009/06/25/imidzh-proekt-gimnaziya-no-7-hhi (дата обращения: 01.08.2021).

18. Коноплицька М. Б. Кожна шахта – гарні людські історії. URL: http://www.iofc.org/uk/mariia-konoplytska_story_2016 (дата обращения: 01.08.2021).

19. Великий тлумачний словник сучасної української мови. Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. Киев; Ірпінь: ВТФ «Перун», 2005. 1728 с.

20. Словник української мови: в 11 т. АН УРСР. Ін-т мов-ва. Ред. І.К. Білодіда. Киев: Наук. Думка, 1970. Т. 1. 799 с.

21. Владимирова Т.Е. Концепт "БРАТ" как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 47–53.

22. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.

23. Евсеев Б.Т. Евстигней. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 18.08.2021).

24. Шарова Л. Трассовики. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 18.08.2021).

25. Загребельний П. Диво. URL: http://www.mova.info/corpus.aspx (дата обращения: 18.08.2021).

26. Дрозд В.Г. Музей живого письменника, або моя дорога в ринок. URL: http://www.mova.info/corpus.aspx. (дата обращения: 18.08.2021).

27. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»; 2007. URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_LOCUTIONS-MAKIENKO.pdf (дата обращения: 18.08.2021).

28. Leitch A. Greek-letter fraternities. A Princeton companion: Princeton University Press, 2008. 572 p.

29. Sanua M. R. Going Greek. Jewish college fraternities in the United States, 1895-1945. Detroit, MI: Wayne State University Press, 2003. 446 p.

References

1 Sergienko N.A., Gramma D.V. Lingvomental'naya subsfera pechal' v naivnykh yazykovykh kartinakh mira predstavitelei russkoi, ukrainskoi, britanskoi i amerikanskoi lingvokul'tur: rezul'taty psikholingvisticheskogo eksperimenta [Linguo-mental sub-sphere of sadness in naïve language pictures of the world of representatives of the Russian, Ukrainian, British and American linguo-cultures: results of psycholinguistic experiment]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics.* 2019, no. 1, pp. 77-84. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp? id=37203442 (accessed 15.08.2021).

2. Sergienko N.A. Lingvokognitivnye kategorial'nye bloki v strukture lingvomental'noj subsfery SEM'YA v russkoj, ukrainskoj, britanskoj i amerikanskoj lingvokul'turah [Linguo-Cognitive Categorial Clusters in the Structure of Linguo-Mental Sub-sphere Family in Russian, Ukrainian, British and American Linguo-Cultures]. *Filologicheskie nauki v MGIMO = Philological Sciences in MGIMO*, 2018, no 3 (15), pp. 32–39.

3. Dobrovol'skaya E.V. *Kontseptualizatsiya sem'i v russkoi yazykovoi kartine mira.* Avtoref. is. kand. filol. nauk [Conceptualization of the family in the Russian linguistic picture of the world. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Tomsk, 2005. 24 p.

4. Matveeva M.V. *Kontsept sem'ya i ego reprezentatsiya v russkom yazyke.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The concept of a family and its representation in Russian. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Tambov, 2007. 24 p.

5. Rukhlenko N.N. *Kontsept «sem'ya» v zhanre semeinykh rodoslovnykh.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The concept of "family" in the genre of family pedigrees. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Belgorod, 2005. 22 p.

6. Zheleznova Yu.V. *Lingvokognitivnoe i lingvokul'turnoe issledovanie kontsepta «sem'ya».* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguocognitive and linguocultural research of the concept "family". Cand. philol. sci. abstract diss.]. Izhevsk, 2009. 27 p.

7. Kostrubina E.A. *Giperkontsept sem'ya/dom – family/home v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh.* Avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Hyperconcept family / home - family / home in Russian and English linguistic cultures. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Omsk, 2011. 20 p.

8. Trushchinskaya A.S. *Leksiko-frazeologicheskaya ob"ektivatsiya kontsepta sem'ya v russkom i angliiskom yazykak.* Avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Lexico-phraseological objectification

of the concept family in the Russian and English languages. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Voronezh, 2009. 19 p.

9. Davletbaeva D.N. Kartina mira v russkoi, angliiskoi, frantsuzskoi i turetskoi frazeologii (na primere kontsepta «sem'ya») [Picture of the world in Russian, English, French and Turkish phraseology (on the example of the concept of "family")]. *Vestnik SamGU = Vestnik SamGU*, 2010, no. 5(79), pp. 128–133. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kartina-mira-v-russkoy-angliyskoy-frantsuzskoy-i-turetskoy-frazeologii-na-primere-kontsepta-semya (accessed 18.08.2021).

10. Yan Fan. Kontsept "sem'ya" v russkoi i kitaiskoi yazykovykh kartinakh mira [The concept "family" in Russian and Chinese language pictures of the world]. *Izvestiya Tomskogo un-ta = News of the Tomsk University,* 2013, no. 323(6), pp. 250–254. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-semya-v-russkoy-i-kitayskoy-yazykovyh-kartinah-mira (accessed 19.08.2021).

11. Soroka T.V. *Kontsepti "dim" i "rodina" v rosiis'kii, angliis'kii i frantsuz'kii movnii svidomosti.* Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Concepts of "home" and "family" in the Russian, English and French language consciousness. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Donetsk, 2006. 20 p.

12. Kolesov V.V. *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The world of a man in the word of Ancient Russia]. Leningrad., 1986. 312 p.

13. Dyleva E. *"Studium": ucheba so znakom plyus (2003)* ["Studio": study with a plus sign (2003)]. Available at: http://search1.ruscorpora.ru. (accessed 19.08.2021).

14. Borshosh-Kum'yats'kii Yu.V. *Shkil'na sim'ya* [School family]. Available at: http://www.poetryclub.com.ua/getpoems.php?id=23205. (accessed 19.08.2021).

15. *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language]; ed. by prof. A.N. Tikhonov; compiled by A.N. Tikhonov, A.G. Lomov, A.V. Korolkov. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. Vol. 2. 832 p.

16. Stroev A.F. *Kniga vozhatogo* [Counselor's book]. Moscow, 1954. Available at: https://www.litmir.me/bd/?b=567734. (accessed 16.08.2021).

17. Avelichev V. *Imidzh-proekt "Gimnaziya № 7 – KhKhI". Odes'ki visti* [Image project "Gymnasium № 7 - XXI". Odessa news]. 2017. October, 26. Available at: http://izvestiya.odessa.ua/uk/2009/06/25/imidzh-proekt-gimnaziya-no-7-hhi. (accessed 01.08.2021).

18. Konoplits'ka M. B. *Kozhna shakhta – garni lyuds'ki istorii* [Every mine – good human stories]. Available at: http://www.iofc.org/uk/mariia-konoplytska_story_2016. (accessed 01.08.2021).

19. *Velikii tlumachnii slovnik suchasnoï ukraïns'koï movi* [The Big Explanatory Dictionary of Modern Ukrainian Language]. Kiev, Irpin: Perun Publ., 2005. 1728 p. (In Ukrainian).

20. *Slovnik ukraïns'koï movi* [Dictionary of the Ukrainian language: in 11 V]. AS USSR. In-t mov-va. Ed. I.K. Bilodid. Kiev: Nauk. Dumka Publ., 1970, vol. 1, 799 p. (In Ukrainian).

21. Vladimirova T.E. *Kontsept "BRAT" kak arkhetip russkogo yazykovogo bytiya* [The concept "BROTHER" as the archetype of Russian linguistic being]. *Mir russkogo slova = The world of the Russian word*, 2015, no. 2, pp. 47–53.

22. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big Dictionary of Russian language]. Comp. and editor-in-chief. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

23. Evseev B.T. *Evstignei* [Evstigney]. Available at: http://ruscorpora.ru. (accessed 18.08.2021).

24. Sharova L. *Trassoviki* [Trassoviki]. Available at: http://ruscorpora.ru. (accessed 18.08.2021).

25. Zagrebel'nii P. *Divo* [Wonder]. Available at: http://www.mova.info/corpus.aspx. (accessed 18.08.2021).

26. Drozd V.G. *Muzei zhivogo pis'mennika, abo moya doroga v rinok* [Museum of the alive writer or my way to the market]. Available at: http://www.mova.info/corpus.aspx. (accessed 18.08.2021).

27. Mokienko V.M. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Big Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow, ZAO "OLMA Media Grupp", 2007. Available at: https://www. lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_LOCUTIONS-MAKIENKO.pdf. (accessed 18.08.2021).

28. Leitch A. Greek-letter fraternities. A Princeton companion: Princeton University Press, 2008. 572 p.

29. Sanua M. R. Going Greek. Jewish college fraternities in the United States, 1895-1945. Detroit, MI: Wayne State University Press, 2003. 446 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Сергиенко Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Российская Федерация,
e-mail: nas_surgut@mail.ru

Natalia A. Sergienko, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Surgut State University, Surgut, Russian Federation,
e-mail: nas_surgut@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 811

Специфика репрезентаций понятийной области «Смерть» в русской языковой картине мира (на материале устойчивых выражений)

Г.В. Попова[1] ✉, С.П. Войдаков[1]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: fantgaw80@mail.ru

Резюме

Данная статья посвящена изучению понятия языковой картины мира, рассматриваемого в работах отечественных и зарубежных исследователей XIX-XXI веков. Актуальность работы обусловлена необходимостью углубления и расширения представлений о специфике репрезентаций понятийной области «Смерть», являющейся одной из самых значимых онтологических категорий.

Целью исследования является определение особенности репрезентации устойчивых выражений, обладающих номинативностью и слитностью семантики, входящих в понятийную область «Смерть».

В задачи работы входит изучение и анализ теоретических работ по теме исследования, компонентный анализ номинаций, относящихся к смерти, выделение, путем обобщения, специфичных характеристик и свойств понятийной репрезентативной области.

Методологию исследования составляют общенаучные методы сбора и обработки информации (аналитико-синтетическая обработка), методы классификации и систематизации, а также метод сплошной выборки, применяемый для сбора и анализа языкового материала.

Семиотические представления о смерти в русской языковой картине мира складываются в результате постоянного взаимодействия и противоборства онтологической противоположности «жизнь – смерть» и обусловлены антропоцентризмом человеческого мышления. Анализ номинативных устойчивых выражений позволил выделить важные характеристики, образующие структуру понятийной области «Смерть», в числе которых ее неизбежность, неодолимость, таинственность, сакральность и антропоморфизм.

Последовательное рассмотрение языковых репрезентаций, номинирующих указанную понятийную область, дает возможность сделать вывод о том, что смерть в русской языковой картине мира осмысливается в материальном и духовном аспектах, учитывающих пространственные, темпоральные и процессуальные характеристики. Неодолимость и предопределенность смерти побуждает к извечной борьбе человека с ней. Глобальная метафора пути связана с представлениями об ином свете, устроенном на мифологических и христианских основаниях. Сакральность смерти обусловлена ее принципиальной непознаваемостью и таинственностью.

Ключевые слова: *жизнь; смерть; картина мира; понятийная область; устойчивое выражение; номинация.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Попова Г.В., Войдаков С.П. Специфика репрезентаций понятийной области «Смерть» в русской языковой картине мира (на материале устойчивых выражений) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 67-79. .

Статья поступила в редакцию 20.01.2022 Статья подписана в печать 03.02.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Попова Г.В., Войдаков С.П., 2022

The Specifics of the Representation of the “Death” Conceptual Field in the Russian Linguistic Worldview (a Case Study of Set Expressions)

Galina V. Popova[1] ✉, Stanislav P. Voydakov[1]

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: fantgaw80@mail.ru

Abstract

This article explores the notion of the linguistic worldview considered in the works of Russian and other scholars of the 19th-21st centuries. There is a need to deepen and expand the understanding of the specifics of the representation of one of the most important ontological categories, the “Death” conceptual field, and thus this paper is relevant.

This study aims to identify the specifics of the representation of nominative and semantically united set expressions that are part of the “Death” conceptual field.

The paper is due to examine and analyze theoretical works on the research topic, to conduct a componential analysis of namings connected with death, to compile and identify the specific features and properties of the conceptual representative field.

The methodology of the study includes the general scientific methods of data collection and processing (analysis and synthesis), methods of classification and systematization, as well as the method of continuous sampling used to collect and analyze the linguistic material.

In the Russian linguistic worldview, the semiotic idea of death is created as a result of constant interaction and confrontation of the “life – death” ontological opposition and is contingent on the anthropomorphic human thought. The analysis of the nominative set expressions has allowed to establish such important features of the “Death” conceptual field as the certainty of death, its insuperability, mysteriousness, sacrality, and anthropomorphism.

The sequential examination of the linguistic representations naming the concerned conceptual field allows for the conclusion that, in the Russian linguistic worldview, death is conceived in the material and spiritual aspects. These aspects take into consideration the spatial, temporal and procedural features. The insuperability and certainty of death stimulate man to constantly fight against it. The global road metaphor is connected with the mythological and Christian idea of the afterlife. The sacrality of death is due to it essentially being incognizable and obscure.

Keywords: *life; death; worldview; conceptual field; set expressions; naming.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Popova G.V., Voydakov S.P. The Specifics of the Representation of the “Death” Conceptual Field in the Russian Linguistic Worldview (a Case Study of Set Expressions). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 67–79 (In Russ.).

Received 20.01.2022 Accepted 03.02.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Изучение языковой картины мира как некоего способа концептуализации (категоризации) действительности средствами определенного языка в современной науке имеет достаточно длительную историю.

Исследования связи между языком, культурой и характером народа, говорящего на этом языке, восходят к идеям В. фон Гумбольта, который отмечал, что «в каждом языке отражается дух нации» [1, с. 92], концентрируется «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных

звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию» [1, с. 105]. В работе «Характер языка и характер народа» читаем: «В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации» [1, с. 112].

В. Маслова, обобщая основные положения концепции Гумбольта, выделяет такие ее качественные характеристики: «1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма (ВФ); 3) ВФ языка – это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром» [2, с. 59].

Собственно понятие языковой картины мира (Weltbild) вводится в научный оборот Л. Вайсгербером, основателем неогумбольтианства. В книге «Родной язык и формирование духа» (1928) «апостол родного языка» рассматривает феномен языкового познания, которое, по своей сути, является общественным (gesellschaftlich). Язык как культурное достояние необходимо считать «действенной ипостасью языка», во владении которым «члены одного языкового сообщества постепенно приходят к однородному познанию при помощи однородных форм, а тем самым - к согласию в мышлении, которое наиболее явно проявляется в возможности взаимопонимания» [3, с. 98]. Далее, по мысли исследователя, общая внутренняя форма языка передает всем своим носителям «общее мировидение, которое во многом отличается от мировидения других языков», обусловленное прежде всего вопросами «исторической взаимосвязи языка и народа» [3, с. 100].

Традиция этнолингвистических исследований и разработанная в этом русле гипотеза лингвистической относительности американских лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа также признает, что «содержание языка неразрывно связано с культурой». Э. Сепир отмечал, что «язык в своей *лексике* более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает, совершенно справедливо и то, что история языка и история культуры развиваются параллельно» [4, с. 194].

В отечественной лингвистике идеи В. фон Гумбольта получили интерпретацию в работах А.А. Потебни, который говорил о «способности воспринимать мир сквозь призму языка» и был убежден, что миф, фольклор, литература являются производными моделирующими системами по отношению к языку [5, с. 6].

В современной лингвистике трактовки рассматриваемого понятия связываются с работами Ю.Д. Апресяна, Ю. Сорокина, Е.С. Кубряковой, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В. Масловой, С.Г. Тер-Минасовой, А.Т. Хроленко и др.

В устоявшейся научной традиции наиболее общим представлением о языковой картине мира является ее метафорическое обозначение, когда оно мыслится как зеркало, показывающее окружающую действительность посредством языка и создающее своеобразное «отражение», «специфичное и уникальное для каждого языка» [6, с. 38].

В русле когнитивных исследований языковая картина мира понимается как «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [7, с. 38]. В этом случае языковая фиксация элементов действительности, создающая в результате единое категориальное полотно в виде «концептов, образов, представлений, известных схем действия

и поведения» [8, с. 141] трактуется как часть картины мира вообще, которая представляет собой «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [7, с. 36].

Детализация рассматриваемого понятия, преломление его дефиниций в различных аспектах и трактовках, в том числе и как системы представлений и установок [7, 9, 10, 11] говорит об актуальности и значимости подобных исследований для углубления и расширения теоретико-методологического базиса лингвистической науки.

Итак, как видим, с XIX столетия и до настоящего времени представления о некой целостной концептуальной картине, создаваемой посредством языка, рассматривается в триаде «реальность – культура – язык», причем в языке находят воплощение, овеществляются базовые культурные характеристики, восходящие к окружающей действительности. Иными словами, называние (номинация) предметов и явлений окружающей действительности как важнейшая языковая функция, с одной стороны, и неотъемлемая часть познания, с другой, делает мир вокруг человека обжитым и привычным, воплощая в слове важнейшие характеристики реальности.

«Основная языковая единица, обладающая номинативным значением, – это слово. Этим же значением обладают и словосочетания различной степени устойчивости – важно, чтобы их семантика была нераздельной, цельной, направленной на внутренне единый предмет или на единое явление», – писали Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [12, с. 75]. К подобным единицам, обладающим разной степенью семантической слитности, относят фразеологизмы, основные категории которых выделил В.В. Виноградов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. Семантическая «спаянность» фразеологизмов градуирована от «максимально лексикализованных единиц» (*бить баклуши, у черта на куличках* и т.д.) до относительно свободных сочетаний, допускающих лексические замены (*тоска/ужас/страх/досада берет и т.д.*) [Цит. по 13, с. 68-70].

В широком понимании к устойчивым словосочетаниям относят и фразеологические выражения, которые представляют собой афористические высказывания, цитаты из художественной литературы, морально-этические назидания и т.д. [14]. Например, ч*уть свет вы на ногах, и я у ваших ног; есть еще порох в пороховницах; быть или не быть; любишь медок – люби и холодок и т.д.*

Как отмечали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, по своей синтаксической форме фразеологизмы являются словосочетаниями, а по «спаянной семантике» – словами, обладающими номинативным значением, «направленным на непосредственную внеязыковую действительность» [12, с. 75].

Итак, предметом рассмотрения в данной работе выступают устойчивые выражения (в широком понимании), номинирующие те или иные аспекты одной из важнейших понятийных областей человеческого бытия – «смерти», являющейся, в свою очередь, компонентом дихотомического единства «жизнь-смерть». Устойчивые выражения выступают, таким образом, в качестве своеобразного микромира, который содержит, по словам Ф.И. Буслаева, «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [15, с. 37].

Материалы и методы

Материалом исследования являются работы отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих понятие языковой картины мира, а также устойчивые выражения, репрезентирующие и категоризирующие понятийную область «Смерть».

Обозначенные материалы работы требуют применения таких общенаучных методов, как методы сбора и обработки информации (аналитико-синтетическая обработка), методы классификации и систематизации, а также метод сплошной выборки, применяемый для сбора и анализа языкового материала.

Результаты и обсуждение

В кругу семиотических представлений мировой культуры дуалистическая антиномия «жизнь – смерть» занимает одно из центральных мест, поскольку является словесным отражением сущностного свойства человеческого существования. Природа общечеловеческих представлений о категориальных понятиях, формирующих устройство бытия, дуалистична, и воплощается в номинативных антиномичных выражениях.

Как отмечают С.З. Агранович, С.В. Березин, «привязанность к бинарным оппозициям возникла на заре антропосоциогенеза, когда формирующийся человек создал свою первую человеческую пространственную модель, разделив мир на две части: космос и хаос, правое и левое, верх и низ, конструкцию и деструкцию, свое и чужое, жизнь и смерть и т.д. И избавиться от этого невозможно: под бинарную асимметрию «подстроился» в процессе своего формирования человеческий мозг» [16, с. 19].

Такие содержательные противопоставления свойственны и для славянского культурного канона. Одним из первых, кто наметил основной набор важнейших оппозиций славянской культуры, был А.А. Потебня, выделивший в работе «О мифическом происхождении некоторых обрядов и поверий» такие категории, как доля – недоля, жизнь – смерть, свет – тьма и т.д. [5].

В традиции русской школы этнолингвистики (Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Л.Н. Виноградова и др.) подобные координаты мироустройства рассматриваются в контексте мифологических, библейских, фольклорных и национально-культурных оснований. В фундаментальном труде «Славянская мифология» смерть как одно из главнейших понятий мифологической картины мира характеризуется в трех аспектах: в противопоставленности понятию жизни, как обозначение «момента перехода человека из этого мира на «тот свет», в потусторонний мир»; как «граница между ними и одновременно – основное содержание и характеристика того света» [17, с. 437].

Как видим, энциклопедическое обобщение представлений о смерти вкладывается в общую антропоцентрическую парадигму человеческого мышления, согласно которой мироздание, его онтологические свойства (в том числе бытие и небытие) наделяется чертами близкими и понятными, когда неизбежное таинство смерти осмысливается в виде глобального перехода к иному существованию.

Обратимся к устойчивым выражениям, в которых находят выражение разные аспекты представлений о смерти в русской лингвокультуре [18, 19, 20, 21, 22, 23, 24]. Компонентный анализ устойчивых выражений, репрезентирующих понятийную область «Смерть», позволяет выделить несколько важных аспектов, образующих ее структуру. Сущностными характеристиками смерти в русской языковой картине мира являются ее неизбежность, неодолимость, таинственность (эзотеричность), сакральность и антропоморфизм. Составляющие обозначенных свойств представим в виде тематических групп устойчивых выражений.

Смерть неизбежна. Данное качество является онтологическим признаком, заключенным в сути бытия любого существа. С этим свойством связаны обобщения, выражающие как отрицательное отношение к смерти: *дело плохо, дело труба, она плоха* (в значении «близка к смерти»), *плохая смерть,* так и ее положительные характеристики: *пасть смертью храбрых, хорошая смерть, достойная*

смерть, самая лучшая смерть – смерть на поле боя и т.д.

Неминуемость смерти выражается в устойчивых выражениях с семантикой *конца*, итога существования и, одновременно, сугубой противоположности жизни.

Конец один, тут и конец пришел, кончать/кончить жизнь/живот, кончать/кончить свой век/свои дни, кончать себя, покончить жизнь самоубийством, скончать век/жизнь/живот, кончина; не подавать признаков жизни, скончаться, двум смертям не бывать, а одной не миновать и т.д.

Жизнь как вечный антипод смерти определяет ее своим отсутствием: *лишить жизни, лишить живота, отдать жизнь, отойти от жизни, уйти из жизни, без признаков жизни, приказать долго жить.*

Смерть предопределена, обусловлена судьбой (которая выше любого божества), человек встретится с ней рано или поздно, а следовательно, и жизнь завершится.

Найти свою смерть, умереть своей смертью, раньше/прежде смерти не помрёшь/не умрёшь, двум смертям не бывать, а одной не миновать, умереть не своей смертью, приговорить к смерти, смерти воля дана и т.д.

Итог существования может быть обозначен в разных аспектах материально-биологической парадигмы: *естественная смерть, физиологическая смерть, биологическая смерть, клиническая смерть, скоропостижная смерть.* Причем в такой репрезентации важны физиологические признаки смерти как *закона природы*, называющие отсутствие или угасание каких-либо проявлений жизненной силы. Отсутствие дыхания: *выпустить дух, испустить дух, последнее дыхание, перед смертью не надышишься;* закрытые глаза: *закрыть глаза навеки, смежить глаза/очи*; вертикальное положение тела сменяется горизонтальным: *вытянуть/протянуть ноги, отбросить копыта/коньки*, *класть на месте, класть душу и живот, упасть замертво.* Можно говорить и о вещественной превращаемости - *превратиться в прах, в пепел* (связь с обрядами сжигания покойников).

Отметим, что в материалистическо-телесном смысле смерть имеет весьма определенную пространственную ориентированность – низ, горизонталь, являющуюся частью сущностной противоположности – верх-низ.

Физиологичность смерти проявляется в ее способе, иногда очень конкретном: *убить, умереть/умирать с голоду, помереть голодной смертью, выпустить кишки, зарезать, сломить голову, сломить шею, забить до смерти и т.д.*

Телесное несовершенство человеческого существования подчеркивается и в языковой репрезентации временной ограниченности его бытия, причем в очень точных параметрах: *дни сочтены, последний час, последняя минута, последний вдох и т.д.*

Смерть неотвратима, а следовательно, может быть своеобразной платой за долги, грехи. Причем плата осуществляется в плане как физическом (более жестоком и древнем) – *заплатить кровью, поплатиться головой*, так и обобщенно-нравственном: *поплатиться жизнью, свести счеты с жизнью, свестись на нет, приговорить к смерти, расплата и т.д.*

Кроме того, смерть как непреодолимая категория, вечная и неизбежная, может выступать мерой содеянного человеком при жизни: *убить мало, избить до полусмерти, хоть умри/умирай, до смерти, уморить* (в значении «довести до определенного предела»), *помереть/ помирать со смеху и т.д.*

Итак, неизбежность смерти воплощается в семантике конца, итога, ассоциированного с лишением жизни, отсутствием ее, которое характеризуется физиологическими и временными ограничениями существования.

Смерть неодолима. Невероятная, нечеловеческая сила смерти действует в ро-

ли своеобразного «уравнителя», перед которым абсолютно все люди беспомощны: *перед смертью все равны, смерть – великий уравнитель и т.д.*

Эта фатальная мощь постоянно соседствует с силой жизненной, проявляя себя в извечной борьбе: *бороться со смертью, бороться/сражаться насмерть, биться смертным боем, отвоевать у смерти, играть со смертью, гоняться за смертью.*

Исключительное могущество смерти проявляется на уровне ее восприятия как показателя важности чего-либо: *вопрос жизни и смерти, смертный грех, не на жизнь/живот, а на смерть, между жизнью и смертью и т.д.*

Непобедимость смерти семантически связывается с категориями небытия (несуществования), вечности, мыслящейся как некая бесконечность небытия после смерти, и памяти: *уйти/уходить в небытие, кануть в небытие, отойти в вечность и т.д.*

Память как связь между отдельными людьми и поколениями особенно важна. Если *никто не забыт и ничто не забыто*, то жизнь продолжается на основе уже достигнутого. В противном случае забывание становится синонимом смерти: *уйти в забвение.*

Преодоление власти смерти возможно только в победе над забвением, когда память становится своеобразным продолжением жизненного пути: *светлая память, добрая память, вечная память, на помин души и т.д.* В последнем выражении отмечается связь с христианской традицией поминовения усопших, когда называние имен умерших, совершение определенных обрядов дает ушедшим облегчение в посмертном существовании.

Итак, неодолимость смерти побуждает к постоянному сражению с ней, являясь в каждом индивидуальном случае конкретизацией глобальной борьбы между компонентами дихотомического единства «жизнь – смерть».

Смерть таинственна. Эзотеричность смерти связана с ее непреодолимой неизбежностью, поскольку природа человеческого умирания все равно оказывается непостижимой для понимания и осознания. Действительно, смерть оказывается также чрезвычайно надежным способом хранения тайны: *унести/уносить (с собой) в могилу, умрёт во мне*, *умереть мне на (этом) месте, убей (меня) бог/гром и т.д.*

Антропоцентричность человеческого мышления приводит к метафорическому осмыслению таинства смерти по принципу подобия одному из таких же загадочных состояний – сну: *покоиться/ заснуть/почить/спать вечным сном, могильный сон, спать непробудным сном, заснуть/уснуть могильным/последним сном, спать мёртвым/мертвецким сном, усопший, сон - смерти брат.*

Сон может пониматься еще более широко, как состояние покоя: *вечный покой, сойти/уйти на покой, покойник.* Понятно, что подобные наименования связываются с физическими характеристиками умершего: неподвижность, закрытые глаза, горизонтальное положение и т.д.

Итак, языковые репрезентации смерти, номинирующие ее эзотеричность, обусловлены способом осмысления непостижимого явления посредством уподобления более привычному состоянию – сну.

Смерть сакральна. Священность смерти обусловлена ее природной неизбежностью, с которой столкнется рано или поздно каждый из пока живущих. Метафизическая иррациональность и принципиальная непознаваемость перехода к иному существованию обосновывается волей и установками высших сил, Божественным промыслом.

Господь позовет, Господь пошлет/ послал по душу, загреметь к Богу в рай, отдать Богу душу, пора о Боге думать, Господь прибрал, Богом убитый, отдать

душу, смерть да жена Богом суждена и т.д.

Подобные номинации характеризуют не банальное угасание заурядного биологического организма, а высокое, значимое действо, совершаемое по предопределению Божьему, которое придает этому событию вселенский масштаб и торжественность, а также утверждает особый смысл каждой человеческой жизни.

Связь смерти с Провидением, *волей Божьей* проявляется также в репрезентациях глобальной метафоры пути, перехода в *иной мир*, в описании устройства которого присутствуют как древние мифологические, так и христианские элементы. «Оборотническая логика» (по М.М. Бахтину) мифологического мировоззрения, христианские установки примата духовного над телесным обозначают несостоятельность прежних витальных приоритетов. Вместе с тем лексемы *жизнь, мир, свет* свидетельствуют о построении нового бытия (!) с человеческой позиции.

Загробная жизнь, отойти/уйти в мир иной, отойти в селения горние, отойти к лучшей жизни, отойти/ отправиться на тот свет, отправлять(ся) в райские кущи, покинуть (этот) мир, уйти в лучший мир, отправиться в последний путь и т.д.

Как видим, данные номинации обладают общей семантикой локативности, так как последнее путешествие практически всегда имеет целью попадание в некое место, где обитают предки или святые: *писать родителям о скорой встрече, отправиться к праотцам, встретиться с апостолом Петром и т.д.*

Одной из важнейших характеристик, подтверждающих сакральность смерти в русской лингвокультуре, является ее достаточно развитая ритуальная и обрядовая атрибутивность, выражаемая в соответствующих устойчивых выражениях. Это свидетельствует о священной значимости всех действий, связанных как с оформлением момента смерти, погребением, так и с поведением живых после кончины человека. Умершему нужно специальное место – могила, гроб, который воспринимается как новое обиталище (домовина), необходимы определенные ритуалы и обряды для безболезненного перемещения на *тот свет* [17, 25].

Двери гроба отворились, за дверью гроба, загнать в гроб, заколотить в гроб, у края могилы, найти себе могилу, пойти в гроб, сходить/сойти в могилу, глядеть/смотреть в могилу, ложиться в гроб, на краю гроба/могилы, за гробом, у гроба, сыграть в ящик, лечь в могилу, за могильной чертой, за гробовой доской и т.д.

В приведенных номинациях также определяется семантика перехода к *иному* существованию, выражаемая лексемой *дверь*, которая находится на границе миров.

Загробный, иной, другой, лучший мир также имеет собственные характеристики, связанные с землей, куда кладут покойника, и с тем, что мыслится под землей.

Лететь/загреметь в тартарары, земля пухом, исчезнуть с лица земли, лечь в землю, уйти в землю, стереть с лица земли, пора костям на место и т.д.

Интересно, что переход в иной мир соотносится также с противопоставлением света и тьмы, отказом от света: *покидать/покинуть свет, согнать со света, смотреть вон из света и т.д.*

Логика «обратности» в описании *того* и *этого света* применима к номинациям *отмаяться, отмучиться и т.д.,* в которых общее значение страдания сопрягается именно с жизнью на *этом свете*, в *этом* мире.

Итак, сакральность смерти представляется связанной с высшими силами, которые устанавливают сроки перехода в новый, лучший мир, устроенный по народно-мифологическим и христианским канонам.

Антропоморфизм представлений о смерти является специфической особен-

ностью всех ее репрезентаций в целом, обусловленной самой природой человеческого мышления. Однако наиболее яркое выражение этого свойства представляется в номинациях, репрезентирующих рассматриваемую понятийную область как некое живое существо - *старуха с косой, костлявая*. Эти образы имеют древние мифологические основания, базирующиеся на сохранившихся «осколках» обряда инициации, запечатленных в фольклорных произведениях (по В.Я. Проппу). Отметим, что в русской традиции смерть обязательно женского пола, что обусловлено как доминированием грамматического рода лексемы *смерть*, так и влиянием архетипического образа Бабы Яги, у которой костяная нога и вросший в потолок нос. Она и есть мертвец, чувствующий запах живого, проводник в загробный мир, живущий в «домовине» [26].

Помимо обозначения конкретного существа, в номинации смерти есть отдельные «человеческие» черты, соотносящиеся с признаками умирания. Смерть может видеть (*заглянуть/смотреть смерти в глаза/в лицо, смерть не видит);* она дышит *(слышать дыхание смерти);* является мыслящим существом *(смерть нашла, смерть не берёт, смерть причину найдёт),* способна двигаться (*ходячая смерть)*, может иметь цвет и вкус (*черная смерть, белая смерть, сладкая смерть*).

Наиболее характерным наименованием можно считать оксюморонное выражение *живая смерть,* в котором утверждается жизнеспособность смерти, ее витальность, несмотря на онтологическую противоположность жизни в метафизическом и биологическом смыслах.

Обратим внимание, что выделенные в данной группе устойчивые выражения с компонентом *смотреть* обладают особой семиотической значимостью, потому что именно взгляд «осмысляется как материальный контакт, устанавливающий магическую связь между человеком и явлением природы, предметом либо его символической сущностью» [17, с. 438]. Эта мысль подтверждается семантической соотнесенностью признаков жизни и смерти: *открыть глаза – закрыть глаза, смотреть на мир – мира больше не увидеть, смотреть смерти в лицо/глаза – смотреть на жизнь и т.д.*

Итак, антропоморфность номинаций смерти детерминируется общим свойством человеческого мышления. Однако явное очеловечивание смерти воплощается в образе старухи, имеющем древние мифологические основания.

Выводы

Картина мира как комплекс представлений об окружающей действительности, зафиксированных в определенном языке в виде номинативных, обладающих разной степенью семантической слитности устойчивых сочетаний, является одним из самых актуальных и исследуемых понятий в лингвистической науке.

Понятийная область «Смерть», входящая в важнейшую онтологическую антиномию «жизнь – смерть», обладает несколькими характерными свойствами, детерминирующими общие тенденции репрезентации номинаций: неизбежность, неодолимость, таинственность, сакральность и антропоморфизм.

Рассмотрение языковых репрезентаций обозначенных качеств позволяет выявить некоторые общие характеристики, свойственные представлениям о смерти в русской лингвокультуре.

Итак, смерть осмысливается в русской языковой картине мира в постоянном соединении с жизнью, с одной стороны, и противоборстве с ней, с другой. Значение завершенности человеческого существования выражается в физиологическом (телесном) и метафизическом (духовном) аспектах, которые отражают общую философско-мировоззренческую концепцию бытия. В эту парадигму вкладываются пространственные, темпоральные и процессуальные характеристики смерти. Важно, что умирание восприни-

мается как процесс, еще относящийся к жизни (*последний час/минута*), но уже на пороге перехода в иной существование, маркированное изменением пространственного положения (*упасть замертво*).

Фатальность смерти побуждает к вечной борьбе с ней, сражению не *на жизнь, а на смерть*. Вместе с тем, кончина предопределена судьбой, без активного участия самого человека, исключая случаи прецедентные (*наложить на себя руки* и т.д.). Как можно отметить, данные проведенного исследования, частично указывают на такие свойства русского семантического универсума, как «иррациональность», когда подчеркивается «несовершенство логического мышления, …непостижимость и непредсказуемость жизни», «неагентивность», понимаемая как «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности» [27, с. 34], выделяемые А. Вежбицкой.

Соотношение смерти с памятью, понимаемой как связь с предыдущими и последующими поколениями, дает возможность избежать *забвения*, позволяет продолжить существование в ином качестве.

Думается, что мысль о желании жизни и после смерти порождает и формирует представления об *ином мире*. Сознание человека внутренне отрицает саму возможность собственного несуществования, небытия, поэтому представления о *том свете* закреплены в мифологической и христианской традициях. Глобальная метафора *пути, перехода в иной мир* является своеобразной основой для конструирования представлений о другом существовании.

Священный ореол смерти во многом обусловлен принципиальной непознаваемостью ее природы, таинственностью, соотнесенной со сном. Уход из жизни связывается с Божественной волей, которая сакрализуется и обрамляется специальными действиями (обряды и ритуалы) и атрибутами.

Антропоморфность смерти в русской языковой картине мира базируется как на исходном свойстве человеческого мышления, так и на древних верованиях и представлениях о существе, забирающем жизнь.

Список литературы

1. Гумбольдт фон, В. Язык и философия культуры. М., 1985. 216 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с. (Филологи мира).
5. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. 624 с.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
8. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Пустовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.

9. Попова Г.В. Организация художественного мира фантастического произведения: категориальные понятия (на материале дилогии О. Громыко «Год Крысы») // Научный диалог. 2021. № 9. С. 200-216.

10. Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 106–120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.

11. Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия // Научный диалог. 2021. № 8. С. 112–127. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127

12. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием академика Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

13. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

14. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом – прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 29-46. DOI: 10.17223/19986645/69/2.

15. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1954. 360 с.

16. Агранович С.З., Березин С.В. Homo amphibolos: археология сознания. Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2005. 344 с.

17. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.

18. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. 653 с.

19. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 736 с.

20. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 785 с.

21. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. Т. 1. А-Н. 340 с.

22. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в.: в 2 т. /под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. Т 2. О-Я. 274 с.

23. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. Изд. 5-е стереотипное. СПб.: Вариант, 1994. 544 с.

24. Фразеологизмы в русской речи: словарь-справочник / Н.В. Баско. М.: Флинта: Наука, 2002. 172 с.

25. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

26. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: изд-во «Лабиринт», 2000. 336 с.

27. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

References

1. Gumbol'dt fon V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, 1985. 216 p.

2. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Izdatel'skij centr "Akademiya" Publ., 2001. 208 p.

3. Vajsgerber J.L. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native language and the formation of the spirit]; ed. by O.A. Radchenko. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 232 p.

4. Sepir E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]; ed. by A.E. Kibrika. Moscow, Izdatel'skaya gruppa "Progress", "Univers" Publ., 1993. 656 p.

5. Potebnya A.A. *Slovo i mif* [Word and myth]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 624 p.

6. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo/Slovo Publ., 2000. 624 p.

7. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST: "Vostok-Zapad" Publ., 2007. 314 p.

8. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Pustovalova V.I. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and the picture of the world]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p.

9. Popova G.V. Organizaciya hudozhestvennogo mira fantasticheskogo proizvedeniya: kategorial'nye ponyatiya (na materiale dilogii O. Gromyko "God Krysy") [The organization of the artistic world of a fantastic work: categorical concepts (based on the material of O. Gromyko's dilogy "The Year of the Rat")]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 9, pp. 200-216.

10. Stepykin N. I. Opyt modelirovaniya associativnyh polej (po materialam pro-ekta "Mul'tilingval'nyj associativnyj tezaurus vezhlivosti") [The experience of modeling associative fields (based on the materials of the project "Multilingual associative thesaurus of politeness")]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 3, pp. 106–120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.

11. Stepykin N. I. Potencial primeneniya formalizovannyh parametrov dlya modelirovaniya rechevogo dejstviya [The potential of using formalized parameters for modeling speech action]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 8, pp. 112–127. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-112-127

12. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientems]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p.

13. Reformatskij A. A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]; ed. by V.A. Vinogradova. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 536 p.

14. Bespalova E. A. Frazeologizmy mifologicheskogo proiskhozhdeniya s komponentom – precedentnym imenem: osobennosti stroeniya i upotrebleniya (na primere gazetnyh tekstov) [Phraseological units of mythological origin with a component – a precedent name: features of structure and use (on the example of newspaper texts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2021, no. 69, pp. 29-46. DOI: 10.17223/19986645/69/2.

15. Buslaev F.I. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka* [About teaching the Russian language]. Moscow, 1954. 360 p.

16. Agranovich S.Z., Berezin S.V. *Homo amphibolos: arheologiya soznaniya* [Homo amphibolos: The Archaeology of Consciousness]. Samara, Iz-datel'skij Dom "Bahrah-M" Publ., 2005. 344 p.

17. *Slavyanskaya mifologiya. Enciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 2002. 512 p.

18. Dal' V.I. *Poslovicy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1989. 653 p.

19. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of the Russian language. Modern version]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 736 p.

20. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2007. 785 p.

21. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII–XX v.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late XVIII–XX centuries]; ed. by A.I. Fedorova. Novosibirsk, Nauka. Sib. Otd-nie Publ., 1991, vol. 1. A-N. 340 p.

22. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XVIII–XX v.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late XVIII–XX centuries]; ed. by A.I. Fedorova. Novosibirsk, Nauka. Sib. Otd-nie Publ., 1991, vol. 2. O-YA. 274 p.

23. Vojnova L.A., Zhukov V.P., Molotkov A.I., Fedorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]; ed. by A.I. Molotkova. St. Petersburg, Variant Publ., 1994. 544 p.

24. Basko N.V. *Frazeologizmy v russkoj rechi. Slovar'-spravochnik* [Phraseological units in Russian speech: Dictionary-reference]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2002. 172 p.

25. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2004. 992 p.

26. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki*. [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p.

27. Vezhbickaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Попова Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: fantgaw80@mail.ru
ORCID: orcid.org/0000-0002-5859-7968

Galina V. Popova, Cand. of Sci. (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwestern State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: fantgaw80@mail.ru
ORCID: orcid.org/0000-0002-5859-7968

Войдаков Станислав Павлович, студент 3 курса факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: stas.voy47@yandex.ru

Stanislav P. Voydakov, 3rd year student of the Faculty of Linguistics and Intercultural Communication, South-West State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: stas.voy47@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81

Метафоризация и метонимия как средства терминообразования в сфере международного права

И.А. Пугачевская[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ipugachevskaya@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Распространение когнитивного подхода к исследованию языка оказало влияние и на развитие нового взгляда на термин как лексическую единицу. В рамках когнитивных исследований терминологическое значение представляется частью концепта, имеющей вербальное выражение. При этом формирование термина происходит в ходе осуществления той или иной профессиональной деятельности и протекает как когнитивный процесс. Когнитивные процессы метафоризации и метонимии являются наиболее актуальными при исследовании терминологических единиц.*

Цель. *Выявление и описание терминов международного права России, образованных путем метафоризации и метонимии, а также классификация терминологических метафор этой профессиональной сферы.*

Методология. *Посредством метода сплошной выборки произведен отбор терминов, образованных путем метафоры; с помощью метода компонентного анализа выявлены предпосылки метафорического и метонимического переноса. Теория концептуальной метафоры послужила основой для выявления сферы-источника при метафорическом терминообразовании, а также классификации терминов-метафор. Метод когнитивного моделирования позволил проследить направление мысли номинатора при формировании терминологического смысла. С помощью метода статистического анализа выявлены наиболее частотные группы терминов международного права.*

Результаты. *В ходе исследования была произведена классификация терминологических единиц, сформированных метафорически, а также выявлен наиболее частотный тип терминологических метафор в сфере международного права. Ряд терминов был рассмотрен посредством когнитивных моделей, что позволило выделить структурные компоненты, формирующие семантику метафоры. Использование метонимических моделей позволило проследить формирование новых терминологических смыслов в процессе перекатегоризации.*

Вывод. *Метафора и метонимия являются универсальными способами мышления, являясь, в том числе, и инструментами, формирующими лексическую базу профессиональной области (т.ч. в сфере международного права). Для рассматриваемой терминосистемы наиболее характерно формирование метафор структурного типа. При формировании терминов метонимически чаще всего задействуется модель «действие→субъект действия→место действия».*

Ключевые слова: *метафора; метонимия; терминотворчество; теория концептуальной метафоры; терминосистема международного права; когнитивная модель.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Пугачевская И.А. Метафоризация и метонимия как средства терминообразования в сфере международного права // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 80-92. .

Статья поступила в редакцию 16.12.2021 Статья подписана в печать 27.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Пугачевская И.А., 2022

Metaphorization and Metonymy as a Means of term Formation in the Field of International Law

Irina A. Pugachevskaya[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ipugachevskaya@gmail.com

Abstract

Relevance. *The spread of the cognitive approach to the study of language also influenced the development of a new view of the term as a special lexical unit. Within the framework of cognitive research, terminological meaning is represented as a part of the concept that has a verbal expression. At the same time, the formation of the term occurs in the course of the implementation of a particular professional activity and proceeds as a cognitive process. The cognitive processes of metaphorization and metonymy are the most relevant in the study of terminological units.*

The purpose. *Identification and description of the terms of international law of Russia, formed by metaphorization and metonymy, as well as the classification of terminological metaphors of this professional sphere.*

Methodology. *By means of the continuous scanning method, a selection of terms formed by metaphor was made; using the method of component analysis, the prerequisites for metaphorical and metonymic transfer were revealed. The theory of conceptual metaphor served as the basis for identifying the source sphere in metaphorical term formation, as well as for classifying metaphor terms. The method of cognitive modeling made it possible to trace the direction of the nominator's thought in the formation of the terminological meaning. Using the method of statistical analysis, the most frequent groups of terms of international law were identified.*

Results. *In the course of the study, a classification of terminological units formed metaphorically was made, and the most frequent type of terminological metaphors in the field of international law was identified. A number of terms were considered through cognitive models, which made it possible to identify the structural components that form the semantics of the metaphor. The use of metonymic models made it possible to trace the formation of new terminological meanings in the process of recategorization.*

Conclusion. *Metaphor and metonymy are universal ways of thinking, being, among other things, tools that form the lexical base of the professional field (including in the field of international law). For the considered terminological system, the formation of metaphors of a structural type is most characteristic. When forming terms metonymically, the model "action→subject of action→place of action" is most often used.*

Keywords: *metaphor; metonymy; term creation; theory of conceptual metaphor; international law term system; cognitive model.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kisel O.V. The Place of the Internet Name in the Anthroponymic System of the Language (Comparative Analysis). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 80–92 (In Russ.).

Received 16.12.2021 Accepted 27.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Международное общение являлось значимой частью различных видов деятельности человека со времен создания государственности. Ввиду взаимодействия народов в политической, экономической, культурной, научной сфере возникла необходимость упорядочения и правового регулирования межгосударственных отношений, что повлекло за собой создание системы международного права. Как и любая профессиональная сфера деятельности, область международного права обладает своим терминологическим аппаратом, который находится в постоянном развитии в соответствии с потребностями меняющегося мира и расширением познаний людей в этой

профессиональной области. Терминология той или иной сферы деятельности, отражая объем знаний, полученных человеком на данном временном этапе, позволяет наметить пути дальнейшего развития этой профессиональной области. В настоящее время всеобщей глобализации изучение терминологии международного права представляет особый интерес ввиду активного развития межгосударственных связей и появлением новых сфер международного взаимодействия, что неизбежно приводит к изменению объема значений терминов и появлению новых терминологических единиц.

В статье предлагается рассмотрение терминов международного права с точки зрения когнитивного подхода, сформировавшегося в терминоведении как новое самостоятельное направление в ответ на распространение идей когнитивизма. Развитие когнитивного подхода в лингвистике оказало существенное влияние на взгляды ученых на изучение закономерностей развития языка, на его связь с деятельностью человека, на проблему сознания и мышления. Терминологическое значение в рамках когнитивного терминоведения рассматривается как вербализованная часть концепта [1]. В термине закрепляется опыт человека, полученный им в процессе той или иной профессиональной деятельности. При этом образование терминов происходит посредством языка как когнитивный процесс, который протекает в ходе профессиональной коммуникации и осуществляется определенными отделами мозга.

Наиболее актуальными в современных исследованиях когнитивными механизмами терминопорождения являются метафора и метонимия.

Выступая инструментами познания и формирования новых терминологических значений, метафора и метонимия, между тем, представляют собой механизмы, основанные на различных по своей природе мыслительных процессах.

Если метафора представляет собой процесс ментального объединения объектов разных профессиональных сфер, то метонимия основывается на сближении предметов одной и той же профессиональной сферы. Метафора возникает спонтанно, нарушая правила формально-логического мышления, в то время как метонимия представляет результат строгих логических, как правило, многоступенчатых процессов.

Материалы и методы

Ранее такое языковое явление как метафора рассматривалось исключительно в качестве изобразительного средства, употреблявшегося в речи для придания ей большей выразительности при создании художественного образа (*золотая листва, зеркало озера, мудрое решение*).

В современных исследованиях метафора выступает универсальным языковым явлением, лежащим в основе формирования новых значений, в том числе, и терминологических. Метафора способна не только номинировать объекты и явления, но еще и обнаруживать связи с окружающей действительностью. Незавершенность и открытость терминов-метафор позволяет исследователям увидеть новые сходства и аналогии, обращая их внимание на неизвестные до сих пор свойства реальности, которые представляют научный интерес [2].

Л.М. Алексеева определяет терминологическую метафору как универсальный процесс терминопорождения, отражающий специфику научной концептуализации [3]. В основе названного процесса лежит способность термина являться инструментом познания, направлять мысль специалиста в нужном направлении в ходе осуществления им своей деятельности в определенной профессиональной сфере.

В процессе деятельности происходит постоянное расширение познаний человека о соответствующем фрагменте действительности. Новые знания, требующие осмысления, соотносятся с уже име-

ющимся опытом на основании наличия в них каких-либо схожих черт, свойств, характеристик. Сформированная концептуально структура требует вербального выражения, что приводит к созданию новых терминов путем семантической переработки значений уже существующих лексических единиц.

Таким образом, терминологическая метафоризация представляет собой процесс создания новой языковой единицы, вербализующей то знание, которое развилось в результате исследования человеком объектов и явлений окружающего мира.

Э.А. Лапиня предлагает рассматривать научную метафоризацию как трехэтапный процесс, в основе которого лежит единство семантических признаков:

На первом этапе происходит идентификация объекта по отличающим его от других объектов признакам; на основании имеющихся об объекте знаний происходит выбор лексической единицы, при этом происходит сопоставление двух планов: плана выражения (существующей словоформы) и понятия объекта или явления, которое подлежит номинации (плана содержания).

Второй этап характеризуется концептуализацией: новое понятие продолжает формироваться уже с учетом значения слова.

За новым понятием закрепляется имя и происходит разделение в области плана содержания, в результате чего новая номинативная единица становится самостоятельной, функциональной единицей языка [4].

Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона формирование метафоры можно представить путем выделения в ней двух зон. Более конкретная (донорская) зона создается посредством использования объектов, относящихся к человеку (например, частей его тела: *голова, сердце, ручка* и т.д.) или местоположения в пространстве (*мы пришли к выводу*). Имеющая большую абстракцию реципиентная зона, не имеет выраженных физических характеристик и, следовательно, нуждается в обращении к донорской зоне.

Данные зоны представляют собой две значимые области указания на окружающую действительность. На базе донорской зоны осуществляется перенос значения, следовательно, она является областью источника концептуализации. Вторая область - реципиентная зона, т.е. область, куда направлена концептуальная метафора.

С позиции когнитивной теории метафоры область-источник содержит обобщенный практический опыт жизни человека в мире. В области источника знания выстроены в виде образов-схем, являющихся относительно простыми когнитивными структурами и воспроизводящихся в процессе физического взаимодействия человека с окружающим его миром [5].

Ввиду различий в характере и способе концептуализации предметов и явлений ученые проводят следующую классификацию метафор:

– *структурные метафоры* представляют собой концептуализацию абстрактных понятий путем обращения к более конкретным единицам знания, составляющим опыт человека. В терминологии международного права можно выделить следующие метафоры структурного типа: *борьба с международным терроризмом, механизм сдержек и противовесов, государственный механизм, механизм введения санкций, политический механизм, ядерная зима, ядерный зонтик, этническая чистка, мировой рынок*, *дипломатический корпус, международный спор, государство-опекун;*

– *ориентационные метафоры* используют в качестве основы новых познаний ориентацию человека в пространстве (*внешняя и внутренняя политика, горизонтальная и вертикальная эскалация, внутренние и внешние воды, параллельная юрисдикция, внешнеторговая деятельность);*

– *онтологические метафоры* формируют значения посредством переноса свойств, присущих предметам и явлениям, на абстрактные объекты (*мягкое право, веские доказательства, горячая точка, гибкое реагирование, зеркальное отражение, «хромающий брак»*). Метафоры онтологического типа позволяют наиболее точно охарактеризовать те или иные явления профессиональной сферы путем применения устоявшихся в языке описаний качеств конкретных предметов.

Результаты и обсуждение

Как мы видим, в рамках терминологии международного права можно наблюдать формирование терминологического смысла посредством образования метафор всех трех типов. При этом наиболее частотной группой в рассматриваемой профессиональной сфере являются структурные метафоры (рис. 1).

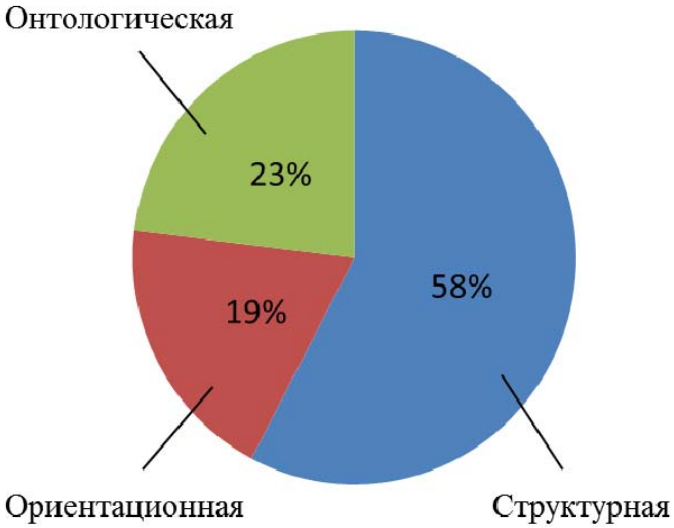


Рис. 1. Процентное соотношение типов терминов-метафор в терминологии международного права (200 лексических единиц)

Fig. 1. Percentage of types of metaphor terms in the terminology of international law (200 lexical units)

Проследим этапы процесса метафоризации при помощи модели, предложенной В.П. Москвиным, которая предполагает выделение основного, вспомогательного субъекта, основания сравнения (сходных характеристик субъектов) и их общего признака [6].

Так, семантика метафоры международного права *иммунитет государства* может быть представлена следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Структурные компоненты, формирующие семантику метафоры «иммунитет государства»

Table 1. Structural components that form the semantics of the metaphor "state immunity"

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Основание сравнения	Общий признак
иммунитет (в сфере права) - предоставленное кому-н. право не подчиняться некоторым общим законам [7]	государство - как субъект международного права - основной участник международных отношений [8]	освобождение от обязанности подчинения	обладание правом не подчиняться определенным законам

Элементом, объединяющим два компонента метафоры, выступает общий признак, на котором основывается вновь возникшее значение. Поскольку метафора соединяет в себе признаки двух различных концептуальных структур, представляется необходимым отражать все образующие ее компоненты.

Иммунитет государства – неподсудность одного государства суду другого государства [9], т.е. освобождение от обязанности подчинения государства законодательству другого государства (ср. *иммунитет* - предоставленное лицу право не подчиняться общим законам). Таким образом, логический анализ приводит к образованию общего значения на основании двух словарных дефиниций.

Так, лексема «иммунитет» связывается с представлениями об особой привилегии, освобождающей того или иного индивида от некоторых обязанностей (например, платы налогов). Лексема «государство» в профессиональном мышлении актуализирует участника международных правоотношений.

Два знания накладываются друг на друга в результате установления связей между словоформами (уже существующими лексемами) и концептуальными образованиями, сформировавшимися в результате получения нового профессионального опыта, образуя метафору (табл. 2).

Таблица 2. Формирование смысла метафоры «иммунитет государства»

Table 2. Formation of the meaning of the metaphor "state immunity"

Иммунитет государства	
привилегия - право - освобождение	участник правоотношений - обладает суверенитетом
освобождение государства от подчинения другим государствам	

Данная таблица представляет примерную последовательность этапов формирования метафорического смысла в человеческом сознании (сознании специалиста в определенной профессиональной сфере). При этом результатом процесса метафоризации выступает не четкий рациональный вывод, а, скорее, понимание на уровне переживания [10].

Рассмотрим еще один пример терминологической метафоры, используемой в области международного права России. Семантика метафоры *театр войны* может быть представлена следующими компонентами (табл. 3).

Таблица 3. Структурные компоненты, формирующие семантику метафоры «театр войны»

Table 3. Structural components that form the semantics of the "theatre of war" metaphor

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Основание сравнения	Общий признак
театр - 1. Искусство представления драматических произведений на сцене; само такое представление; 2. Зрелищное предприятие, помещение, где представляются на сцене такие произведения [7]	война - в международном праве военные действия между государствами, а также между государствами и национально-освободительными движениями, сопровождающиеся полным разрывом мирных отношений [9]	осуществление определенных последовательных действий и место, где эти действия разворачиваются	разворачивание действия

Компоненты, объединенные в один образ, формируют метафорическое значение: *театр войны (театр военных действий)* – территория, на которой вооруженные силы воюющих сторон фактически ведут военные действия [9] (ср. театр - зрелищное предприятие, помещение, где представляются на сцене такие произведения [7]). Лексема «театр», вероятно, ассоциируется с наивными представлениями об определенном сценарии действий, разыгрывании тех или иных сцен, а также о месте, где эти действия разворачиваются. Лексема «война» актуализирует смыслы, связанные с произведением действий, направленных на осуществление вооруженного противостояния. В результате слияния двух смыслов образуется новое знание, характеризуемое наличием общего признака, составляющих его компонентов. Процесс формирования метафорического смысла схематично можно представить следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Формирование смысла метафоры «театр войны»

Table 4. Formation of the meaning of the metaphor "theatre of war"

Театр	войны
искусство - действо - сцена (место, где происходит действие)	противостояние – вооруженные действия
место вооруженных действий	

Стремительно меняющийся окружающий мир, появление ранее не существовавших жизненных реалий приводит к развитию новых концептуальных структур, что находит отображение в лексических единицах, в частности, терминах. Не так давно появившийся в лексиконе специалистов в области международного права термин *виртуализация государства* также образован путем переноса метафорического смысла (табл. 5).

Таблица 5. Структурные компоненты, формирующие семантику метафоры «виртуализация государства»

Table 5. Structural components that form the semantics of the metaphor "virtualization of the state"

Вспомогательный субъект	Основной субъект	Основание сравнения	Общий признак
виртуализация - разделение физического уровня сети (расположение и соединения устройств) от ее логического уровня (рабочие группы и пользователи) [11]	государство - как субъект международного права - основной участник международных отношений [8]	отделение части признаков	наличие нематериального, условного составляющего

Объединенное метафорическое значение термина *виртуализация государства* – процесс, в результате которого государство (субъектная территория) теряет определённую часть особо значимых признаков государственности [12].

Термин *виртуализация* активно использующийся в области информационных технологий, возник на основе лексемы *виртуальный*, т.е. не имеющий физического воплощения или отличающийся от существующего объекта. В термине *виртуализация государства* признак виртуальный получил воплощение ввиду утраты государством реального фактического контроля над территорией (частью территории) с сохранением гипотетиче-

ской возможности его восстановления при определенных условиях.

Вышеописанные примеры указывают на факт применения метафор как средства категоризации жизненных реалий не только в обыденной действительности, но и в области профессиональной деятельности (в т.ч. области международного права России).

Специфичность научной, а, следовательно, и профессиональной, метафоры обусловлена двумя факторами: во-первых, универсальностью метафоры как явления языка; во-вторых, особенностями механизмов человеческого мышления. С точки зрения логики этот процесс может быть определен как идеализация, моделирование, абстрагирование; с позиции коммуникативного подхода метафоризация представляется аналогией мнемонического приема, с помощью которого происходит восприятие нового объекта [3].

Рассмотрим еще один когнитивный механизм терминопорождения – метонимический перенос. Метонимия представляет собой перемещение мыслительного объекта из одной категориальной группы в другую в пределах одной тематической области.

М.В. Никитин определяет метонимию как проекцию мыслительных связей импликационного характера на семантическое варьирование слов. Под импликацией ученый понимает мыслительную операцию установления линейной зависимости между концептами в сознании как отражение реальных (мнимых) связей между реальными (мнимыми) сущностями реального (мнимого) мира [13].

По утверждению Е.И. Головановой, метонимия является результатом многоступенчатых логических процедур профессионального познания. Метонимия обладает такими свойствами, как высокая номинативность, низкий уровень экспрессивности и стилистическая нейтральность, что играет существенную роль для языка профессиональной коммуникации [14].

Построенные по метонимическим моделям концепты обладают таким важным свойством, как системность, проявляясь в общих метонимических категориях терминосистем.

В основе метонимического процесса лежит характерная черта предмета, которая позволяет идентифицировать другой, связанный с ним по смежности предмет [15].

В отечественном языкознании в качестве понятийных отношений между категориями, которые взаимодействуют в метонимическом процессе, выделяют: материал-изделие, действие-результат, вместилище-содержимое, форма-содержание, событие-участники, учреждение-сотрудники, синекдоха (перенос с части на целое) и др. [16].

Посредством перекатегоризации мы обнаруживаем различные свойства и характеристики одного и того же профессионального явления, отраженные в нем существенные для определенного аспекта черты.

Явления метонимического переноса терминологического значения актуально и для терминологии российского международного права.

Один из механизмов перекатегоризации в профессиональной среде затрагивает категорию процессов (действий). Подобная модель познавания объектов профессиональной сферы, по мнению Е.И. Головановой, представляет собой реализацию профессионального когниотипа. Именно отношение к действию зачастую является неким указателем направления движения мысли в определенной профессиональной ситуации [14].

К метонимическим моделям такого типа относится, например, модель **«действие → объект действия»**:

Контрабанда военная. 1. Преступление международного характера, заключается в поставке воюющему государству товаров и иных предметов. 2. Предметы и вещи, доставляемые во время войны противнику невоюющим государством и его

гражданами вопреки статусу данного государства как нейтрального [9].

Перманентная форма «процесс деятельности, действие» обретает также значение наименования материального продукта. Таким образом, терминологические наименования наглядно демонстрируют последовательный мыслительный переход от категории к категории (категория процессов → категория предметов).

Весьма наглядно процесс перекатегоризации представляет модель **«действие → способ действия».**

Дипломатия. 1. Официальная деятельность глав государств, правительств, ведомств иностранных дел, специальных делегаций и миссий, дипломатических представительств по осуществлению мирными средствами целей и задач внешней политики государств и т.д. [9]. 2. Один из способов реализации внешней политики государства [9].

Капитуляция. 1. Прекращение военных действий и сдача победителю на продиктованных им условиях [9]. 2. Способ полного и окончательного прекращения военных действий одной из воюющих сторон [9].

В наименованиях отражена последовательность этапов мыслительного процесса от действия к способу выполнения этого действия.

Метонимическая модель **«действие → средство действия»** достаточно популярна в профессиональной правовой среде, в т.ч. в сфере международного права. Данную модель можно продемонстрировать при помощи следующих примеров:

Реторсии. 1. Правомерные принудительные действия государства, совершенные в ответ на недружественный, но правомерный акт другого государства 2. Наиболее мирная мера международного принудительного воздействия [17].

Репрессалии. 1. Правомерные принудительные действия политического и экономического характера, применяемые в ответ на неправомерные действия другого государства. 2. Контрмера [17].

Наряду с рассмотренными моделями, в качестве существенных для перекатегоризации терминов можно выделить такие как: «действие → обобщенный субъект действия», «действие → субъект действия → место действия», «действие → период», «место → обобщенный субъект действия», «объект действия → вид деятельности».

Модель «действие → обобщенный субъект действия» представлена, в частности, словоформой *миссия*.

Миссия (в международном праве). 1. Постоянное дипломатическое представительство государства, возглавляемое посланником или поверенным в делах. 2. Представитель или делегация, направленная для выполнения специального разового дипломатического поручения [17].

Сложная модель **«действие → субъект действия → место действия»** может быть представлена на примере термина м*еждународный арбитраж*: 1) разрешение международных споров с помощью избираемых по взаимному соглашению арбитров; 2) судейский орган, занимающийся таким разрешением; 3) место, где судебный орган осуществляет свою деятельность. Такая номинативная последовательность обусловлена тесной связью деятельности и деятеля, а также прямой соотносимостью их с местом осуществления деятельности субъектом.

«Действие →период»:

Оккупация. 1. Временное отторжение, захват чужой территории военной силой. 2. Период такого захвата и пребывания гражданского населения на захваченной территории [7].

Наиболее часто метонимическому переносу подвергается отглагольное существительное. Благодаря своему свойству широкой референции данные единицы обеспечивают широкие возможности для перекатегоризации и служат компактным средством развития профессионального знания.

Еще одной, значимой для процессов перекатегоризации категорией является категория пространства (места действия).

В терминологии международного права с этой категорией связана метонимическая модель **«место → обобщенный субъект действия».**

Дипломатический корпус. 1. Совокупность всех действующих на территории государства дипломатических представительств. 2. Все дипломатические работники дипломатических представительств, признанные в этом качестве правительством страны пребывания, и члены их семей [17].

Также важными для специалиста являются модели, основанные на переосмыслении категорий субъекта и объекта профессиональной сферы.

«Субъект действия →место действия»:

Международный суд ООН. 1. Один из шести главных органов ООН и главный судебный орган этой организации. 2. Место осуществления деятельности суда (Дворец мира, Гаага, Нидерланды).

«Субъект действия → вид деятельности». Категории деятельности и деятеля находятся в отношениях постоянного взаимодействия и взаимозависимости, что обусловлено их связью на ментальном уровне. Деятельность является проявлением человеческой сущности и неотделима от субъекта деятельности (деятеля), задающего ее направление и цель.

Международные трибуналы. 1. Международные органы, создаваемые для суда над физическими лицами и государствами по обвинению в международных преступлениях [9]. 2. Рассмотрение судебных дел такими органами [18].

Метонимическая модель **«объект действия → вид деятельности»** реализует направление мысли от некой цели (достижение определенного состояния, положения вещей) к действиям, направленным на ее осуществление.

Международная безопасность. 1. Состояние защищенности интересов международного сообщества от любых угроз политического, экономического, техногенного, информационного, военного, экологического и иного характера. 2. Система совместных действий государств в целях поддержания международного мира и безопасности.

Таким образом, метонимические процессы, протекающие в сфере профессиональной деятельности, обнаруживают важные для этой сферы когнитивные механизмы перекатегоризации профессиональных знаний. Таблица 6 показывает, что для области международного права наиболее характерна метонимическая модель «действие→субъект действия→место действия».

Таблица 6. Перекатегоризация терминологического значения в терминосистеме российского международного права

Table 6. Recategorization of terminological meaning in the terminological system of Russian international law

Метонимическая модель	Количество терминов, %	Всего
действие →объект действия	3	200
действие →способ действия	6	200
действие →средство действия	12	200
действие →обобщенный субъект действия	9	200
действие →субъект действия→место действия	18,5	200
действие→период	5,5	200
место→ обобщенный субъект действия	10	200
субъект действия→место действия	16	200
субъект действия→вид деятельности	8	200
объект действия→вид деятельности	12	200

Способность человеческого мышления обобщать и систематизировать в языке фрагменты окружающей его действительности утверждают эффективность метонимии в качестве средства категоризации.

Особую значимость метонимическим процессам придает принцип языковой экономии лексических единиц. Путем метонимических обозначений, не требующих задействования в ходе осуществления той или иной профессиональной деятельности дополнительных языковых средств, удается достичь максимальной лаконичности и, вместе с тем, емкости терминологического аппарата.

Выводы

Терминологии российского международного права свойственно формирование новых научных знаний посредством метафорических и метонимических моделей. При этом метафора является актуальной на начальном этапе формирования нового знания профессиональной области, тогда как метонимия представляет собой процесс перекатегоризации, формирования новых смыслов на основании уже сформированного и вербализованного знания.

В результате проведенного исследования было выявлено, что терминосистема международного права характеризуется образованием метафор преимущественно структурного типа (58%), доля онтологических метафор составляет 23%, а ориентационных - 19%.

Метонимический процесс терминообразования в терминологии российского международного права наиболее часто представлен когнитивной моделью «действие →субъект действия→место действия» (18,5%). Наряду с указанной моделью формирование терминологического смысла происходит посредством метонимических моделей «субъект действия→место действия» (16%), «действие→средство действия» (12%), «объект действия→вид деятельности» (12%), «место→обобщенный субъект действия» (10%), «действие→обобщенный субъект» (9%), «субъект действия→вид деятельности» (8%), «действие→способ действия» (6%), «действие→период» (5,5%), «действие →объект действия» (3%).

Рассмотренные когнитивные модели выступают важнейшими инструментами познания окружающей действительности и методами научного исследования. Современные научные направления позволяют по новому взглянуть на традиционные языковые явления и рассматривать их как когнитивный способ концептуализации нового понятия по аналогии с уже имеющейся системой понятий.

Список литературы

1. Jackendoff R.S. Semantics and cognition. Cambridge, 1983. 283 p.

2. Гринев С.В. Семиотические аспекты терминоведения // Научно-техническая терминология. М., 1996. Вып. 2. С. 3-16.

3. Алексеева Л.М. Термин и метафора. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.

4. Лапиня Э.А. Метафора в терминологии микроэлектроники (на материале английского языка) // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 134-145.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

6. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 184 с.

7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 2010. 3423 с.

8. Ахманова О.С., Минаева Л.В. О предмете и метаязыке учебной лексикографии // Словари и лингвострановедение. М.: МГУ, 1982. С. 5-11.

9. Большой юридический словарь / В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова и др. М., 2001. 790 с.

10. Симоненко М.Л. Метафора как научная категория и как механизм когниции (на примере архитектурной метафоры) // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. Тамбов: Изд.дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. 551 с.

11. Словарь сетевых терминов. URL: https://www.lexikon.ru/dict/net/v.html (дата посещения 20.11.2021).

12. Жмилевский В.Д. Словарь новых терминов международно-правовой специфики территорий. Казань: Бук, 2018. 36 с.

13. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.

14. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 224 с.

15. Киселева С.В., Панкратова С.А. И снова о метафоре: когнитивно-семантический анализ. СПб.: Астерион, 2013. 218 с.

16. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: http://tapemark.narod.ru/les/ (дата посещения 15.04.2021).

17. Берлявский Л.Г. Международное право. Словарь-справочник. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014. 248 с.

18. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma441111.htm?cmd=0&istext=1.

References

1. Jackendoff R.S. Semantics and cognition. Cambridge, 1983. 283 p.

2. Grinev S.V. [Semiotic aspects of terminology]. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya* [Scientific and technical terminology]. Moscow, 1996, is. 2, pp. 3-16 (In Russ.).

3. Alekseeva L.M. *Termin i metafora* [Term and metaphor]. Perm', Perm. un-ta Publ., 1998. 250 p.

4. Lapinya E.A. [Metaphor in microelectronics terminology (based on the material of the English language)]. *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, 1988, pp. 134-145 (In Russ.).

5. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.

6. Moskvin V.P. *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoj teorii* [Russian Metaphor: An Essay on Semiotic Theory]. Moscow, LKI Publ., 2007. 184 p.

7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, AZ" Publ., 2010. 3423 p.

8. Ahmanova O.S., Minaeva L.V. [About the subject and the metalanguage of educational lexicography]. *Slovari i lingvostranovedenie* [Dictionaries and linguistics]. Moscow, MGU Publ., 1982, pp. 5-11 (In Russ.).

9. Dodonov V.N., Ermakov V.D., Krylova M.A., eds. Dodonov V.N. Bol'shoj yuridicheskij slovar' [Large legal Dictionary]. Moscow, 2001. 790 p.

10. Simonenko M.L. [Metaphor as a scientific category and as a mechanism of cognition (on the example of an architectural metaphor)]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vypusk VII. Tipy kategorij v yazyke. Sb. nauch. tr.* [Cognitive studies of language. Issue VII. Types of categories

in the language. Collection of scientific tr.]. Tambov, Izd.dom TGU im. G.R. Derzhavina Publ., 2010. 551 p. (In Russ.)

11. *Slovar' setevyh terminov* [Dictionary of Network Terms]. Available at: https://www.lexikon.ru/dict/net/v.html (accessed 20.11.2021).

12. Zhmilevskij V.D. *Slovar' novyh terminov mezhdunarodno-pravovoj specifiki territorij* [Dictionary of new terms of international legal specifics of territories]. Kazan', Buk Publ., 2018. 36 p.

13. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoj semantiki* [Course of linguistic semantics]. St. Petersburg, RGPU im. A.I. Gercena Publ., 2007. 819 p.

14. Golovanova E.I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* [Introduction to Cognitive Terminology]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2011. 224 p.

15. Kiseleva S.V., Pankratova S.A. *I snova o metafore: kognitivno-semanticheskij analiz* [And again about metaphor: cognitive-semantic analysis]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2013. 218 p.

16. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]; ed. by Yarceva V.N. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1990. Available at: http://tapemark.narod.ru/les/ (accessed 15.04.2021).

17. Berlyavskij L.G. *Mezhdunarodnoe pravo. Slovar'-spravochnik* [International law. Dictionary-reference]. Moscow, Yurli-tinform Publ., 2014. 248 p.

18. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]; ed. by A.P. Evgen'evoj. Moscow, Rus. yaz: Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma441111.htm?cmd= 0&istext=1.

Информация об авторе / Information about the Author

Пугачевская Ирина Анатольевна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: ipugachevskaya@gmail.com

Irina A. Pugachevskaya, Educator of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: ipugachevskaya@gmail.com

Оригинальная статья / Original article

УДК 811.1

Влияние субтитров на процесс понимания видеороликов на иностранном языке

Н.П. Машкина[1] ✉, А. А. Романенко[1], В.А. Гусева[1], Е.Р. Заикина[1]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: mashkinanatasha@mail.ru

Резюме

Данная работа посвящена исследованию влияния субтитров на понимание видеороликов на иностранном языке. Актуальность данного исследования обусловлена расширением влияния медиа на способы изучения иностранного языка. Все больше студентов предпочитают традиционным методам (изучение языка по учебнику в классе) альтернативные методы (использование образовательного и развлекательного видео в оригинале, видеоигры, общение на форумах). Цель данной работы – изучение влияния субтитров на понимание видеороликов на иностранном языке. В задачи исследования входило проведение констатирующего эксперимента на установление владением определенными лексическими единицами и формирующего эксперимента для установления эффективности наличия субтитров на понимание и освоение определенных лексических единиц. В качестве методов исследования были выбраны включенное наблюдение, эксперимент и статистическая обработка данных. Студенты, изучающие английский и итальянский языки, были разделены на две группы: одна смотрела видеозаписи дважды без субтитров, а другая – дважды, но с субтитрами. После второго просмотра учащимся предлагали выполнить тест на понимание лексики из видео. Студентов спрашивали об общем впечатлении от просмотренного ролика и частных деталях ролика. Результаты эксперимента показали, что просмотр видео с субтитрами был более эффективным, чем без них. Студенты отметили, что субтитры выступали в качестве опоры при просмотре видео, а затем и выполнении тестов. Вывод данного исследования в том, что субтитры обладают высоким потенциалом как средство усвоения новых лексических единиц и изучения второго иностранного языка.

***Ключевые слова**: субтитры; образовательное видео; изучение второго языка; лексический тест.*

***Конфликт интересов:** Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Машкина Н.П., Романенко А. А., Гусева В.А., Заикина Е.Р. Влияние субтитров на процесс понимания видеороликов на иностранном языке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 93-103. .

Статья поступила в редакцию 13.11.2021 Статья подписана в печать 14.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Машкина Н.П., Романенко А. А., Гусева В.А., Заикина Е.Р., 2022

The Influence of Subtitles on the Process of Understanding Videos in a Foreign Language

Natalya P. Mashkina[1] ✉, Anastasiya A. Romanenko[1], Violetta A. Guseva[1], Elizaveta R. Zaikina[1]

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: mashkinanatasha@mail.ru

Abstract

This work is devoted to the study of the influence of subtitles on the understanding of videos in a foreign language. The relevance of this study is due to the expansion of the influence of the media on the methods of learning a foreign language. More and more students prefer alternative methods (using educational and entertainment videos, video games, communicating on forums) over traditional methods (learning a language from a textbook in the classroom). The purpose of this work is to study the influence of subtitles on the understanding of videos in a foreign language. The objectives of the study included conducting a stating experiment to establish the possession of certain lexical units and a formative experiment to establish the effectiveness of the presence of subtitles on understanding and mastering certain lexical units. Participant observation, experiment and statistical data processing were chosen as research methods. Students studying English and Italian were divided into two groups: one watched the videos twice without subtitles, and the other twice, but with subtitles. After the second viewing, the students were asked to take a vocabulary comprehension test from the video. Students were asked about the general impression of the video they watched and the particular details of the video. The results of the experiment showed that watching videos with subtitles was more effective than without them. The students noted that the subtitles acted as a prop when watching the video and then performing the tests. The conclusion of this study is that subtitles have high potential as a means of mastering new lexical units and learning a second foreign language.

***Keywords**: subtitles; educational video; second language learning; a lexical test; experimental learning.*

***Conflict of interest:** The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Mashkina N. P., Romanenko A. A., Guseva V. A., Zaikina E. R. The Influence of Subtitles on the Process of Understanding viяdeos in a Foreign Language. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 93–103 (In Russ.).

Received 13.11.2021 Accepted 14.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

В данной работе исследовалось использование текстового сопровождения во время просмотра видеозаписей на иностранном языке студентами, изучающими второй язык. Аудиовизуальные материалы дополненные субтитрами являются мощными педагогическими инструментами, как полагают, они помогают улучшить навыки понимания аудирования и чтения изучающим второй язык. [1; 2; 3; 4]. Субтитры содействуют изучению иностранных языков, помогая студентам визуализировать то, что они слышат, в особенности, если предоставляемая информация выходит за рамки их лингвистических способностей [2]. Субтитры также могут служить для улучшения понимания языка путем облегчения дополнительных когнитивных процессов, таких как обработка устной речи [5].

Для успешного овладения новыми лексическими единицами студент также должен обладать знаниями о различных способах семантизации слов. По Н.Ф. Бориско, семантизация новых лексических единиц может осуществляться:

– с помощью перевода на родной язык;

– с опорой на контекстуальное окружение слова;

– с опорой на визуальную репрезентацию слова;

– с использованием словарного толкования на изучаемом языке;

– с помощью простого объяснения значения слова на изучаемом языке;

– с опорой на синонимы или антонимы;

– с опорой на законы образования сложных слов;

– с использованием двуязычного словаря [6, с. 58].

Теория овладения вторым языком подчеркивает важность наблюдения за лингвистической информацией в медиасреде, а интерактивные источники кажутся пространством с различными функциями, которые могут поддерживать процесс овладения, но все же особое влияние игровой интерактивности еще недостаточно изучено. Теория когнитивной нагрузки и исследования, по-видимому, предполагают, что физическое взаимодействие увеличивает умственные усилия и препятствует обнаружению и приобретению новой лексики.

Результаты и обсуждение

Видео с субтитрами всё чаще используются на занятиях по иностранным языкам. В основу этой работы легли четыре направления исследований субтитров. Первое направление связано с исследованием влияния субтитров на увеличение глубины обработки материала изучающими язык. Когда в 1980-х годах субтитры были впервые введены для использования в классах иностранных языков, считалось, что текстовое сопровождение – это способ повысить внимание учащихся, уменьшить тревогу, дать студентам мгновенное подтверждение их понимания услышанного и повысить мотивацию [7; 8; 9; 10]. После начального периода основная часть исследований, изучавшая субтитры, рассматривала вопрос о том, является ли видео с субтитрами более полезным, чем видео без них [11; 12; 13]. Общее мнение заключается в том, что субтитры приводят к более высокой продуктивности при последующих тестах на понимание и словарный запас. Один из самых надежных экспериментов в этом направлении был проведен Бердом и Уильямсом, которые исследовали утверждение о том, что субтитры являются полезным инструментом изучения языка, изучая, как бимодальное представление (слуховое и визуальное) новых слов повлияет на изучение слов. В их исследовании лексика была представлена преуспевающим студентам, изучающим английский язык, при трех условиях: (а) текст со звуком, (б) текст без звука и (в) звук без текста. Берд и Уильямс рассмотрели влияние этих условий на усвоение слов, как улучшение распознавания произносимых слов, так и улучшение их запоминания. Результаты показали, что лексика, представленная в виде текста и звука, приводит к лучшему запоминанию произнесенных слов по сравнению с другими способами представления. Исследователи пришли к выводу, что бимодальная презентация помогает новому изучению слов, как это было предложено предыдущими исследованиями, увеличивая или облегчая обработку устной речи. В дальнейшем они пришли к выводу, что результаты свидетельствуют о том, что

когнитивные системы, занимающиеся слуховой и зрительной обработкой, действительно интерактивны и взаимосвязаны, что позволяет предположить, что субтитры способствуют пониманию, поскольку они увеличивают глубину обработки [5].

Второе направление исследования, которое являлось основой для этого исследования, касается уровня владения языком, на котором учащиеся получают наибольшую пользу от субтитров. Так, Маркхэм обнаружил, что субтитры были более полезны продвинутым ученикам, когда видеоматериалы были более абстрактными или сложными. Он пришел к выводу, что для учащихся среднего и продвинутого уровня субтитры следует использовать только тогда, когда видеоматериал труден для учащихся [12].

Третье направление исследования касалось индивидуальных стратегий, используемых студентами во время просмотра видео. Вандерпланк исследовал, как изучающие английский язык пользуются субтитрами в течение трех месяцев. Те, кто делал заметки во время просмотра ролика с субтитрами, более точно запоминали лексику, а затем успешнее проходили тесты на понимание. Те, кто не делал заметки, понимали информацию наравне со студентами, делавшими заметки, но они не запоминали лексику, используемую в видео. Вандерпланк пришел к выводу, что внимание, сфокусированное на форме, и обработка, сфокусированная на значении, важны для восприятия и долгосрочного запоминания лексики с помощью субтитров [10].

Трудно обобщить результаты рассмотренных выше исследований. Во-первых, некоторые исследования не группировали испытуемых по уровню знаний. Таким образом, различия в понимании, возможно, были больше связаны с мастерством, чем с эффективным использованием подписей. Во-вторых, типы тестов, используемых для измерения аспектов обработки субтитров изучающими язык, сильно различались. Большинство исследователей использовали тесты на аудирование или понимание прочитанного или различные формы лексики [14]. Использование тестов на понимание текста и лексики может показать, что субтитры были полезны и были обработаны учащимися, но мы все еще не знаем, как субтитры обрабатывались учащимися. Результаты этих прошлых исследований только указывают на то, что субтитры были полезны.

Таким образом, видео с субтитрами для изучения иностранного языка становятся все более распространенными, потому что они более доступны, просты в воспроизведении и рассматриваются как важный педагогический инструмент, поскольку помогают интегрировать письменную и слуховую информацию, что способствует овладению языком [15].

В рамках изучения данной темы было проведено экспериментальное исследование, включавшее констатирующий, формирующий и результирующий этапы опытно-экспериментального обучения. В процессе участвовали две группы студентов – экспериментальная и контрольная. Обеим группам предстояло пройти предварительное анкетирование, после чего экспериментальная группа участвовала в проведении эксперимента, вторая же продолжала обучение в установленном порядке. После окончания эксперимента обе группы прошли конечное анкетирование. Ко времени проведения эксперимента учащиеся уже изучили основные необходимые грамматические явления и лексические единицы, необходимые для успешной коммуникации во время эксперимента.

На констатирующем этапе исследования перед нами стояла задача определить оказывают ли влияние субтитров при просмотре видеороликов на иностранном языке. Полученные результаты приведены ниже.

Таблица 1. Влияние субтитров при просмотре видеороликов на иностранном языке

Table 1. Impact of subtitles when watching videos in a foreign language)

Секция	Количество правильных ответов/возможное количество ответов	Количество правильных ответов, %
Логические выводы	29/60	48
Предположения	31/60	52
Дедукция	34/45	75
Интерпретация информации	31/45	69
Анализ аргументов	18/45	40

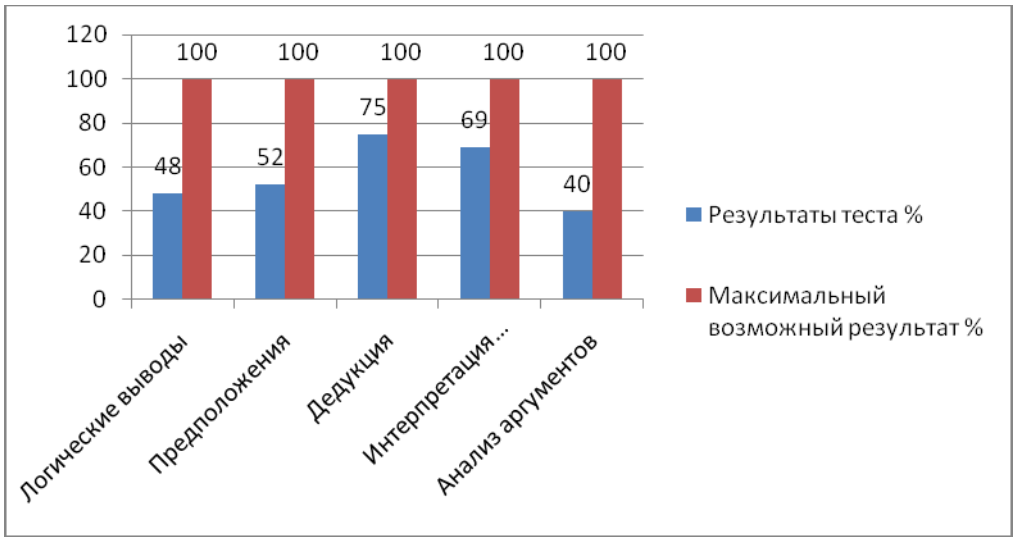


Рис. 1. Результаты предварительного теста на пять аспектов критического мышления у экспериментальной группы

Fig. 1. Results of the preliminary test for five aspects of critical thinking in the experimental group)

Проведенный тест показал, что у экспериментальной группы учащихся ярко выражена разница в развитии различных навыков критического мышления, так, группа показала наиболее высокие результаты в навыках дедукции и интерпретации информации, что отражено в таблице и диаграмме. Наиболее сложными заданиями стали вопросы на логические выводы и анализ аргументов, первое может быть объяснено тем, что в задании на логические выводы было необходимо выбирать из пяти вариантов ответа, что требовало вдумчивого анализа предоставленной информации. Низкий уровень умения анализировать аргументы позволяет предположить, что учащиеся слабо знакомы с методами анализа аргументов.

Табл. 2. Результаты предварительного теста на пять аспектов критического мышления у контрольной группы

Table 2. Preliminary test results for five aspects of critical thinking in the control group

Секция	Количество правильных ответов/возможное количество ответов	Количество правильных ответов, %
Логические выводы	34/60	57
Предположения	32/60	53
Дедукция	35/45	78
Интерпретация информации	30/45	68
Анализ аргументов	18/45	40

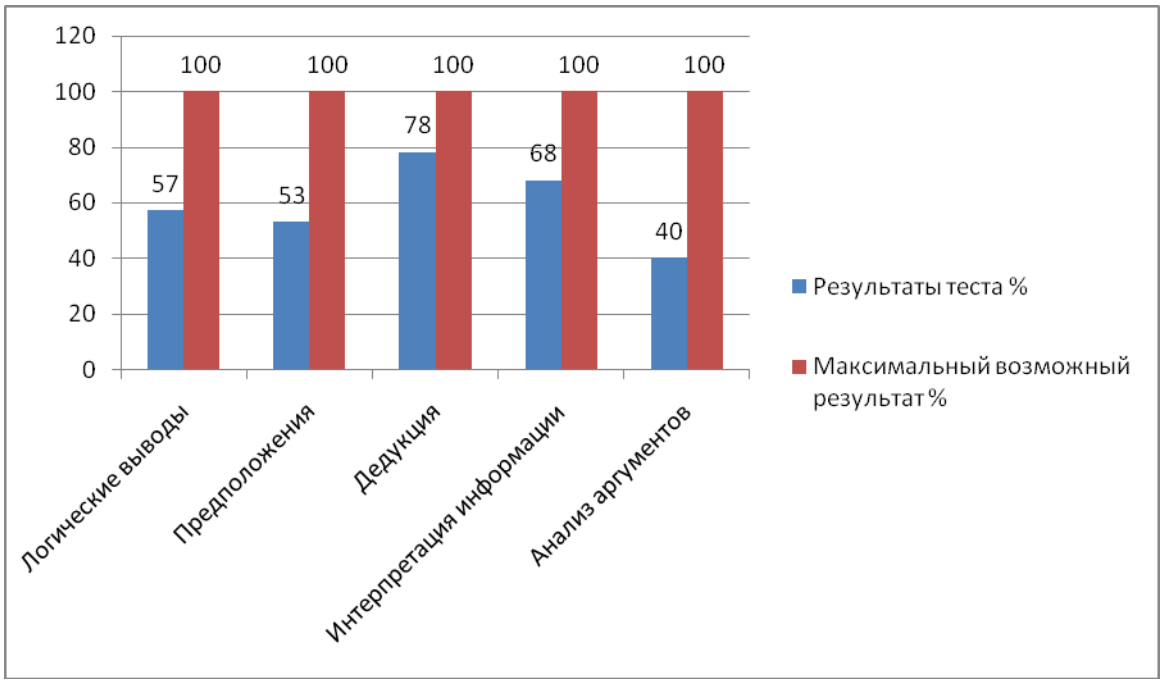


Рис. 2. Результаты предварительного теста на пять аспектов критического мышления у контрольной группы

Fig. 2. Results of the preliminary test on the five aspects of critical thinking in the control group)

По результатам теста в контрольной группе так же наблюдается лучшее развитие навыков дедукции и интерпретации информации, навык анализа аргументов имеет самый низкий показатель, что также можно объяснить слабым владением методов. Навык вынесения логических выводов имеет показатель несколько более высокий, нежели у экспериментальной группы, таким образом, вторым слабейшим местом данной группы стало построение предположений, что может быть объяснено тем, что, как и в задании на логические выводы, в данном задании было необходимо выбирать из пяти вариантов ответа, что требовало вдумчивого анализа предоставленной информации.

Табл. 3. Сравнительные результаты предварительного и конечного тестов на пять аспектов критического мышления у экспериментальной группы

Table 3. Comparative results of preliminary and final tests for five aspects of critical thinking in the experimental group

Секция	До эксперимента		После эксперимента	
	количество правильных ответов/возможное количество ответов	количество правильных ответов, %	количество правильных ответов/возможное количество ответов	количество правильных ответов, %
Логические выводы	29/60	48	34/60	56
Предположения	31/60	52	31/60	52
Дедукция	34/45	75	36/45	80
Интерпретация информации	31/45	69	35/45	78
Анализ аргументов	18/45	40	21/45	47

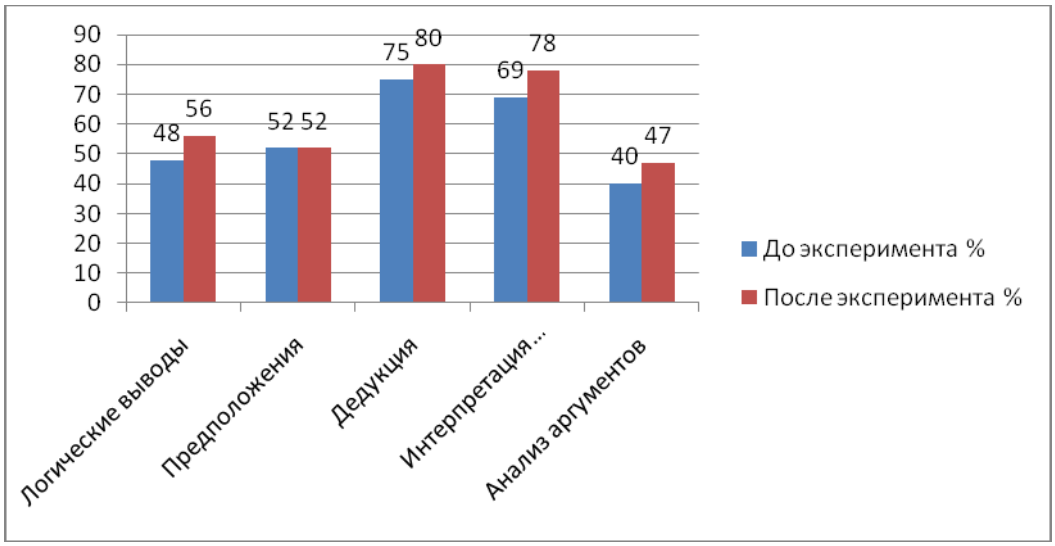


Рис. 3. Сравнительные результаты предварительного и конечного тестов на пять аспектов критического мышления у экспериментальной группы

Fig. 3. Comparative results of preliminary and final tests on five aspects of critical thinking in the experimental group

Выводы

Как можно видеть из данных, наблюдается положительная динамика изменений в формировании навыков критического мышления учащихся, тем не менее, показатели «анализ аргументов» остается наиболее низким. Показатель «логические выводы», бывший вторым наименьшим, сместился и стал третьи, его место занял показатель «предположения». Наиболее развитыми остались показатели «дедукция» и «интерпретация информации». В целом, все навыки претерпели положительные изменения.

Табл. 4. Сравнительные результаты предварительного и конечного тестов на пять аспектов критического мышления у контрольной группы

Table 4. Comparative Results of preliminary and final tests for five aspects of critical thinking in the control group

Секция	До эксперимента		После эксперимента	
	количество правильных ответов/возможное количество ответов	количество правильных ответов, %	количество правильных ответов/возможное количество ответов	количество правильных ответов, %
Логические выводы	34/60	57	30/60	50
Предположения	32/60	53	30/60	50
Дедукция	35/45	78	26/45	58
Интерпретация информации	30/45	68	29/45	64
Анализ аргументов	18/45	40	21/45	47

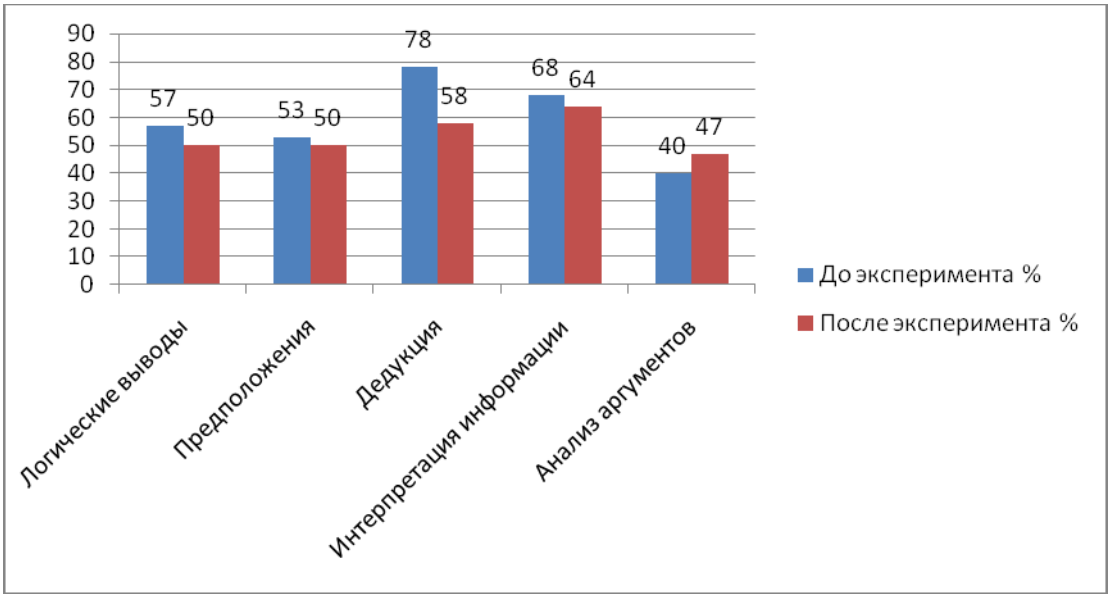


Рис. 4. Сравнительные результаты предварительного и конечного тестов на пять аспектов критического мышления у контрольной группы

Fig. 4. Comparative results of preliminary and final tests on five aspects of critical thinking in the control group

Проведенный тест показал, что показатели контрольной группы претерпели изменения, которые, тем не менее, не имеют общей тенденции. Так, показатели «логические выводы», «предположения», «дедукция» «интерпретация информации» несколько снизились, однако, показатель «анализ аргументов» повысился, при этом в предэкспериментальном срезе он был наименьшим, что свидетельствовало о трудности задания.

В ходе данного исследования был проведен эксперимент, демонстрирующий высокий потенциал применения субтитров при использовании аутентичного кинематографического материала в процессе изучения второго иностранного языка.

Список литературы

1. Боррас И. и Лафайет Р. С. Влияние субтитров мультимедийных курсов на ораторское искусство студентов колледжа по французскому языку // Журнал современного языка. 1994. № 78. С. 61-75.

2. Данан М. Субтитры и подписи: недооцененные стратегии изучения языка // Мета. 2004. № 49 (1). С. 67-77.

3. Гарза Ти Джей. Оценки использования видеоматериалов с субтитрами с углубленным изучением иностранных языков // Анналы иностранных языков. 1991. № 24(3). С. 239-25.

4. Маркхэм П. Л., Питер Л. Влияние субтитров на английском и испанском языках на понимание прочитанного // Аудирования иностранного языка. Журнал системообразовательных технологий. 2003. № 31 (3). С. 331-341.

5. Берд С. А., Уильямс Дж. Н. Влияние бимодального ввода на неявную и явную память: исследование преимуществ субтитров внутри языка // Прикладная психолингвистика. 2002. № 23 (4). С. 509-533.

6. Бориско Н.Ф. Сам себе методист, или Советы изучающему иностранные языки. Киев, М.: Фирма «Инкос», 2001. 267 с.

7. Бургер Г. Подходят ли телепрограммы с видео-субтитрами для понимания изучаемого языка // Zielsprache Deutsch. 1989. № 20 (4). С. 10.

8. Фролих. Немецкие видео с немецкими субтитрами: новый подход к развитию аудирования // Die Unterrichts praxis / Teaching German. № 21 (2). С. 199-203.

9. Гриммер К. Субтитры на английском языке с супертекстом: подарок для изучающих английский язык // ЕА Журнал. 1992. №10 (1). С. 66-75.

10. Вандерпланк Р. Значение субтитров телетекста в изучении языка. Преподавание английского языка // Журнал. 1988. №42(4). С. 272-281.

11. Данан М. Теория обратных субтитров и двойного кодирования: новые направления для иностранного языка в инструкции // Изучение языков. 1992. №42 (4). С. 497-527.

12. Маркхэм П. Л. Телевизионные видеозаписи с субтитрами: Влияние визуальной поддержки на понимание второго языка // Журнал образовательных технологических систем. 1993. №21(3). С. 183-191.

13. Маркхэм П. Л. Видеозаписи с субтитрами и распознавание слов на втором языке // Иностранная Летопись языков. 1999. №32 (3). С. 321-328.

14. Zolotukhin S. A., Mashkina N. P., Sinkevich K. M., Laktionov V. V. Professional Communication Strategies in the Design Process of an Open Education Tutor // JOURNAL FOR EDUCATORS TEACHERS AND TRAINERS. 2021. Vol. 12. No 1. P. 48-56. DOI DOI: 10.47750/jett.2021.12.01.006.

15. Zolotukhin S.A., Mashkina N.P. Models of educational video implementation in massive open online courses // Advances in social science, education and humanities research : Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019). Volgograd: Atlantis Press, 2019. P. 567-571.

References

1. Borras I., Lafajet R. S. Vliyanie subtitrov mul'timedijnyh kursov na oratorskoe iskusstvo studentov kolledzha po francuzskomu yazyku [The influence of subtitles of multimedia courses

on the oratory of college students in French]. *Zhurnal sovremennogo yazyka = Journal of Modern Language*, 1994, no. 78, pp. 61-75.

2. Danan M. Subtitry i podpisi: nedoocenennye strategii izucheniya yazyka [Subtitles and captions: Underappreciated language learning strategies]. Meta, 2004, no. 49 (1), pp. 67-77.

3. Garza Ti Dzhej. Ocenki ispol'zovaniya videomaterialov s subtitrami s uglublennym izucheniem inostrannyh yazykov [Evaluation of the use of video materials with subtitles with in-depth study of foreign languages*]. Annaly inostrannyh yazykov = Annals of Foreign Languages*, 1991, no. 24(3), pp. 239-25.

4. Markkhem P. L., Piter L. Vliyanie subtitrov na anglijskom i ispanskom yazykah na ponimanie prochitannogo [The influence of subtitles in English and Spanish on reading]. *Audirovaniya inostrannogo yazyka. Zhurnal sistemoobrazovatel'nyh tekhnologij = listening Comprehension of a Foreign Language. Journal System of Educational technologies*, 2003, no. 31(3), pp. 331-341.

5. Berd S. A., Uil'yams Dzh. N. Vliyanie bimodal'nogo vvoda na neyavnuyu i yavnuyu pamyat': issledovanie preimushchestv subtitrov vnutri yazyka [The influence of bimodal input on implicit and explicit memory: a study of the advantages of subtitles within the language]. *Prikladnaya psiholingvistika = Applied Psycholinguistics*, 2002, no. 23 (4), pp. 509-533.

6. Borisko N.F. *Sam sebe metodist, ili Sovety izuchayushchemu inostrannye yazyki* [A methodologist to himself, or Advice to a student of foreign languages]. Kiev, Moscow, Firma "Inkos" Publ., 2001, 267 p.

7. Burger G. Podhodyat li teleprogrammy s video-subtitrami dlya ponimaniya izuchaemogo yazyka [Are TV programs with video subtitles suitable for understanding the language being studied]. *Zielsprache Deutsch*, 1989, no. 20 (4), pp. 10.

8. Frolih. Nemeckie video s nemeckimi subtitrami: novyj podhod k razvitiyu audirovaniya [German videos with German subtitles: a new approach to the development of listening]. *Die Unterrichts praxis. Teaching German*, no. 21 (2), pp. 199-203.

9. Grimmer K. Subtitry na anglijskom yazyke s supertekstom: podarok dlya izuchayushchih anglijskij yazyk [Subtitles in English with supertest: a gift for English language learners]. *EA Zhurnal = EA Magazine*, 1992, no. 10 (1), pp. 66-75.

10. Vanderplank R. Znachenie subtitrov teleteksta v izuchenii yazyka. Prepodavanie anglijskogo yazyka [The meaning of teletext subtitles in language learning. Teaching English]. *Zhurnal = Journal*, 1988, no. 42(4), pp. 272-281.

11. Danan M. Teoriya obratnyh subtitrov i dvojnogo kodirovaniya: novye napravleniya dlya inostrannogo yazyka v instrukcii [The theory of reverse subtitles and double coding: new directions for a foreign language in the manual]. *Izuchenie yazykov = Learning languages*, 1992, no. 42 (4), pp. 497-527.

12. Markkhem P. L. Televizionnye videozapisi s subtitrami: Vliyanie vizual'noj podderzhki na ponimanie vtorogo yazyka [Television videos with subtitles: The impact of visual support on the understanding of a second language]. *Zhurnal obrazovatel'nyh tekhnologicheskih system = Journal of Educational Technological Systems*, 1993, no. 21(3), pp. 183-191.

13. Markkhem P. L. Videozapisi s subtitrami i raspoznavanie slov na vtorom yazyke [Videos with subtitles and word recognition in a second language]. *Inostrannaya Letopis' yazykov Foreign Chronicle of Languages*, 1999, no. 32 (3), pp. 321-328.

14. Zolotukhin S. A., Mashkina N. P., Sinkevich K. M., Laktionov V. V. Professional Communication Strategies in the Design Process of an Open Education Tutor. *JOURNAL FOR EDUCATORS TEACHERS AND TRAINERS*, 2021, vol. 12, no 1, pp. 48-56. DOI: 10.47750/jett.2021.12.01.006.

15. Zolotukhin S.A., Mashkina N.P. Models of educational video implementation in massive open online courses. *Advances in social science, education and humanities research: Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019)*. Volgograd, Atlantis Press Publ., 2019, pp. 567-571.

Информация об авторах / Information about the Authors

Машкина Наталья Павловна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: mashkinanatasha@mail.ru
ORCID:0000-0003-3384-1802

Natalya P. Mashkina, Lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: mashkinanatasha@mail.ru
ORCID:0000-0003-3384-1802

Романенко Анастасия Алексеевна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Anastasiya A. Romanenko, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Гусева Виолетта Алексеевна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Violetta A. Guseva, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Заикина Елизавета Романовна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Elizaveta R. Zaikina, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Оригинальная статья / Original article

УДК 81'23

Сопоставительный анализ ассоциативных полей *вежливость* и *քաղաքավարություն*

Н.И. Степыкин[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: nick1086@mail.ru

Резюме

Актуальной проблемой современной ассоциативной лексикографии и психолингвистики является разработка наиболее эффективных методов анализа накопленных массивов ассоциативных данных, позволяющих выявить когнитивную, эмотивную, гендерную и этнокультурную специфику речевых действий, репрезентированных в соотношении «стимул – реакция». Цель данной работы – сопоставительный анализ ассоциативных полей «вежливость» и «քաղաքավարություն». Ассоциативное поле представляет собой не просто совокупность реакций на соответствующее слово-стимул. В нашем исследовании это способ анализа ассоциатов, это модель ментальной репрезентации, в которой отражена распределительная активация личностного смысла в понятийных реакциях, реакциях-представлениях, эмоционально-оценочных ассоциатах и операциональных реакциях. Такая модель позволяет выявить этнокультурную специфику речевых действий индивидов, репрезентированных в анализируемых сочетаниях стимула и реакции. Материалом исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента с носителями армянского и русского языков в 2020 г., отраженные в мультилингвальном ассоциативном тезаурусе вежливости. В работе показано, что в структуре ассоциативных полей «вежливость» и «քաղաքավարություն» преобладают понятийные реакции, при этом понятийные реакции и ассоциаты-представления более частотны среди армянских испытуемых, а эмоционально-оценочные и операциональные реакции более характерны для русских испытуемых. Эти данные свидетельствуют о том, что группа русских испытуемых при активации речевых действий в большей степени опирается на языковые и эмотивные ориентиры, а в основе речевых действий армянских испытуемых лежат когнитивные ориентиры. Большинство ассоциаций русских и армянских испытуемых имеют соответствия, что подчёркивает универсальность концептуализации вежливости. Этнокультурная специфика речевых действий проявляется в различной операциональности соотношений стимула и реакции, а также в реакциях, которые не имеют соответствий в анализируемых ассоциативных полях.

Ключевые слова: *ассоциативное поле; стимул; реакция; вежливость и քաղաքավարություն.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Финансирование*. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00160 А.*

Для цитирования: Степыкин Н.И. Сопоставительный анализ ассоциативных полей *вежливость* и *քաղաքավարություն* // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 104–112. .

Статья поступила в редакцию 20.12.2021 Статья подписана в печать 18.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Степыкин Н.И., 2022

Comparative Analysis of the Associative Fields *Вежливость* and *Քաղաքավարություն*

Nikolay I. Stepykin[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: nick1086@mail.ru

Abstract

The relevant problem of modern associative lexicography and psycholinguistics is the development of the most effective methods for analyzing the accumulated associative data that allow identifying cognitive, emotive, gender and ethno-cultural specifics of speech actions represented in the cue – target combinations. The purpose of this work is to compare and analyse the associative fields "вежливость" / "քաղաքավարություն" (politeness). The associative field is not just a set of reactions to the corresponding stimulus word. In our study, this is a way of analyzing associates, a model of mental representation, which reflects the distributional activation of personal meaning in definitional reactions, reactions-images, emotional and evaluative associations and operational reactions. This model makes it possible to identify the ethno-cultural specifics of the speech actions of individuals represented in the analyzed combinations of the cue and the target. The research material was the results of a free associative experiment with native speakers of Armenian and Russian in 2020, reflected in the multilingual associative thesaurus of politeness. The paper shows that definitional reactions prevail in the structure of the analyzed associative fields. Definitional reactions and reactions-images are more frequent among the Armenians. Emotional-evaluative and operational reactions are more typical of the Russians. These data indicate that the group of Russian respondents relies more on linguistic and emotive reference points when activating speech actions, and cognitive reference points are the basis of the speech actions of the Armenians. Most associations of Russian and Armenian respondents have correspondences, which emphasizes the universality of the conceptualization of politeness. The ethno-cultural specificity of speech actions is manifested in the different operationality of the "cue – target" combination, as well as in reactions that do not have correspondences in the analyzed associative fields.

Keywords: *associative field; cue; target; вежливость / քաղաքավարություն (politeness).*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

Funding. *The study was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-012-00160 A*

For citation: Stepykin N. I. Comparative Analysis of the Associative Fields *Вежливость* and *Քաղաքավարություն*. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University*. *Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 104–112 (In Russ.).

Received 20.12.2021 Accepted 18.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Одной из актуальных задач современного гуманитарного знания является выявление речевых действий и операций, которые репрезентируют смыслы, существенные для представителей различных лингвокультур. Выполнение поставленной задачи возможно в рамках психолингвистической парадигмы, рассматривающей речевое действие как универсальный конституирующий компонент речевой деятельности [1].

Вежливость как важная составляющая образа мира проявляется в культуре, в традициях и в манере общения. В ряде экспериментальных исследований установлено, что базовые культурные концепты имеют как универсальные, так и этнокультурные признаки, которые определяют специфику речевых действий и операций индивида, и речевой деятель-

ности вообще [2 – 6]. Знание структурно-содержательной организации базовых культурных концептов (а именно таковым является концепт *вежливость*) позволяет учитывать особенности смыслов, продуцируемых носителями разных языков в процессе общения, что особенно актуально для межкультурной коммуникации в эпоху глобализации и интеграции.

Материалы и методы

Материалом исследования являются результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с носителями армянского языка в 2020 г., и данные мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости [7].

Перед включением в бланк стимулов был проведён компонентный и смежный с ним дефиниционный анализ, позволивший выделить компоненты лексемы *քաղաքավարություն (вежливость)*, например, *դաստիարակություն (воспитание), հարգանք (уважение), դաստիարակվածություն (воспитанность)* и др. Для соблюдения основного правила свободного ассоциативного эксперимента – неосознанности реагирования испытуемых – нами осуществлялся контроль времени, а также в специально разработанные бланки были включены не только интересующие нас стимулы, но и произвольно отобранные дистракторы (*սեղան (стол), լամպ (лампа), վազում (бегать), կլոր (круглый)*). Респонденты должны были реагировать первым пришедшим на ум словом. При обработке данных учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные. Отметим, что процедура проведения ассоциативного эксперимента для русских респондентов была аналогичной.

Результаты и обсуждение

При проведении эксперимента с участием армянских респондентов были получены следующие реакции на стимул *քաղաքավարություն (вежливость)*: *դաստիարակություն (воспитание) 14, հարգանք (уважение) 10, դաստիարակվածություն (воспитанность) 6, էթիկա (этика) 5, պահվածք (поведение) 4, կրթված (образованный), բարեկիրթ (благовоспитанный), խնդրեմ (пожалуйста), կրթվածություն (образованность) – 3, քաղաքավարություն (вежливость), բարություն (доброта), կիրթ (культурный), կուլտուրական (культурный), մայր (мать), պահելաձև (манеры), համեստություն (скромность) – 2, արժանապատվություն (достоинство), երկիր (страна), առանց նրա չի լինի (без нее не куда), իրեն քաղաքավարի պահել (вести себя прилично), չգիտեմ ինչ նկատի ունի (не знаю, что имеется ввиду), գլուխ (голова), ընկերներ (друзья), կին (женщина, жена), նրբին (изысканный), մանկությունից (с детства), նրբազգաց (такт), նրբազգացություն (тактичность), անքաղաքավարի (невежливый), կոպիտ (грубый), գեղեցիկ խոսել (говорить красиво), գիտակցություն (сознание), երիտասարդ (молодой), էթիկայի կանոններ (правила этики), իմաստություն (мудрость), խելացի (умный), կիրթ պահվածք (культурное поведение), կուլտուրա (культура), համեստ պահելաձև (скромное поведение), հանդուրժողականություն (терпеливость), հավասարակշիռ պահվածք (уравновешенное поведение), հավասարակշռվածություն (уравновешенность), քաղաքավարի վերաբերմունք (уважительное отношение), հեղափոխություն (революция), ճիշտ պահելաձև (правильное поведение), մարդ (человек), մարդիկ (люди), նրբավարություն (изысканность), շնորհակալ լինել (быть благодарным), շնորհք (талант), քաղաքական*

կանոններ (политические нормы), քաղաքակիրթ (цивилизованный), քաղաքավարի պահվածք (вежливое поведение), քաղաքավարության բացակայություն (отсутствие вежливости), հպարտություն (гордость) – 1 (здесь и далее по тексту перевод наш. – Н.С.).

Всего реакций – 104, при этом: 65 разных реакций и 39 – единичных.

Наиболее частотными реакциями носителей армянского языка на стимул *քաղաքավարություն (вежливость)* являются *դաստիարակություն (воспитание), հարգանք (уважение)* и *դաստիարակվածություն (воспитанность),* что доказывает важность этих компонентов в структуре ассоциативного поля (далее по тексту – АП). Отметим, что эти же компоненты обнаруживаются и в результате анализа лексикографических данных [8].

Распределим ассоциации по группам, которые отражают доминирующие признаки при активации того или иного соотношения стимула и реакции. Для нас важно, что ассоциативная связь возникает на основе включения «исходного слова в триединый контекст внутреннего лексикона – во взаимопересекающиеся системы когнитивных, эмотивных и языковых ориентиров, вне которых слово не может функционировать в индивидуальном сознании» [9, с. 11]. При доминировании когнитивных ориентиров актуализируются понятийные реакции или реакции-представления. Эмотивные ориентиры являются источником эмоционально-оценочных реакций, а языковые ориентиры – операциональных. Такая динамическая модель АП наиболее удачным образом, на наш взгляд, демонстрирует механизм рассредоточенной активации личностного смысла [10].

Структурно АП *քաղաքավարություն* включает следующие компоненты:

1) понятийные реакции: *դաստիարակություն (воспитание) 14, հարգանք (уважение) 10, դաստիարակվածություն (воспитанность) 6, էթիկա (этика) 5, պահվածք (поведение) 4, բարեկիրթ (благовоспитанный)3, խնդրեմ (пожалуйста)3, կրթվածություն (образованность)3, կիրթ (культурный)2, պահելաձև (манеры)2, արժանապատվություն (достоинство), նրբին (изысканный), նրբազգաց (такт), նրբազգացություն (тактичность), անքաղաքավարի (невежливый), կոպիտ (грубый), գիտակցություն (сознание), էթիկայի կանոններ (правила этики), իմաստություն (мудрость), խելացի (умный), կիրթ պահվածք (культурное поведение), կուլտուրա (культура), համեստ պահելաձև (скромное поведение), հանդուրժողականություն (терпеливость), հավասարակշիռ պահվածք (уравновешенное поведение), հավասարակշռվածություն (уравновешенность), քաղաքավարի վերաբերմունք (уважительное отношение), ճիշտ պահելաձև (правильное поведение), նրբավարություն (изысканность), շնորհակալ լինել (быть благодарным), շնորհք (талант), քաղաքակիրթ (цивилизованный), քաղաքավարի պահվածք (вежливое поведение), քաղաքավարության բացակայություն (отсутствие вежливости), հպարտություն (гордость)* – 78 ассоциатов (75 %);

2) реакции-представления: *կրթված (образованный) 3, համեստություն (скромность) 2, մայր (мать) 2, ընկերներ (друзья), կին (женщина, жена), մարդ (человек), մարդիկ (люди), երիտասարդ (молодой человек), գեղեցիկ խոսել (говорить красиво), շնորհակալ լինել (быть благодарным*), *գլուխ (голова), հեղափոխություն (революция) քաղաքական կանոններ (политические нормы), երկիր (страна),*

իրեն քաղաքավարի պահել (вести себя прилично) – 19 ассоциатов (18 %);

3) эмотивно-оценочные ассоциации: *բարություն (доброта) 2, առանց նրա չի լինի (без нее никуда), չգիտեմ ինչ նկատի ունի (не знаю, что имеется в виду)* – 4 ассоциата (4%);

4) операциональные ассоциаты: *Քաղաքավարություն (вежливость) 2, մանկությունից (с детства)* – 3 ассоциата (3%).

Для наглядности отобразим структуру АП *քաղաքավարություն* графически.

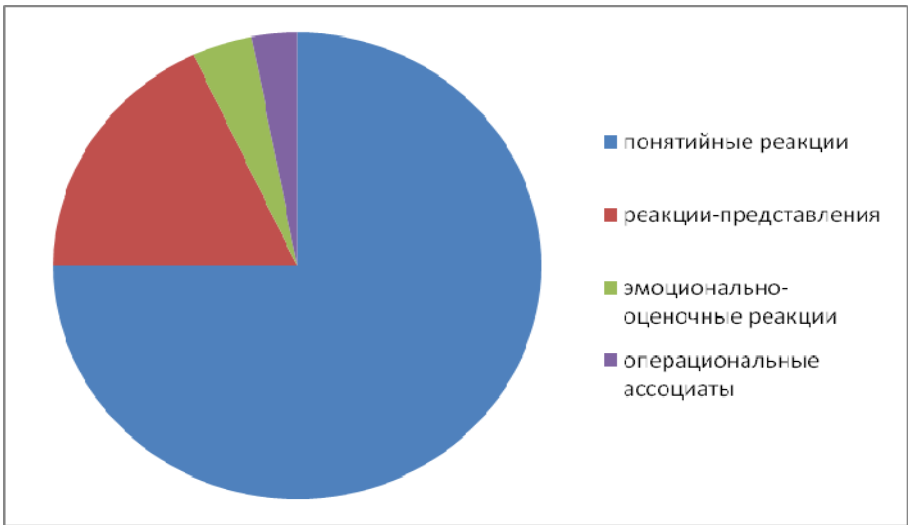


Рис. 1. Структура ассоциативного поля *քաղաքավարություն*

Fig. 1. Structure of associative field *քաղաքավարություն (politeness)*

АП *вежливость*, по данным мультилингвального ассоциативного тезауруса, включает следующие ассоциаты: *учтивость 21, воспитанность 18, доброта 14, воспитание 11, уважение 9, качество 5, обходительность 5, было, культура, такт, галантность, любезность – 3, порядочность, люди, культурность, улыбка, поклон, этикет – 2, вежливость, тактичность, продавец, внимательность, поведение, королей, привет, корректность, семья, где она?, к старшим, горы, полезно, лицемерие, правильно, ложь, приятно, лояльное отношение, с людьми, грамотность, студента, грубость, точность, манеры, персонала, милая, добро, начитанность, понимание, необходима, правда, норма, правильность, образованный, принцип, хороший, приятность, черта сильных, просто, джентльмен, светский, уступчивость, скучный, высота, драка, открытость, терпение, отличительная, черта человека, здравствуйте, отношения, отсутствие, быть вежливым, благодарность, ополаскиватель Ласка, чувство, общество, обычно, обязательна* [7, с. 18].

На стимул *вежливость* получено 168 реакций, при этом 110 разных реакций и 59 – единичных.

Представим структуру АП *вежливость* в соответствии с предложенной ранее моделью:

1) понятийные реакции: *учтивость 21, воспитанность 18, воспитание 11, уважение 9, качество 5, обходительность 5, культура 3, такт 3, галантность 3, любезность 3, культурность 2, порядочность 2, этикет 2, корректность, тактичность, внимательность, поведение, лояльное отношение, грубость, грамотность, манеры, начитанность, понимание, светский, правильность, образованный, уступчивость,*

привет, здравствуйте, чувство, черта сильных, черта человека, принцип, терпение, отношения, благодарность – 111 ассоциатов (66 %).

2) реакции-представления: *было 3, люди 2, поклон 2, улыбка 2, горы, высота, драка, форма, ополаскиватель Ласка, джентльмен, открытость, продавец, семья, общество* – 19 ассоциатов (11 %)

3) эмоционально-оценочные ассоциации: *доброта 14, добро, хороший, приятность, ложь, лицемерие, правильно, приятно, милая, норма, правда, скучный, просто, отсутствие, полезно, где она?, обычно обязательна, необходима* – 31 ассоциат (18 %).

4) операциональные реакции: *персонала, быть вежливым, вежливость, королей, студента, точность, отличительная, с людьми, к старшим* – 9 ассоциатов (5 %).

Представим структуру анализируемого АП графически.

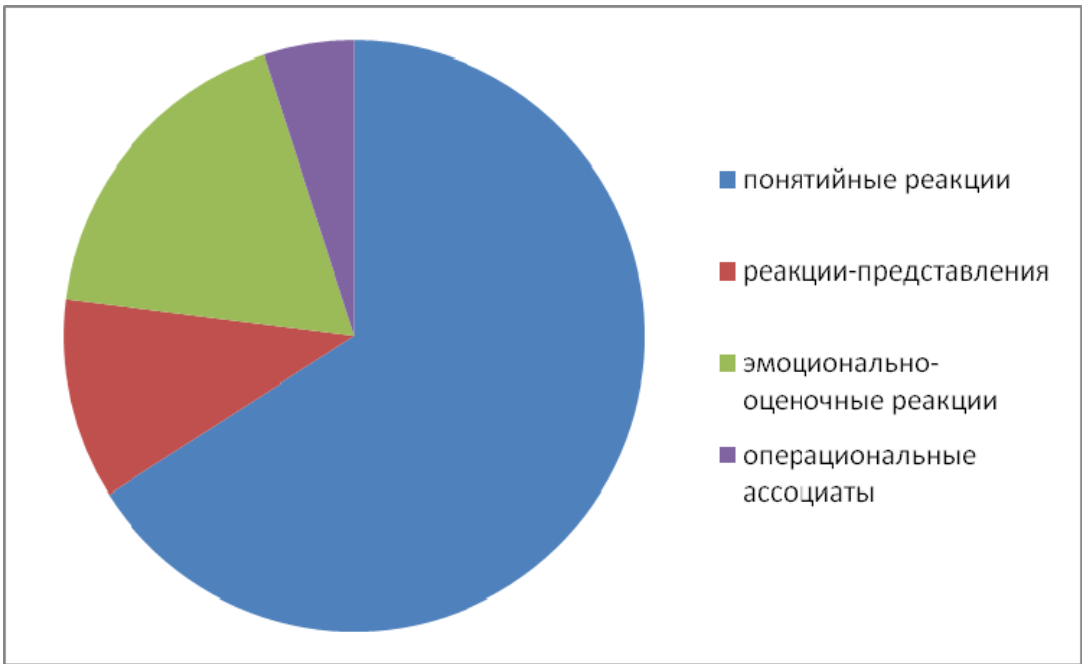


Рис. 2. Структура ассоциативного поля *вежливость*

Fig. 2. Structure of associative field *вежливость (politeness)*

Очевидно, что в структуре АП *вежливость* также доминируют понятийные реакции, однако их доля меньше по сравнению с АП *քաղաքավարություն* (66 % vs 75 %). Реакции-представления также более характерны для армянских респондентов (18 % vs 11 %), а эмоционально-оценочные (18 % vs 11 %) и операциональные (5 % vs 3 %) реакции оказались более частотными в составе АП *вежливость*.

На основании полученных результатов можно сделать предварительный вывод о большей релевантности когнитивных ориентиров для группы армянских испытуемых по сравнению с русскими. В то же время для речевых действий русских испытуемых эмотивные и языковые ориентиры оказываются более существенными по сравнению с речевыми действиями группы армянских респондентов.

Отобразим реакции в составе ассоциативных полей *вежливость* и *քաղաքավարություն*, имеющие соответствия, в табл. 1.

Таблица 1. Соответствия реакций в составе ассоциативных полей *вежливость* и *քաղաքավարություն*

Table 1. Correspondences of reactions in the composition of associative fields *вежливость* и *քաղաքավարություն*

Компоненты АП *вежливость*	Компоненты АП *քաղաքավարություն*
учтивость	հավասարակշիռ պահվածք, հավասարակշռվածություն
воспитанность	դաստիարակվածություն
воспитание	դաստիարակություն
уважение	հարգանք
доброта	բարություն
культура, культурность	կիրթ, կուլտուրական
Такт	նրբազգաց
тактичность	Նրբազգացություն
люди	Մարդիկ
поведение	Պահվածք
грубость	Կոպիտ
манеры	պահելաձև
образованный	կրթված, կրթվածություն
благодарность	շնորհակալ լինել

Большинство ассоциаций русских и армян имеют соответствия, что может свидетельствовать об универсальности концептуализации вежливости. Стоит обратить внимание, что реакция *доброта* у русских респондентов составила 8,3%, а у армян – всего 2%; реакция *поведение* – 0,5% у русских, и 3,8% у армян. В составе АП *вежливость* обнаружены реакции, которые отсутствовали у армянских респондентов (*корректность, уступчивость, внимательность*). Такие реакции определяют этнокультурную специфику концепта *вежливость* в русской лингвокультуре. Для армянских респондентов такими реакциями стали *համեստ պահելաձև* (скромное поведение) и *համեստություն* (скромность).

Судя по полученным данным, реакции *դաստիարակություն (воспитание), հարգանք (уважение)* и *դաստիարակվածություն (воспитанность)* составляют неотъемлемую часть структуры анализируемых ассоциативных полей. Однако операциональность реакций *воспитание, уважение* и *воспитанность* значительно ниже по сравнению с реакциями *դաստիարակություն, հարգանք* и *դաստիարակվածություն* носителей армянского языка. В то же время наиболее частотной реакцией русских респондентов является *учтивость* – выражение почтительности, вежливости. По данным ассоциативного эксперимента, вероятность активации соотношения *вежливость – учтивость* составляет 12,5 %, а вероятность обратной активации ещё более сильна – 21 %.

Выводы

Таким образом, распределенная модель активации личностного смысла позволяет выделить в структуре ассоциативных полей «вежливость» и «քաղաքավարություն» понятийные реакции, ассоциаты-представления, эмоционально-оценочные и операциональные реакции. Большинство ре-

акций коррелируют с компонентами лексем «вежливость» и «քաղաքավարություն» и являются понятийными (66% ассоциатов в структуре АП «вежливость» и 75 % – в структуре АП «քաղաքավարություն»). Экспериментальные данные свидетельствуют об универсальности концептуализации вежливости, поскольку реакции русских и армянских испытуемых обнаруживают множество соответствий. Этнокультурная специфика речевых действий проявляется в различной иерархии структурных компонентов АП: понятийные реакции и ассоциаты-представления более частотны среди армянских испытуемых, а эмоционально-оценочные и операциональные реакции более характерны для русских испытуемых. Очевидно, группа русских испытуемых при активации речевых действий в большей степени опирается на языковые и эмотивные ориентиры, а в основе речевых действий армянских испытуемых лежат когнитивные ориентиры. Об этнокультурной специфике речевых действий русских и армянских респондентов также свидетельствует различная операциональность соотношений стимула и реакции и ассоциаты, которые не имеют соответствий в анализируемых ассоциативных полях. В составе ассоциативного поля «вежливость» такими реакциями являются «корректность», «уступчивость», «внимательность», а в составе ассоциативного поля «քաղաքավարություն» – «համեստ պահելաձև» (скромное поведение) и «համեստություն» (скромность).

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
2. Карданова К. С. Лингво-психологическое исследование реструктурации образа сознания *империя/empire*: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 21 с.
3. Пищальникова В. А., Яо Ч. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова услужливый в китайской лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т 9. № 1 (30). С. 56 – 65.
4. Степыкин Н. И. Ассоциативное поле *вежливый*: динамика психологически актуального содержания в лексиконе индивида // Science for Education Today. 2020. № 2. С. 151–166. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2002.10.
5. Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта "Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости") // Научный диалог. 2021. № 3. С. 106–120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.
6. Хлопова А. И. Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 1 (30). С. 80–86.
7. Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Курск, 2020. 205 с.
8. Агаян Э.Б. Толковый словарь современного армянского языка. Ереван: Издательство «Айастан», 1976. 1615 с.
9. Залевская А. А. Функциональная основа разграничения парадигматических и синтагматических связей при анализе материалов ассоциативных экспериментов // Структурно-семантические исследования русского языка. Воронеж: Изд-во Воронеж ун-та, 1994. С. 5 – 13.
10. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761.

References

1. Leont'ev A. A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 214 p.

2. Kardanova K. S. Lingvo-psihologicheskoe issledovanie restrukturacii obraza soznaniya *imperiya/empire*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguistic and psychological study of the restructuring of the image of consciousness *empire/empire*. Cand. philol. sci. abstract diss.]. Moscow, 2006. 21 p.

3. Pishchal'nikova V. A., Yao Ch. Sluzhit' by rad – prisluzhivat'sya toshno, ili Dinamika znacheniya slova usluzhlivyj v kitajskoj lingvokul'ture [I would be glad to serve – it is sickening to serve, or The dynamics of the meaning of the word helpful in Chinese linguoculture]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 56 – 65.

4. Stepykin N. I. Associativnoe pole vezhlivyj: dinamika psihologicheski aktual'nogo soderzhaniya v leksikone individa [The associative field polite: the dynamics of psychologically relevant content in the lexicon of an individual]. *Science for Education Today*, 2020, no. 2, pp. 151–166. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2002.10.

5. Stepykin N. I. Opyt modelirovaniya associativnyh polej (po materialam proekta "Mul'tilingval'nyj associativnyj tezaurus vezhlivosti") [The experience of modeling associative fields (based on the materials of the project "Multilingual associative thesaurus of politeness")]. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2021, no. 3, pp. 106–120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.

6. Hlopova A. I. Associativnyj eksperiment kak metod ustanovleniya izmeneniya konnotacii bazovoj cennosti [Associative experiment as a method of establishing changes in the connotation of the basic value]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1 (30), pp. 80–86.

7. Stepykin N. I., Mironova D. M. *Proekt mul'tilingval'nogo associativnogo tezaurusa vezhlivosti* [The project of a multilingual associative thesaurus of politeness]. Kursk, 2020. 205 p.

8. Agayan E.B. *Tolkovyj slovar' sovremennogo armyanskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the modern Armenian language]. Erevan, Ajastan Publ., 1976. 1615 p.

9. Zalevskaya A. A. [Functional basis of the differentiation of paradigmatic and syntagmatic connections in the analysis of materials of associative experiments]. *Strukturno-semanticheskie issledovaniya russkogo yazyka* [Structural and semantic studies of the Russian language]. Voronezh, 1994, pp. 5–13 (In Russ.).

10. Pishchal'nikova V.A. Interpretaciya associativnyh dannyh kak problema metodologii psiholingvistiki [Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistics methodology]. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 749–761.

Информация об авторе / Information about the Author

Степыкин Николай Иванович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: nick1086@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2802-5686

Nikolay I. Stepykin, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: nick1086@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2802-5686

Оригинальная статья / Original article

Paremiological Fund of the Language as the Source of Language Concept Representation

Elena V. Chaplygina[1] ✉, Elena E. Yarenchuk[1]

Kursk State University
33 Radishcheva str., Kursk 30500, Russian Federation

✉ e-mail: elenachaplygina85@mail.ru

Abstract

The present paper explores the paremiological area of the interpretative field of the concept "Money", identifies the cognitive features interpreting the concept in the English language. The paremiological area of the concept structure explicates value of this phenomenon for native speakers in the historical perspective. The large number of linguistic manifestations objectifying the concept "Money" in English paremiological fund indicates a special attitude to this phenomenon. Linguistic research method involves the use of paremiological dictionaries and collections of aphorisms as vivid evidence of the specific aspects of understanding of the concept found in the lexicon that reveals the features of the values of a particular linguistic community. The research of English proverbial fund, in particular, paroemias nominating various properties of money, with the method of cognitive interpretation, allowed us to identify the characteristic features of paroemias objectifying the concept in the English linguistic culture. When analyzing the experimental data, there were cases when modern native speakers did not understand the meaning of some paroemias and, accordingly, did not use them in speech. The experiment of verification and clarification of proverbs as "frozen" conceptualizations presented for native English speakers allowed us to indicate the values of modern representatives of this linguistic and cultural community which are substantially formed by the current economic situation and the mentality of the nation, as well as to observe the positioning of the presented linguistic manifestations in terms of intensity in the consciousness of Americans.

Keywords: *integrated approach to the research of concept structure; interpretive field; paremiological area; cognitive attributes of the concept; verbal manifestation of the concept.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Chaplygina E. V., Yarenchuk E.E. Paremiological Fund of the Language as the Source of Language Concept Representation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 113–121.

Received 03.11.2021 Accepted 19.01.2022 Published 11.04.2022

© Chaplygina E. V., Yarenchuk E.E., 2022

Паремиологический фонд языка как источник языковой репрезентации концепта

Е. В. Чаплыгина[1] ✉, Е. Э. Яренчук

[1]Курский государственный университет
ул. Радищева 33, Курск 30500, Российская Федерация

✉ e-mail: elenachaplygina85@mail.ru

Резюме

В статье рассматривается паремиологическая зона интерпретационного поля концепта «деньги», выделяются когнитивные признаки, интерпретирующие исследуемый концепт в английском языке. Паремиологическая зона структуры концепта эксплицирует ценностную значимость этого явления для носителей языка в исторической перспективе. Наличие большого количества языковых манифестаций, объективирующих концепт «деньги» в паремиологическом фонде английского языка, свидетельствует об особом отношении к этому феномену Лингвистический метод в исследовании содержания концепта предполагает использование паремиологических словарей, так как яркие свидетельства национально-специфических аспектов осмысления концепта обнаруживаются в лексике, эксплицирующей особенности ценностных установок той или иной языковой общности. Исследование английского пословично-поговорочного фонда, в частности паремий, номинирующих различные свойства денег, с помощью методики когнитивной интерпретации, позволило выявить характерные особенности паремий, объективирующих исследуемый концепт, в английской лингвокультуре. В процессе анализа данных эксперимента наблюдались случаи, когда современные носители языка не понимали смысла некоторых паремий и соответственно не использовали их в речи. Эксперимент на верификацию и уточнения смыла представленных пословиц и поговорок как «застывших осмыслений концепта» для носителей английского языка позволил судить о ценностных установках современных представителей данной лингвокультурной общности, которые в значительной степени сформированы современным экономическим положением и менталитетом нации, а также проследить позиционирование представленных языковых манифестаций по яркости в современном сознании американцев.

Ключевые слова: *интегрированный подход к исследованию структуры концепта; интерпретационное поле; паремиологическая зона; когнитивные признаки концепта; вербальная манифестация концепта.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Чаплыгина Е.В., Яренчук Е.Э. Паремиологический фонд языка как источник языковой репрезентации концепта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 113-121. .

Статья поступила в редакцию 03.11.2021 Статья подписана в печать 19.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

***

Inroduction

Vivid evidence of the national-specific aspects of understanding the concept may be found in the vocabulary that explicates the features of the value attitudes of any language community.

Proverbs and sayings reveal the peculiarities of everyday life, traditions, customs, beliefs, superstitions and the history of the people, and also contain norms and rules recognized by the majority of representatives of a particular community, evolved on the experience of many generations [1].

Paroemias are “set understandings of a particular concept that have evolved over a long period of time” [2].

The corpus of the paroemiological material (or the paroemiological field) to be re-

searched relates to the concept "Money" and includes more than 200 English paroemias nominating various properties of money.

The material for the analysis (the paroemias in English that characterize the concept under study) is the data from the paroemiological dictionaries by: T.V. Parhamovich. 1000 Russian and 1000 English Idioms: A Dictionary with Explanations and Examples [3]; Norma Gleason. Proverbs from around the world 1500 amusing, witty, and insightful proverbs from 21 lands and languages [4]; R. Spears. NTC's thematic dictionary of American Idioms [5]; A.V. Kunin. The English-Russian phraseological dictionary [6]; G. Kiss. The associative Thesaurus of English [7]; Collins COBUILD English Usage dictionary [8].

All the paroemias selected from these sources were analyzed by means of cognitive interpretation of meanings, that is, the meaning of the paroemia was interpreted as a reflection of a cognitive attribute, and the selected cognitive attributes were unified and brought to a single metalanguage formulation.

Results and discussions

The analysis of English paroemias allows to identify the following cognitive attributes [9]:

money opens all the doors:

Money talks; *Money answers all things*; *Money makes the man*; *Money in the purse will always be in fashion*; *Money recommends the man*; *If money goes before, all ways lie open*; *To angle with a silver hook*; *An ass loaded with gold climbs to the top of the castle*; *Money makes the world go round*; *Money is a universal language speaking any tongue*.

money goes to money:

Money begets (breeds, draws, gets, makes) money; *Much will have more*; *He who has money receives more*; *Money is money's brother*.

money likes to be counted:

Money likes to be counted; *Money to spare likes (needs) good care*; *Even reckoning makes long friends*; *When two friends have a common purse, one sings and the other weeps*; *Short debts make long friends*.

money may come unexpectedly:

Not a farthing to own, and suddenly a silver piece; *From rags to riches*; *Not a copeck* (a monetary unit of Russia) *in your pocket and all of a sudden a silver locket*; *You never know where you will get dough; Not a penny at all, and all of a sudden a windfall*.

money is dangerous, it can bring a lot of trouble:

Muck and money go together; *A great fortune is a great slavery*; *Money is the root of evil*; *Money often unmakes the men who make it*; *Love of money is the undoing of men*.

money is not the most important thing in life, but money cannot buy happiness, love, luck, health, intelligence:

Money isn't everything; *Money isn't everything, but it's way ahead of whatever is in second place*; *Money doesn't make character*; *Money will buy everything but real happiness*; *A happy heart is better than a full purse*; *Happiness before money*; *Money will buy a fine dog, but only kindness will make him wag his tail*; *Money cannot buy love*, *etc*.

It is known that many expressions of folk wisdom tend to be transformed in modern society. Many aphorisms are also based on commonly used proverbs and sayings. So, the paroemia *Money can't buy happiness* gave rise to the following aphorisms: *Money can't buy happiness; it can, however, rent it*; *Money can't buy happiness, but neither can poverty*.

a person should be able to manage money:

Money is a good servant but a bad master; *Money will be a slave or a master*; *Make money your servant, not your master; The value of money lies in what we do with it*.

to earn money, you need to make an effort, easy money does not bring benefits:

Money doesn't grow on trees; *Money grows on the tree of persistence*; *If you don't speculate, you can't accumulate*; *Who would make money must begin by spending it*; *Earn money before you spend it*; *In for a penny, in for a pound*; *A day late and a dollar short*; *Easy come easy go*; *Ill-gotten, ill-spent*.

Although the following proverbs say the opposite:

The money you refuse will never do you good; *Money has no smell; A thief passes for a gentleman when stealing has made him rich*; *Honour and profit lie not in one sack*.

These proverbs express two contradictory points of view on the way of making money confirming the fact that everyone is guided by their own morality and has different consequences for their actions.

In the English paroemias objectifying the concept "Money", there is a certain connection with the concept "Love".

Love does much but money does all; *Love lasts as long as money endures*; *When poverty comes in at the door love flies (leaps) out at the window*; *He that marries for money earns it*; *Never marry for money but marry where money is*; *Love does wonders, but money makes marries*; *A great dowry is a bed full of brambles.*

In these paroemias, the emphasis is placed on the fact that money sometimes plays a more important role in a relationship than love, and often becomes the reason for marriage for the purpose of profit (in English, there is an idiom *to marry money* (i.e. to marry for profit). However, there are proverbs that warn of the deplorable outcome of such situations and instruct that money should not be a priority for marriage, although the ideal option is the presence of both love and money in the family.

In some paroemias, one can trace the relationship between the concept "Money" and the concept "Friendship" in the minds of English speakers.

He that has no money has no friends; *Prosperity makes friends, and adversity tries them*; *Lend your money and lose your friend*; *Friendship is dearer than money*; *A friend in court/in the market is better than money in chest*.

These paroemias show that wealth contributes to the acquisition of a large number of "friends", but the truly rich is the one who has real friends who can give support in difficult times. Also, the question of money is a stumbling block for real friendship when money is shared or borrowed.

When analyzing English proverbs and sayings, we have identified paroemias that characterize the relationship between the notions of *mind* and *money*.

A fool and his money are soon parted; *If you have money you have wisdom; if none, you are a fool*; *Money spent on the brain is never spent in vain*.

A special place in the paroemias that characterize the concept "Money" is occupied by proverbs that *teach thrift and condemn extravagance*.

That crown is well spent that saves you ten; *A penny saved is a penny gained*; *Take care of the pence and the pounds will take care of themselves*; *Penny and penny laid up will be many*; *Who will not keep a penny, never shall have any*; *Waste not, want not.*

Excessive thrift leads to pettiness, that is, one should know the clear boundaries between thrift and greed. The following paroemias show that *pettiness leads to quite the opposite result than thrift*.

A penny soul never came to twopence; *Penny – wise and pound – foolish*; *Cheapest is the dearest*; *A covetous man makes a half-penny of a fathing* (1/4 of a penny)*, and a liberal* (generous) *man makes sixpence* (1/2 of a shilling) *of it*.

We also consider it necessary to reveal the relationship between the concept "Money" and the concept "Debt".

Better give a shilling than lend a half crown; *He that goes a-borrowing, goes a-sorrowing*; *He who likes borrowing dislikes paying.*

The warning that is expressed in these paroemias means that debt is a burden or carries a danger and makes people enemies. But if people approach the issue of debt prudently, then such consequences can be avoided. It can be concluded that the attitude of native English speakers to debt, in fact, coincides with the attitude of native Russian speakers, and in both cases, the following statement is acceptable: *You borrow someone else's money, but you return your own*. Although the ironic attitude to the issue of debt in modern society has contributed to the emergence of the following aphorism, emphasizing the fact that debt can help to get rid of annoying people: *Does your neighbor bore you? Lend him some money*.

Having analyzed the English paroemias, the proverbs that reveal *the attitude of people to poverty and wealth* were distinguished as a separate group.

Poverty is no sin; *Poverty is no crime*; *Poverty is not a shame, but the being ashamed of it is*; *A beggar can never be bankrupt*; *The beggar may sing before the thief*; *A good name is better than riches*; *Riches take wing, honour will cling*; *A clean fast is better than a dirty breakfast*; *Happy poverty overcomes everything*.

Despite the fact that these paroemias reveal a disdainful attitude to wealth and show that honesty, a good reputation and contentment with what you have are more important than material goods, there are also paroemias that show the negative aspects of lack of money: *Poverty breeds strife*; *A light purse is a heavy curse*; *Poverty is no disgrace but it is great inconvenience*.

In our opinion, the phenomenon of ambivalence is a characteristic feature of the conceptual attributes functioning in the peripheral zone of the conceptual field.

Thus, the analysis of the English language paroemias allows us to identify their characteristic features.

The purpose of experimental research is to identify changes in attitude towards money against the background of current societal changes [10]. The respondents' opinions on the meaning of the paroemias as well as the variants of their interpretation by modern native speakers were particularly significant for the experiment.

The respondents were asked to read the list of 20 paroemias carefully using Google Forms. As the experiment was conducted remotely, the response time was not limited. The respondents were to answer without using auxiliary resources. In the form, they were asked to indicate gender, age, and occupation. The task was to mark "Yes/No" variants in the options "Know/Do not know", "Use in speech/Do not use in speech" and to interpret the meaning of each of the proposed proverbs.

The experiment of verification and clarification of proverbs presented for native English speakers allowed us to indicate the values of modern representatives of this linguistic and cultural community which are substantially formed by the current economic situation and the mentality of the nation, as well as to observe the positioning of the presented linguistic manifestations in terms of intensity in the consciousness of Americans.

In experimental research conducted in April 2021, 25 people participated - respondents who are native speakers of American English. The candidates were students of Mount Union College, Ohio (19-21 years old).

Let us analyze the results of the experiment (refer to the Table 1).

Table 1. Results of the Experiment

Proverb	Know (%)	Use in speech (%)	Agree/ not agree (%)
Money talks	100	44	100/0
Money begets money	40	0	40/60
The money paid the work delayed	48	0	60/40
Muck and money go together	88	0	52/48
Money to spare likes good care	32	0	40/60
Money doesn't make character	8	0	92/8
Money will buy everything but real happiness	100	28	98/0
A friend in the market is better than money in chest	4	0	8/92
Love does much but money does all	30	0	20/80
Money has no smell	4	0	20/80
A great fortune is a great slavery	48	0	32/68
Money likes to be counted	50	0	28/72
Money is the root of evil	100	48	100/0
A fool and his money are soon parted	36	0	72/28
Money in the purse will always be in fashion	32	0	48/52
Money is a good servant but a bad master	12	0	8/92
Money doesn't grow on trees	48	48	100/0
Money is the only monarch	12	4	8/92
He that marries money earns it	48	0	4/96
If money goes before, all ways lie open	52	4	28/72

As for the knowledge of the paroemias by native English speakers, we received the following results: 100% of the respondents know the following paroemias: *Money talks; Money will buy everything but real happiness, Money is the root of evil*. More than 50% know the following paroemias: *Muck and money go together; If money goes before, all ways lie open.* The rest of the paroemias are known to at least one respondent.

Note that the interpretation of the paroemias by the candidates coincides with the cognitive characteristics identified by us on the basis of lexicographic sources. There are some answers: *Money talks* (If you have money, people will listen to ideas; Money gets things done; Money is the driver of people' decisions); *Money will buy everything but real happiness* (Money will not buy happiness true; Money has short-term benefits never long lasting ones); *Money is the root of evil* (It's from the Bible but actual proverb is "The love of money is the root of all evil" that means if you love your money more than other important things you will do evil; Money can corrupt your mind); *Muck and money go together* (The ways of making money are not always fair; Money and corruption go together); *; If money goes before, all ways lie open* (Money opens doors; Money talks).

Let us examine in detail the degree of usage of the proposed paroemias in percentage terms. Only 6 proverbs from the proposed list are used by the respondents in speech.

60% of the respondents do not use any paroemias from the proposed list, 40% use 1-3 proverbs.

It is important to note that 60-96% of the candidates did not agree with the meaning of 60% of the paroemias, that indicates a

change in values in modern society. More than that, the interpretation of the meanings of some of the proverbs was incorrect, inconsistent with the dictionary definition.

Consider the paroemias that are not relevant for native speakers of the modern language.

Only 4-12% of the respondents heard of and know the proverbs *Money doesn't make character; A friend in the market is better than money in chest; Money is a good servant but a bad master; Money has no smell; Money is the only monarch.* Moreover, almost all the candidates found it difficult to explain the meaning of the paroemias *Money has no smell*, *A friend in the market is better than money in chest.* Ambiguity of the meaning interpretation was observed in the case of the paroemias *Money doesn't make character*: It reveals who you are when you no longer have to be nice*;* Money magnifies your personality. As for the interpretation of the remaining paroemias, we can conclude that they do not contradict the cognitive characteristics. Most respondents agree with the meaning of the proverbs *Money is a good servant but a bad master* (If it takes control of your life you are in trouble)*, Money is the only monarch* (Money rules).

32-50% of the candidates have knowledge of the proverbs *Money begets money; The money paid to the work delayed; Money to spare likes good care; Love does much but money does all; A great fortune is a great slavery; A fool and his money are soon parted; Money likes to be counted; Money in the purse will always be in fashion; Money doesn't grow on trees; He that marries for money earns it.* Most of the subjects correctly interpreted the meaning of the paroemias, however, the paroemia *Money likes to be counted* was interpreted incorrectly: Rich people are obsessed with their money; People with a lot of money always brag about how much they have.

The results indicate that the respondents are familiar to some extent with the presented paroemias and use less than 30% of them in their speech, thus not all proverbs are relevant to modern American society.

Conclusions

Integrated approach enables to reveal Enghlish speakers' attitude to the phenomenon:

1. For the verbal manifestation of the concept "Money", functioning in the minds of native English speakers, the paroemias contain the names of monetary units both used today and obsolete (dollar, pence, pound, farthing, shilling, crown). It should be noted that in the paroemias analyzed by us, of all monetary units, the most common unit was the penny (10 uses): penny, halfpenny, pence, twopence, sixpence. Moreover, in the expression a penny soul, the lexical unit penny acts as a definition. In the process of analyzing the material, it was noticed that penny is widely used in expressions typical for the colloquial-familiar style: A penny for your thoughts! (what are you thinking about?); The penny dropped (got it, understood). Also, there is the name of the monetary unit used in Russia copeck, which confirms the fact of borrowing the proverb from the Russian language with the preservation of the Russian culture-specific word.

2. In the English fund of proverbs and sayings, there are paroemias in which the lexical unit "money" is replaced by the following synonyms: wealth, gold, dough, heavy purse, fortune, profit, prosperity, dowry, gains, riches, windfall, silver hook, silver locket, silver piece, where each of them gives a proverb or saying a certain degree of emotivity in order to most fully reflect the meaning embedded in the paroemias, as well as to explicate the specifics of everyday phenomena, traditions and customs of the people. Also, in the English language in paroemias that nominate various properties of money, figurative similes are often used (like bottomless sea, like sea water, root of evil, a universal language).

3. While selecting the paroemias that characterize the concept "Money" we found

in the English language the presence of a large number of aphorisms that are based on expressions of folk wisdom. This fact indicates that paroemias are constantly reinterpreted and adapted in accordance with changes in value attitudes in society.

4. In many proverbs of the English language, there is a phenomenon of metaphorization. Money is endowed with functions that are specific to a person: money talks, answers, recommends, soothes, likes, buys, grows, breeds, ruins, kills, rules, so they do everything that a person is able to do. Money is also assigned professions and social status: queen, monarch, servant, master, depending on which money has certain powers. Money receives person-like attributes: penny-wise and pound-foolish. The expression "Kiss your money good-bye!" shows that money is perceived as something alive, for which we have feelings. These examples speak of giving money a huge power that can both destroy all living things or contribute to development and benefit.

5. Special attention is paid to conducting of the experimental study with the participation of modern native speakers which allows the author to draw conclusions about the relevance of the phenomenon under consideration as well as the specifics of its comprehension by modern native speakers.

6. The experimental research enables to reveal English speakers' attitude to the phenomenon and to identify possible "shifts" in the structure and content of the concept during its functioning in the consciousness of representatives of the linguistic culture and supplement the previously proposed model of the concept "Money" in the English language.

7. Thus, the experimental data confirm that there are the presented proverbs in the consciousness of modern native speakers, although it can be concluded that they are becoming less common and understandable for the new generation.

The paroemias that respondents use in speech (Money talks; Money will buy everything but real happiness, Money is the root of evil; Muck and money go together; If money goes before, all ways lie open) represent the paroemiological area of the interpretative field of the concept "Money" in the English language.

References

1. Paremiologiya bez granic: kollektivnaya monografiya [Paremiology without Boundaries: A Collective Monograph]. Moscow, RUDN Publ., 2020. 244 p. (In Russ.).

2. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitivnaya lingvistica [Coglitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad Publ., 2007. 314 p.

3. Parkhamovich T.V. 1000 russkih i 1000 angliiskih idiom: slovar' s poyasneniyami i primerapi [1000 Russian and 1000 English Idioms: Dictionary with Explanations and Examples]. Minsk: OOO "Popuri" Publ., 1966. 126 p.

4. Gleason N. Proverbs from around the world 1500 amusing, witty, and insightful proverbs from 21 lands and languages. New York: Carol Publishing group, 1992. 135 p.

5. Spears R. NTC's thematic dictionary of American Idioms. New York: TEC Publishing group, 1997. 419 p.

6. Kunin A.V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' [English-Russian phraseological dictionary]. Moscow, "Sov. Enciklopediya", 1967. Izd. 3-e, ispr. Kniga I. 738 p.

7. Kiss G. The associative Thesaurus of English. G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy. Edinburg: Univ. of Edinb., MRC Speech and communication Unit, 1972. 1539 p.

8. Collins COBUILD English Usage. London, Harper Collins Publishers Ltd., 1992. 808 p.

9. Paleeva E.V. Sposoby verbalizacii koncepta DEN'GI sredstvami anglijskogo i russkogo yazykov. Diss. kand. filol. nauk [Ways of Verbalization of the Concept MONEY by Means of the English and Russian Languages: Cand. philol. sci. abstract diss.]. Kursk, Kursk State University Publ., 2010. 159 p.

10. Chaplygina E.V. Integrirovannyj podhod k issledovaniyu struktury koncepta. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics,* 2021, no. 2, pp. 79–89. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46175998 (accessed 21.09.2021).

Information about the Authors / Информация об авторах

Elena V. Chaplygina, Cand. of Sci. (Philological), Head of the Translation and Intercultural Communication Department, Kursk State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: elenachaplygina85@mail.ru

Чаплыгина Елена Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой перевода и межкультурной коммуникации, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерации
e-mail: elenachaplygina85@mail.ru

Elena E. Yarenchuk, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor at the Department of Translation and Intercultural Communication, Kursk State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: elena_eduardovna@inbox.ru

Яренчук Елена Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерации
e-mail: elena_eduardovna@inbox.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81’42

Структурообразующий потенциал культурных моделей в художественном нарративе

Е. Ф. Косиченко[1] ✉

[1]Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, д. 38 стр. 1, г. Москва 119034, Российская Федерация

✉ e-mail: ekosichenko@gmail.com; kosichenko.e@linguanet.ru

Резюме

В статье описаны возможности применения активно развиваемой в рамках современной этнолингвистики (лингвистической антропологии) теории культурных моделей к анализу художественного нарратива. Отмечается, что теория культурных моделей стала относительно новым направлением в когнитивной лингвистике и, в целом, представляет собой взгляд на проблему связи языка, мышления и культуры с позиций когнитивной науки. В этой связи в статье дано краткое изложение теории культурных моделей, которые широко используются для изучения и описания познавательных процессов, культурной специфики восприятия и интерпретации человеком окружающей действительности, а также причин возникновения в культуре определенных поведенческих моделей. Главная роль в формировании, сохранении, передаче и репрезентации культурных моделей принадлежит языку.

В качестве исследовательского материала привлекается роман ирландской писательницы М. Бинчи «Самый лучший папа» (M. Binchy «Minding Frankie»), в котором репрезентируется целый ряд типичных для современных западных культур моделей, в том числе выбранные для анализа модели «сфера услуг – клиент», «старый уклад – новый уклад», «родители – дети» и «политкорректность». Отмечается, что данные модели укладываются в структуру более высокой степени абстракции – культурную схему «свой–чужой», которая основана на соответствующей базовой культурной оппозиции.

Целью статьи является показать, что, будучи способом организации культурных знаний, обязательных для усвоения всеми членами культуры, и составляя основу характерных для этой культуры поведенческих моделей, культурные модели являются важными структурообразующими элементами художественного нарратива, способствующими также реализации повествовательного мотива. В статье особо подчеркивается интерпретативный потенциал культурных моделей, привлечение которых в качестве структурообразующего элемента нарратива задает параметры понимания авторского текста.

Исследование выполнено с применением методов нарративного, лингвосемиотического, лингвостилистического и структурного анализа, позволяющих продемонстрировать текстообразующий потенциал культурных моделей, а также описать художественный нарратив как источник знаний о культуре и как область формирования значений. В общетеоретическом отношении проведенное исследование намечает новые подходы к анализу художественного нарратива.

Ключевые слова: *художественный нарратив; лингвистическая антропология; культурные модели; культурные схемы; поведенческие модели; когнитивные структуры; оппозиция «свой–чужой»; структурообразование; повествовательный мотив.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Косиченко Е. Ф. Структурообразующий потенциал культурных моделей в художественном нарративе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 122–130. .

Статья поступила в редакцию 26.01.2022 Статья подписана в печать 14.02.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Косиченко Е. Ф., 2022

Structural Potential of Cultural Models in Narratives

Elena F. Kosichenko[1] ✉

[1] Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka str., building 1, Moscow 119034, Russian Federation

✉ e-mail: ekosichenko@gmail.com

Abstract

The article views the anthropological theory of cultural models in terms of narrative analysis. The author points out that the theory in question is a relatively new field of cognitive research that focuses on the interconnection between language, mind and culture and stresses that cultural models are widely used to describe cognitive processes as well as cultural aspects of world perception and interpretation. The crucial role of language that serves to form, preserve, transmit and represent cultural knowledge is emphasized.

The analysis relies on the novel «Minding Frankie» by the famous Irish writer M. Binchy. The author argues that the narrative structure of the novel is based on a number of cultural models, typical of contemporary western cultures, and undertakes an analysis of the models «service – client», «parents – adolescents» u «political correctness» («male– female»). It is suggested that these models are elements of a more abstract structure – the cultural scheme «Self–Other» – that is traditionally regarded by philosophy, sociology and cultural sciences as a cultural opposition.

Ultimately, it is proved that, being a way of structuring cultural knowledge (compulsory for each member of a certain community) and providing the basis for behavioral patterns, cultural models are also important structural elements of a narrative with the main function being the reproduction of the narrative motif. The interpretative potential of cultural models is specifically stressed.

The analysis is done by means of lingua-semiotic, linguo-stylistic and structural methods that reveal the structural and interpretative potential of cultural models and serve to describe a narrative as a source of new meanings. All in all, the undertaken research shapes new ways of analyzing fictional texts.

***Keywords**: narrative; linguistic anthropology; cultural models; cultural schemes; behavioral models; cognitive structures; opposition «Self–Other»; text structure; narrative motif.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kosichenko E. F. Structural Potential of Cultural Models in Narratives. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 122–130 (In Russ.).

Received 26.01.2022 Accepted 14.02.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Рассматриваемый в данной статье тип повествования – художественный нарратив – является предметом изучения сформировавшейся в середине прошлого века в рамках французского структурализма области филологического исследования – нарратологии. Занимаясь прежде всего общими принципами построения повествовательных текстов, нарратология рассматривает разные сюжетные повествования, как, например, пьесы, кинофильмы, пантомимы, балет и другие формы словесного творчества или мимети-ческого искусства, в центре которых находится некоторое событие, и исключает из области исследования статичные описательные тексты [1]. В широком смысле нарратив понимают как событийный текст, как изложенную историю, как сообщение об истинном или вымышленном событии, как повествование, в котором обязательно есть действующие лица и сюжет, который развертывается во времени [2].

Несмотря на то, что и сюжеты, и персонажи художественных повествова-

ний являются в большей или меньшей степени вымышленными, они неизбежно имеют аналоги в реальном мире, по той очевидной причине, что писатели создают художественные миры с опорой на имеющиеся у них знания, которые они черпают из характерных для культуры моделей поведения, взаимодействия с внешним миром и его оценивания. Проводимые нами на протяжении длительного времени исследования англоязычной художественной прозы показывают, что важным средством организации художественного повествовательного текста и передачи его идейного содержания выступают, так называемые, культурные модели (cultural models), под которыми в широком смысле понимают модели поведения, возникающие из коллективного опыта, связанные с системой культурных ценностей и разделяемые большинством носителей культуры [3].

Теория культурных моделей берет свое начало в идеях В. фон Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сэпира, Р. Бенедикта, Дж. Уайтинга, Г. Бейтсона, а также К. Леви-Стросса, который еще в середине прошлого века особо подчеркивал роль бессознательных элементов в социальной жизни людей и обозначил возможности изучения мышления через повторяющиеся структуры, лежащие в основе культур [4]. Основателями данной теории стали американские антропологи Д. Холланд и Н. Куинн, развивавшие традиции американской лингвистической антропологии и провозгласившие наличие в культурах особых моделей, которые являются результатом социального договора, и с опорой на которые происходит упорядочивание действительности и ее интерпретация, а также формируются специфические модели поведения. В процессе социализации человек неизбежно усваивает культурные модели и черпает из них бóльшую часть своих знаний о характерных для культуры, к которой он принадлежит, ценностях, а также разного рода практические знания. Именно в результате усвоения в раннем возрасте культурных моделей человек, даже не имея личного опыта взаимодействия с ситуацией некоторого типа, заранее знает, чего от нее ожидать и как себя вести, например, как оформить заказ по телефону [5].

Будучи источником знаний человека о правилах взаимодействия с действительностью, культурные модели транслируют культурные ценности в форме иерархически структурированной системы, и усваиваются человеком, прежде всего в виде языковых значений. Язык фиксирует культурные модели и транслирует их посредством метафор, многозначных слов, хеджирования и т.д., являясь при этом способом выявления их содержания и установления характерных для данной культуры ценностей. Например, английская пословица «when there is a will there is a way» содержит идею о том, что человек сам делает свою жизнь и соответствует культурной ценности «self-made man».

В данной статье проводится анализ фрагментов книги Мейв Бинчи «Самый лучший папа» (Maeve Binchy «Minding Frankie») [6], доказывающий, что культурные модели не только воспроизводятся в художественных нарративах, но и участвуют в их структурно-смысловой организации.

Результаты и обсуждение

Культурные модели как структуры знания

Как отмечалось выше, теория культурных моделей была предложена Д. Холландом и Н. Куинном, которые особо подчеркивали их роль в трансляции культурных ценностей, интерпретации действительности и обеспечении взаимопонимания внутри одной культуры. В качестве примера данные авторы приводят такую важную для американской культуры ценность, как успех, которым измеряется степень признания человека американским обществом и который определяет жизненные цели американца и его са-

мооценку. Будучи динамическими структурами, культурные модели модифицируются по мере того, как меняются культурные ценности, поэтому в пределах одной культуры могут сосуществовать также противоречащие друг другу модели. Например, в середине прошлого века модель успешной американской женщины была связана с такой ценностью, как брак, тогда как современные тенденции способствуют закреплению культурных моделей, основанных на противоположных ценностях, вынуждая женщин думать прежде всего о карьере и необходимости заботиться о себе самостоятельно. Помимо того, что культурные модели разнообразны с содержательной точки зрения, они отличаются также в функциональном отношении и могут относиться как к целым социальным институтам (например, институту брака), так и задавать характер поведения людей в конкретных ситуациях (например, ухаживания или обман). Отражая социокультурные ценности, культурные модели включают также идеологический компонент, в связи с чем они часто привлекаются для сокрытия подлинных намерений, в частности в политике для манипуляции большими группами людей. Примечательно, что, несмотря на свою гибкость и идеологизированность, культурные модели не могут быть искусственно созданы и внедрены в культуру для целенаправленной реализации некоторой идеологии [5].

Другим лингвистом, чьи идеи представляют собой важный этап в области когнитивных исследований проблемы связи языка и культуры, является американский антрополог Брэд Шор. В одной из своих работ Б. Шор проводит сопоставительный анализ ряда культурных ценностей, характерных для американской культуры и культуры индейского народа Квакиутл, в частности на примере игры в бейсбол и такого неспешного занятия, как прогулки (walkabouts) [7]. Более того, данный ученый высказывает предположение о том, что культурные модели являются микроструктурами, которые складываются на основе образований более высокого уровня абстракции – культурных схем, и приводит пример модульности как принципа организации действительности в западных культурах, свидетельствующий о модульном характере мышления европейцев. Тот факт, что на Западе принцип модульности положен в основу практически любой деятельности, например, конструирования мебели, планирования торговых центров, организации школьных занятий, говорит, по мнению ученого, о гибкости менталитета, а также о таких ценностях, как самодостаточность, возможность выбора, конкурентность. При этом отмечается, что рациональное по своей природе модульное мышление порождает ограниченное число значений и противопоставлено тотемному мышлению, которое, будучи более ригидным, порождает большее число двойственных и часто противоречащих друг другу значений. Наиболее значимой идеей Б. Шора представляется идея о существовании в разных культурах общего набора оппозиций, которые по-разному преломляются в разных условиях, определяя специфику этнического мировосприятия и интерпретации действительности людьми. В этой связи основной задачей антрополога является не столько изучение культуры, сколько выявление культурных различий, основанных на системе оппозиций [7;8].

Разработанная американскими учеными теория культурных схем и культурных моделей способствовала возникновению теорий, которые используют данные термины, однако предлагают иной понимание их содержания. В этом отношении интерес представляет теория схем японского когнитивного лингвиста Хироко Нишида, который опирается на философские идеи И. Канта и Ж. Пиаже и понимает под схемами, скорее образ мышления человека, нежели его функциональную сторону, как это делает Б. Шор.

В частности, Х. Нишида рассматривает восемь типов схем социального взаимодействия, из которых люди черпают разного рода знания. Это такие схемы, как: «Fact– concept» (знание фактов и основных понятий, например, о том, что Вашингтон – это столица США); «Person schemas» (знания о разных типах людей); «Self schemas» (знания о себе); «Role schemas» (знания о социальных ролях); «Context schemas», «Procedure schemas» и «Strategy Schemas» (знания о правилах поведения в различных ситуациях, о конкретных шагах, которые необходимы для достижения определенной цели); «Emotion schemas» (знания о том, как следует адекватно оценивать ситуацию) [9].

В рамках данной статьи мы будем придерживаться функционального подхода к пониманию терминов «культурная модель» и «культурная схема» и покажем, что данные структуры знаний выступают также важным средством организации художественного нарратива, задавая рамки интерпретации текста.

Культурные модели как средства актуализации повествовательного мотива

В данном разделе будет проведен анализ текстовых фрагментов из романа ирландской писательницы Мейв Бинчи «Самый лучший папа» (Maeve Binchy «Minding Frankie»), позволяющий установить роль культурных моделей как структурообразующих элементов нарратива, задающих параметры понимания текста. Для решения поставленных задач привлекаются методы структурного, нарративного, лингвосемиотического и лингвостилистического анализа текста, раскрывающие разные аспекты рассматриваемых культурных моделей и выявляющие особенности их функционирования. В качестве объекта исследования предлагается культурная схема «свой – чужой», имеющая аналог в виде универсальной культурной оппозиции, которая часто используется в современной культурологии и социальной философии для выявления отличий между несколькими культурами. Поясним, что под «своими» могут пониматься не только социальные группы, с которыми некоторый индивид себя отожествляет и в которых он чувствует себя комфортно, но также и пространство, находящееся за определенной границей, в то время как под «чужими» понимают как социальные, так и пространственные условия, вызывающие чувства дискомфорта и отчуждения (подробнее о роли оппозиции «свой – чужой» в организации пространства [10]). Принципиальное отличие культурной схемы «свой – чужой» от соответствующей бинарной оппозиции заключается в том, что схема позволяет системно продемонстрировать, что все культуры обладают известной долей универсальности, т.е. располагают похожим набором культурных моделей, и отличия заключаются в структурных отношениях внутри системы, в то время как бинарная оппозиция «свой – чужой» имеет дело исключитель-но с противопоставлением ценностей и антиценностей.

Предлагаемая для анализа культурная схема «свой–чужой» является структурой высокого уровня абстракции и включает в себя потенциально бесконечное число культурных моделей, которые описывают конкретные социокультурные ситуации и предписывают членам культуры определенные правила поведения в них. Действие романа М. Бинчи «Самый лучший папа» разворачивается в современном Дублине, главным героем является молодой человек без определенных занятий, испытывающий пристрастие к алкоголю. Повествование содержит описания, в мельчайших деталях отражающие жизнь Дублина и его резидентов и позволяющие реконструировать характерные для ирландской культуры начала текущего столетия модели поведения и восприятия действительности.

Проанализированные в рамках данной статьи фрагменты текста описывают четыре типичные для современного мира ситуации: рабочий день владелицы сало-

на красоты, в течение которого имеют место две конфликтные ситуации, изменения в жизни европейского города и тревоги родителей за сына. Данные ситуации соотносимы с моделями «сфера услуг – клиент», «политкорректность» («мужское – женское»), «старый уклад – новый уклад», «родители – дети», основанными на культурной схеме «свой – чужой». В культурах содержание данных моделей обусловлено историческими социальными и этническими факторами, отражает и одновременно определяет специфику менталитета народа, а также особенности интерпретации носителями культуры окружающей действительности. В художественных повествованиях анализируемые культурные модели могут быть репрезентированы по-разному: либо с акцентом на универсальности, либо, напротив, с упором на этнической составляющей. В трех из рассматриваемых далее отрывков на первый план выводится идея о глобальных переменах в мире и об обезличивании городов и жизни горожан, в одном фрагменте общая для всех времен и культур модель «родители – дети» актуализируется с акцентом на этнической специфике отношений между разными поколениями людей.

Обратимся к отрывку, содержащему размышления хозяйки салона-парикмахерской, Кэти Фингалз, относительно прошедшего рабочего дня, в течение которого с ней произошли все возможные неприятности: клиентка забыла уведомить мастера о непереносимости одного из компонентов химического состава и испытала приступ аллергии; другая клиентка устроила истерику, т.к. была недовольна своим внешним видом; решившийся на окрашивание пряди волос мужчина впал в ярость, узнав в процессе работы о ее стоимости. Актуализируемая в данном отрывке культурная модель ««сфера услуг–клиент» представлена достаточно поверхностно, в связи с чем культурные отличия не проявляются:

Katie Finglas was coming to the end of a tiring day in the salon. Anything bad that could happen had happened. A woman had not told them about an allergy and had come out with lumps and a rash on her forehead. A bride's mother had thrown a tantrum and said that she looked like a laughing stock. A man who had wanted streaks of blond in his hair became apoplectic when, halfway through the process, he had inquired what they would cost [6, с. 3].

В следующей части данного эпизода репрезентируется еще одна культурная модель, характерная для многих европейских культур текущего столетия, связанная с отношениями между полами. Работник салона Гэри положил обе руки на плечи шестидесятилетней клиентки, которая расценила данный жест как сексуальное домогательство и пригрозила парикмахеру судом. За последнее столетие естественное противопоставление двух биологических полов сложилось в культурную модель «мужское vs женское» («политкорректность»), которая навязывает определенные поведенческие паттерны и правила интерпретации действительности и является весьма противоречивой, поскольку, уравнивая мужчин и женщин в правах (часто не учитывая их природных особенностей), резко противопоставляет их. Обострившиеся отношения между полами позволяют говорить о модели «мужское – женское» как об элементе культурной схемы «свой–чужой»:

Katie's husband, Garry, had placed both his hands innocently on the shoulders of a sixty-year-old female client, who had then told him that she was going to sue him for sexual harassment and assault [6, с. 3].

В следующем примере содержатся описания изменений, которые имели место в жизни жителей Дублина за последние тридцать лет, однако, как и в предыдущих случаях, они не маркированы культурно. Возникновение супермаркетов, прачечных нового типа, медицинских центров стало результатом глобаль-

ных изменений и затронуло жизнь каждого европейского города:

They had seen many changes in the area. The corner shop had become a minisupermarket, the old laundry where sheets had been ironed and folded was now a Laundromat where people left big bags bulky with mixed clothes and asked for laundry wash. There was now a proper medical practice with four doctors where once there had been just old Doctor Gillespie who had brought everyone into the world and seen them out of it [6, с. 5–6].

Последний из выбранных для анализа отрывков содержит описание беспокойств родителей относительно будущего их сына, который не имеет никаких жизненных целей. В разные исторические периоды для каждой культуры была и остается актуальной культурная модель «разрыв поколений», где «свое» и «чужое» репрезентируется ценностями, характерными для разных возрастных групп в рамках одной культуры. В современном мире данная модель заметно изменилась в связи с усилившимся противостоянием родителей и детей, где одни стремятся к постоянной опеке, а другие – к независимости. Культурная специфика приводимого далее отрывка заключается в том, что в нем эксплицируется желание родителей направить сына учиться на священнослужителя. В Ирландии католицизм исторически играет важную роль, и карьера священника является престижной, в связи с чем многие ирландцы с рождения ребенка откладывают деньги на его дальнейшее образование в этой области.

В тексте противостояние между родителями и сыном вербализуется при помощи следующих языковых средств: «надеялись, что он будет священником», «деньги на теологическое образование», «сказал, что это последнее, чем он мог бы заняться», «не говорил ничего определенного», «не работать в офисе, а управлять», «не проявлял интереса к изучению менеджмента или бухгалтерского дела», «говорит, что любит искусство, но не хочет писать картины», «на пороге его пятнадцатилетия они выяснили, что он перестал ходить в церковь».

They had always hoped Noel would be a priest. The fund to educate him for the priesthood was started before he was three. <…> and when the matter had been presented to Noel as a possibility when he was fourteen, he had said if it was the last job on earth, he wouldn't go for it. <…> Not so definite, however, was what he actually would like to do. Noel was vague about this, except to say he might like to run an office. Not work in an office, but run one. He showed no interest in studying office management or bookkeeping or accounting or in any areas where the careers department tried to direct him. He liked art, he said, but he didn't want to paint <…> Noel was quiet, certainly, and it was a great relief to the that he hadn't filled the house up with loud young lads thumping one another it <…> By the time he was fifteen they realized that he had stopped going to Sunday mass. Someone had seen him up by the canal when he was meant to have been to an early Mass up in the church on the corner [6, с. 7–8].

Проанализированные примеры показывают, что, будучи образованием высокой степени абстракции, культурная схема «свой–чужой» даже в рамках одного повествования объединяет в себе несколько различных поведенческих моделей, которые структурируют текст и задают рамки его интерпретации. Важно, что все культурные модели, включенные в данную схему присущи большому числу культур, и в трех случаях из четырех средства их языковой репрезентации не позволяют выявить этнокультурной специфики, несмотря на то что и парикмахерское искусство, и города, и социальные практики заметно отличаются в разных европейских странах. В последнем примере культурная специфика проявле-

на в тексте, хотя модель «родители – дети» является характерной для всех эпох.

Выводы

Суммируя изложенное, еще раз подчеркнем, что социокультурные знания хранятся в сознании носителей культуры не бессистемно, а в виде разнообразных когнитивных структур, и могут быть описаны при помощи различных моделей, которые усваиваются всеми членами сообщества, независимо от наличия у каждого конкретного человека собственного опыта взаимодействия с соответствующими ситуациями. Одним из способов структурирования, сохранения, передачи и описания знаний являются культурные модели, которые в свою очередь укладываются в модели более высокого уровня абстракции – культурные схемы, отражающие в максимально обобщенном виде мировоззрение некоторого этноса. Обращение к повествовательным художественным текстам показывает, что культурные модели являются также важными структурообразующими элементами художественного нарратива, системно представляющими культурные знания в тексте, способствующими реализации повествовательных мотивов и задающими рамки интерпретации текста.

Список литературы

1. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. (Studia philologica).

2. Маслов Е.С. Что такое нарратив? Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020.

3. СкоДис. Центр когнитивных исследований дискурса при МГЛУ. URL: http://scodis.ru/

4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: АСТ: Астрель, 2011. 541 с.

5. Holland D., Quinn N. Culture and Cognition // Cultural Models in Language and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 3– 40.

6. Binchy M. Minding Frankie. Knopf Doubleday Publishing Group. 2011.

7. Shore B. Culture in Mind: Cognition, Culture and the Problem of Meaning. Oxford: Oxford University Press, 1998.

8. Shore B. Globalization, the nation states and the question of ‘culture’. 2000. URL: https://semioticon.com/frontline/bradd_shore.htm

9. Nishida H. A Cognitive Approach to Intercultural Communication based on Schema Theory // International Journal of Intercultural Relations. 1999. Vol. 23. No. 5. Pp. 753–777.

10. Захаренко И. В. Архетипическая оппозиция «свой-чужой» в пространственном коде культуры // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / редкол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 15–31. ISBN 978-5-317-04486-2.

References

1. SHmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 p. (Studia philologica).

2. Maslov E.S. *Chto takoe narrativ?* [What is a narrative?]. Kazan', 2020.

3. *SkoDis. Centr kognitivnyh issledovanij diskursa pri MGLU* [The Center for Cognitive Discourse Research at MGLU]. Available at: http://scodis.ru/

4. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2011. 541 p.

5. Holland D., Quinn N. Culture and Cognition. *Cultural Models in Language and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, pp. 3–40.

6. Binchy M. Minding Frankie. Knopf Doubleday Publishing Group. 2011.

7. Shore B. Culture in Mind: Cognition, Culture and the Problem of Meaning. Oxford: Oxford University Press, 1998.

8. Shore B. Globalization, the nation states and the question of ‘culture’. 2000. Available at: https://semioticon.com/frontline/bradd_shore.htm.

9. Nishida H. A Cognitive Approach to Intercultural Communication based on Schema Theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 1999, vol. 23, no. 5, pp. 753–777.

10. Zaharenko I. V. [Archetypal opposition "friend-foe" in the spatial code of culture]. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya. Sb. statej* [Language, consciousness, communication. Collection of articles]; ed. by M.L. Kovshova, V.V. Krasnyh, A.I. Izotov, I.V. Zykova. Moscow, MAKS Press Publ., 2013, is. 46, pp. 15–31 (In Russ.) ISBN 978-5-317-04486-2.

Информация об авторе / Information about the Author

Косиченко Елена Федоровна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kosichenko.e@linguanet.ru

Elena F. Kosichenko, Dr. of Sci. (Philological), Head of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: kosichenko.e@linguanet.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 81’23

Исследование образа цветообозначения *серый* в сознании носителей русской культуры

Е. А. Таныгина[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: eabel@yandex.ru

Резюме

В работе представлены результаты эмпирического изучения образа цветообозначения (ЦО) ***серый*** *в сознании носителей современной русской культуры. Проведенное исследование базировалось на психолингвистической теории о слове А.А. Залевской, работах О.В. Сафуановой и Е.И. Горошко по изучению вербальных ассоциаций на цвета, теории культурного знания Ф. Шарифиана, а также на ряде работ, посвященных изучению фразеологизмов с компонентом* ***серый*** *в различных языках.*

Актуальность представленной работы обусловлена малой изученностью ЦО ***серый*** *по сравнению с большинством цветовых прилагательных.*

В работе использованы методы психолингвистического исследования (методика семантического дифференциала Ч. Осгуда и свободный ассоциативный эксперимент), собственно лингвистические методы (дефиниционный анализ) и методы статистической обработки полученных эмпирических данных (факторный анализ).

В представленной работе все полученные данные были проанализированы с различных сторон, в том числе с точки зрения гендерного сопоставления как с точки зрения синхронии, так и с точки зрения диахронии. Это позволило исследовать не только актуальный образ ЦО ***серый*** *в сознании представителей современной русской культуры, но и определить возможную трансформацию этого образа в сознании современников. Для проведения сопоставления в диахронном аспекте мы использовали данные Русского ассоциативного словаря (РАС), а также результаты двух проведенных нами с разницей в одиннадцать лет ассоциативных экспериментов. Показаны особенности индивидуального и культурного знания испытуемых об исследуемом ЦО.*

Предлагаемая в работе методика может успешно применяться для изучения образов различных концептов в языковом сознании носителей различных языков и культур. В статье делается вывод о динамичности образа ЦО ***серый*** *и показываются пути его трансформации.*

Ключевые слова: *цветообозначение; образ; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; семантический дифференциал; факторный анализ.*

Конфликт интересов*: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Таныгина Е. А. Исследование образа цветообозначения *серый* в сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 131-147.

Поступила в редакцию 15.01.2022 Принята к публикации 07.02.2022 Опубликована 11.04.2022

© Таныгина Е. А., 2022

The Study of the Image of Russian Color Term Grey in the Consciousness of Russian Culture Bearers

Elena A. Tanygina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: eabel@yandex.ru

Abstract

The paper presents the results of an empirical study of the image of color term gray in the minds of modern Russian culture bearers. The study was based on the psycholinguistic theory of the word created by A.A. Zalevskaya, works by O.V. Safuanova and E.I. Goroshko devoted to the study of verbal associations for colors, the theory of cultural knowledge of F. Sharifian, as well as on works devoted to the study of phraseological units with a gray component in various languages.

Nowadays there is a very low level of knowledge of the CO gray in comparison with most color adjectives. This is exactly what defines relevance.

The methods of psycholinguistic research (Ch. Osgood's method of semantic differential and free association experiment), linguistic methods proper (analysis of lexicographic sources and definitional analysis) and methods of statistical processing of the obtained empirical data (factor analysis) were used.

All the data obtained were analyzed from various angles, from the point of view of gender comparison of the data obtained, from the point of view of synchrony and diachrony. This made it possible to investigate not only the current image of the color term gray in the minds of the representatives of modern Russian culture, but also to determine the possible transformation of its image. To carry out a comparison in the diachronic aspect, we used the data of the Russian Associative Dictionary, as well as the results of two free association experiments conducted in 2009 and in 2020. The features of the individual and cultural knowledge of color term gray are shown.

The proposed methodology can be successfully applied to the study of the images of various concepts in the linguistic consciousness of speakers of different languages. The article concludes about the dynamism of the gray color term image and shows the ways of its transformation.

***Keywords**: colour term; inner image; linguistic consciousness; association experiment; semantic differential; factor analysis.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tanygina E. A. The Study of the Image of Russian Color Term Grey in the Consciousness of Russian Culture Bearers. *Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 131–147 (In Russ.).

Received 15.01.2022 Accepted 07.02.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Проблема изучения цвета с различных сторон является актуальной во многих науках [1, с. 11-43; 2]. Цвет изначально является физическим явлением, однако, как справедливо отмечает В.Г. Кульпина, «цвет разлит в природе, но в первую очередь он – принадлежность нашего сознания, в том числе этнического, этнолингвистического сознания, и он – часть мира наших эмоций» [3]. Соответственно изучение цвета дает возможность решения различных вопросов современных гуманитарных наук, в том числе лингвистики.

Проведенное исследование базировалось на психолингвистической теории о слове А. А. Залевской [4], работах О.В. Сафуановой [5] и Е.И. Горошко по изучению вербальных ассоциаций на цвета [6], теории культурного знания Ф. Шарифиана [7], а также на ряде работ, посвященных изучению фразеологизмов

с компонентом **серый** в различных языках [8].

Исследование ЦО *серый* проводилось совместно с исследованием остальных базовых ЦО русского языка. В ходе исследования было проведено два свободных ассоциативных эксперимента: АЭ1 в 2009, а АЭ2 в 2020 г., а также анализ с использованием семантического дифференциала для получения более полной картины образа исследуемых ЦО. Все описываемые эксперименты проводились на базе Юго-Западного государственного университета (ранее Курского государственного технического университета). Применяемая при проведении экспериментального исследования комплексная методика была успешно апробирована нами для исследования образов не только ЦО, но и иных понятий [9-12].

Гипотезой нашего исследование послужило предположение о наличии различий между культурным знанием о цвете, которым можно считать не только данные о физических параметрах цвета и об особенностях его восприятия, но и данные о значении ЦО, зафиксированные в толковых словарях современного русского языка, а также в индивидуальном знании о цвете отдельного испытуемого как отражение его субъективного опыта.

Результаты и обсуждение

Обратимся к результатам, полученным нами в ходе проведения эмпирического исследования с использованием свободного ассоциативного эксперимента, являющегося одним из основных методов исследования в психолингвистике [13-21]. Количество реакций в ходе эксперимента не ограничивалось, однако большинство респондентов дали только одну ассоциацию.

В ходе АЭ1 получено 98 реакций на стимульное слово *серый*. Это ЦО получило практически самое маленькое число ассоциаций (меньше только у ЦО *фиолетовый* [22]). 85 – это существительные, 9 – прилагательные, 3 – словосочетания и 2 наречия. Отказов не зафиксировано.

В ходе АЭ2 получено 181 реакция. 165 – существительные, 10 – прилагательные (в том числе одно на английском языке) и два словосочетания, по одному глаголу и местоимению, одна цепная ассоциация, 3 топонима и 3 имени собственных.

В табл. 1 представлены все полученные в ходе ассоциативных экспериментов реакции, распределенные по группам на основе классификации Е.И. Горошко [23] (табл. 1):

Таблица 1. Результаты АЭ

Table 1. Free association experiment results

АЭ1	АЭ2
Предметные ассоциации	
кот 4, асфальт 4, небо 2, туман 2, лед 2, арбуз, автомобиль, бетон, дом, дым, животные, земля, истребитель, камень, карандаш, кастрюля, кружева, машина, металл, небо, одежда, пальто, пепел, плащ, подъезд, пони, потолок. пыль, стенд, тучи, шарф	*асфальт 15, мышь 12, небо 4, туман 4, тучи 4, дом 3, камень 3, кот 3, стена 3 , карандаш 3, мир 3, автомобиль 2, лёд 2, мех 2, пепел 2, свитер 2, Сергей 2, телефон 2,тени для век 2, тьма 2, фон 2, шкаф 2, бетон, город, грифель, дверь, дым, земля, камень, кирпич, космос, костюм, круг, металл, Курск, лада 2110, металл, мозг, носок, Питер, портфель, Россия, свитер, Серёжа, слон, улица, фонарь, футболка, штаны, экран*
Пояснительные (описательные) ассоциации	
вещество в мозгу, цвет глаз	*цвет глаз, пасмурное небо,*

Окончание табл. 1

Table 1 (ending)

Эмоционально-оценочные ассоциации	
скучный 4, незаметный 2, мрачный, не нравится, обыденный, тусклый, скучно	*Невзрачный; Питер,дождь ,счастье; спокойный, мрачный, тусклый*
Метафорические ассоциации	
грусть 3, дождь 2, погода 2, будни, волнение, жизнь, злодей, нейтральность, осень, плохое настроение, спокойствие, ссора, толпа, тоска, угроза, уныние	*день 15, дождь 4, жизнь 3, кардинал 2, погода 2, боль, будни, гроза, грусть, могила, нейтралитет, обыденность, тишина, холод*
Реагирование другим цветонаименованием	
	черный 4, black, белый
Неоднозначные ассоциации	
волк 12, мышь 10, мышка 5, пасмурно, сыр, цвет	*волк 17, цвет 3, да, жив, класс, Я, друг, мышьяк*

В ходе рассмотрения полученных результатов мы убедились в том, что большинство ии. используют предметные ассоциации. Причем число подобных реакций выросло с 37% в 2009 году до 57 % в 2020. Процент эмоционально-оценочных ассоциаций уменьшился. Кроме того, отмечается неоднократное реагирование на ЦО ***серый*** другими цветонаименованиями, не отмеченное в АЭ1. Можно так же отметить появление среди реакций топонимов (*Курск, Питер, Россия*), а также имен собственных (*Сергей, Сережа*). В этом контексте обращает на себя внимание цепная ассоциация *Питер, дождь, счастье*, которая с одной стороны связывает образ ЦО ***серый*** с образом города Санкт-Петербурга, который традиционно считается достаточно серым ввиду климатических особенностей региона. В то же время респондент ассоциирует этот, казалось бы, мрачный образ с понятием счастья, что отражает его индивидуальный опыт.

Отдельно хотелось бы отметить достаточно большое количество метафорических ассоциаций, несмотря на то, что цвет является ахроматическим. Подобная ситуация отмечалась нами ранее у ЦО ***черный*** [24-25].

В ходе изучения толковых словарей современного русского языка [26-28] мы выделили у ЦО ***серый*** 5 ЛСВ (см. подробнее [6, с. 72-73]).

ЛСВ1 является по сути описанием традиционного представления о сером цвете, он представляется как цвет дыма и пепла. Нужно отметить, что подобные ассоциации были зафиксированы в наших экспериментах, однако их упоминание единично. В то же время среди современной молодежи наиболее типичными прототипическими референтами серого цвета являются асфальт, волк и мышь. При этом в ходе сравнения данных АЭ1 и АЭ2 обращает на себя внимание значительное увеличение количества реакций *асфальт*. Кроме того, ЛВС1 эксплицируется такими реакциями, как *кот, камень, бетон, карандаш, автомобиль, металл, лед, дом* по данным обоих экспериментов.

Реакций, отражающих ЛСВ2 и ЛСВ4, в экспериментах выявлено не было. ЛСВ3 репрезентируется реакциями *обыденный, тусклый, незаметный, невзрачный, обыденность, будни, нейтралитет, толпа*. Данные ЛСВ отображают метафорическое значение ЦО ***серый***.

ЛСВ5 как описание погоды эксплицируется реакциями *погода, туман, дождь, гроза, туман, пасмурное небо, пасмурно.*

В целом можно отметить большое количество реакций, связанных с эмоциональным воздействием серого цвета.

Большинство полученных реакций либо нейтральны (среди ответов присутствуют реакции *нейтралитет, невзрачный, незаметный, обыденный, нейтральность*), либо выражают отрицательное отношение респондентов (наиболее негативно окрашены реакции *мрачный* и *могила*). В индивидуальном сознании ии. ЦО ***серый*** ассоциируется с осенью, скукой, обыденностью и грустью.

Далее все полученные в ходе экспериментов реакции были проанализированы в гендерном аспекте с целью выявления гендерных особенностей образа ЦО ***серый*** в сознании представителей современной русской культуры (табл. 2), ведь как утверждает Е.И. Горошко «мир цвета у женщин разнится от мира цвета мужчин» [3]. Это подтверждается многочисленными исследованиями в области гендерного сопоставления [29-34]. Кроме того, при проведении данного сопоставления мы опирались также на данные русского ассоциативного словаря (РАС) [35].

Таблица 2. Гендерное сопоставление ассоциаций

Table 2. Gender comparison of the associations

РАС	АЭ1	АЭ2
Ии. мужского пола		
Волк 29, день 5, белый 2, заяц 2, кот 2, цвет 2, голубь, дверь, денек, дом, заготовка, имя, ишак, кличка, козлик, конь, кролик, металлик, невзрачный, ненависть, непроницаемый, парк, патруль, пес, Серов, снег, таз	*Волк 7, асфальт 4, кот 4, день 3 ,мышь 3, скучный 3, грусть 2, лед 2, небо 2, автомобиль, арбуз, бетон, будни, вещество в мозгу, волнение, дождь, животные жизнь,, земля, злодей, истребитель, камень, карандаш, кастрюля, кружева, машина, металл, мрачный, нейтральность, обыденный, одежда, осень, пасмурно, плащ, подъезд, погода, пони, потолок, пыль, скучно, спокойствие, стенд, сыр, толпа, тоска, туман, тучи, цвет глаз*	*день 11, волк 9, асфальт 6, мышь 5, жизнь 3, мир 3, небо 3, цвет 3, черный 3, автомобиль 2, дом 2, карандаш 2, кардинал 2, пепел 2, погода 2, Сергей 2, туман 2, black, белый, город, дверь, друг, жив, земля, камень, кирпич, класс, космос, кот, круг, курск, лёд, металл, могила мозг, мрачный, носок, невзрачный, нейтралитет, обыденность, пасмурное небо, Питер, портфель, Россия, свитер, Серёжа, стена, стены, телефон, тусклый металл волк, туча, тучи, улица, фонарь, футболка, штаны, экран, Я*
Ии. женского пола		
Волк 9, дом 3, день 2, кот 2, плащ 2, цвет 2, белый, глубина, город, дело, дождь, Древняя Русь, дым, зайчик, заяц, комочек, конь, костюм, мир, неинтересный, облака, Сережа, утенок	*Мышь 7, мышка 5, волк 5, грусть, дождь, дом, дым, небо, незаметный, пальто, плохое настроение, не нравится, пепел, погода, скучный, ссора, толпа, туман, тусклый, угроза, уныние, цвет, шарф,*	*асфальт 9, волк 7, мышь 7, день 4, дождь 4, камень 3, кот 2, мех 2, свитер 2, тени для век 2, туман 2, тучи 2, тьма 2, фон 2, шкаф 2, бетон, боль, будни, грифель, гроза, грусть, да, дом, дым, костюм, лёд, лада 2110, карандаш, мышьяк, небо; Питер,дождь,счастье; слон, спокойный, стена, телефон, тишина, холод, цвет глаз, чёрный*

С точки зрения физики серый цвет относится к ахроматическим, несмотря на то, что в его цветовой состав входит равное количество красного, синего и зеленого цветов. Традиционно серый находится между белым и черным полюсами цветового ряда. По данным РАС, среди ассоциаций как представителей мужского, так и представителей женского пола, одной из распространенных является реакция *белый*. В то же время данные последнего из проведенных нами экспериментов показывают появление ассоциации *черный* среди наиболее распространенных (реакция *белый* зафиксирована всего один раз). Это говорит о смещении положения ЦО ***серый*** в сторону полюса черного цвета.

Реакции, составляющие центр ассоциативного поля ЦО ***серый***, являются общими у ии. обоих полов. Однако ряд ассоциаций можно назвать типичными для образа серого цвета в сознании определенного пола (табл. 3).

Таблица 3. Гендерное распределение ответов

Table 3. Gender distribution of the answers

РАС	САЭ1	САЭ2
Мужские ассоциации		
голубь, дверь, денек заготовка, имя, ишак, кличка, козлик, кролик, металлик, невзрачный, ненависть, непроницаемый, парк, патруль, пес, Серов, снег, таз	*асфальт 4, кот 4, день 3, лед 2, автомобиль, арбуз, бетон, будни, вещество в мозгу, волнение, животные, жизнь, земля, злодей, истребитель, камень, карандаш, кастрюля, кружева, машина, металл, мрачный, нейтральность, обыденный, одежда, осень, пасмурно, плащ, погода, подъезд, пони, потолок, пыль, скучно, спокойствие, стенд, сыр, тоска, тучи, цвет глаз*	*жизнь 3, мир 3, цвет 3, автомобиль 2, кардинал 2, пепел 2, погода 2, Сергей 2, белый, город, дверь, друг, жив, земля, камень, кирпич, класс, космос, круг, Курск, металл, могила мозг, мрачный, носок, невзрачный, нейтралитет, обыденность, пасмурное небо, Питер, портфель, Россия, свитер, Серёжа, тусклый металл, улица, фонарь, футболка, штаны, экран, Я*
Женские ассоциации		
плащ 2, глубина, город, дело, дождь, Древняя Русь, дым, зайчик, комочек, костюм, мир, неинтересный, облака, Сережа, утенок	*мышка 5, незаметный 2, дом, дым, не нравится. пальто, плохое настроение, пепел, погода, ссора, тусклый, угроза, уныние, цвет, шарф*	*дождь 4, камень 3, мех 2, свитер 2, тени для век 2, тьма 2, фон 2, шкаф 2, бетон, боль, будни, грифель, гроза, грусть, да, дым, костюм, лада 2110, мышьяк; Питер, дождь ,счастье; спокойный, тишина, холод, цвет глаз, слон*
Общие ассоциации		
Волк 38 , день 7, дом 4, кот 4, цвет 4, белый 3, заяц 3, конь 2	*Волк 12, мышь 10, грусть 4,скучный 4, небо 3, дождь 2, толпа 2, туман 2*	*волк 17, асфальт 15, день 15, мышь 12, небо 4, туман 4, тучи 4,черный (black) 5, дом 3, кот 3, стена 3 , карандаш 3, лёд 2, телефон 2*

Первое, что обращает на себя внимание при анализе полученных данных, это увеличение количества частотных ассоциаций, характерных для восприятия ЦО различными гендерными группами. Мы видим, что по данным РАС практически все гендерно-различные ассоциации являются единичными. Исключение составляет всего одна реакция (*плащ*). Результаты АЭ1 показывают большую гендерную дифференциацию полученных реакций. Наибольший процент гендерно различных частотных ответов мы видим в АЭ2.

Кроме того, наблюдается увеличение числа ассоциаций, входящих в центр ассоциативного поля ЦО ***серый***. Так, в АЭ1 появляется не зарегистрированная в РАС реакция *мышь (мышка)*, а в АЭ2 добавляется реакция *асфальт*, которая сразу становится одной из ведущих. Данный факт может быть связан с увеличением количества построек и дорог в современных городах.

На втором этапе эмпирического исследования мы использовали семантический дифференциал (СД) (подробнее о данном методе см. [36-42]).

Предварительные результаты исследования с использованием СД показали, что ЦО ***серый*** около 75% респондентов определили как **пассивный**, **холодный, печальный и серьезный** (при этом доля подобных ответов у ии. женского пола несколько выше, от 78% до 81%, а доля максимальных оценок в целом около 30%); 60%-65% как **грустный, рациональный и статичный,** а 55% ии. как **мужественный**. Нейтральная оценка зафиксирована у таких шкал, как добрый – злой, предпочитаемый – отвергаемый, хороший – плохой.

На втором этапе исследования мы провели факторный анализ с применением программного пакета для статистического анализа и работы с массивами данных STATISTICA. Полученные результаты анализа ответов респондентов мужского пола представлены в табл. 4.

Таблица 4. Факторный анализ ответов ии. мужского пола

Table 4. Factor analysis of male answers

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4
активный – пассивный	**0,84**	-0,08	-0,22	-0,13
весёлый – грустный	**0,82**	-0,17	-0,13	0,03
воинственный – миролюбивый	0,14	**0,90**	-0,01	-0,20
динамичный – статичный	0,64	-0,02	-0,56	0,17
добрый – злой	**0,70**	-0,16	0,39	0,14
искренний – неискренний	0,40	0,13	-0,01	**0,77**
мужественный – женственный	0,07	**0,76**	-0,13	0,37
позитивный – негативный	**0,86**	0,10	0,06	0,04
предпочитаемый – отвергаемый	0,64	0,39	0,34	-0,09
прекрасный – безобразный	0,50	-0,08	0,12	**0,73**
приятный – неприятный	**0,74**	0,20	0,28	0,16
радостный – печальный	**0,90**	0,06	0,08	0,01
расслабленный – напряженный	**0,76**	0,10	0,08	0,34
сильный – слабый	0,05	**0,84**	0,17	0,08
смешной – серьезный	**0,80**	0,08	-0,25	0,02
тёплый – холодный	**0,81**	-0,13	-0,29	-0,08
успокаивающий – возбуждающий	0,47	0,06	0,38	0,27
формальный – неформальный	0,12	0,38	0,59	0,23
хороший – плохой	0,47	0,16	0,05	0,65
эмоциональный – рациональный	0,56	0,20	-0,64	0,12

Приведенная выше матрица нагрузок по шкалам позволила выделить в ответах юношей три основных фактора: оценка (Ф1), сила (Ф2) и Ф3, который был нами условно назван «негативное отношение», так как в него вошли характеристики *безобразный* и *неискренний*. Шкалы, входящие в каждый фактор, выделены в таблице жирным шрифтом.

При построении гистограммы на основе распределения ответов по Ф1 (рис. 1) мы видим нормальное распределение, среднее значение которого «-1», а мода 0, что свидетельствует о слабо отрицательной оценке ЦО ***серый*** ии. мужского пола.

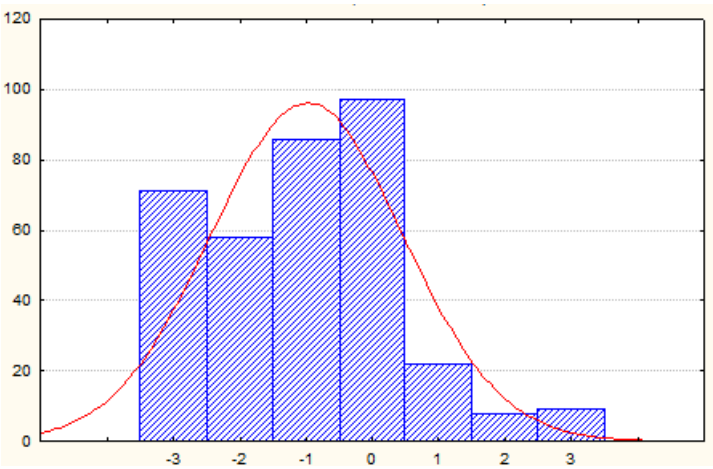


Рис. 1. Распределение ответов по фактору «оценка» (ии. мужского пола)

Fig. 1. Evaluation factor (male answers)

Рис. 2 представляет распределение ответов по Ф2.

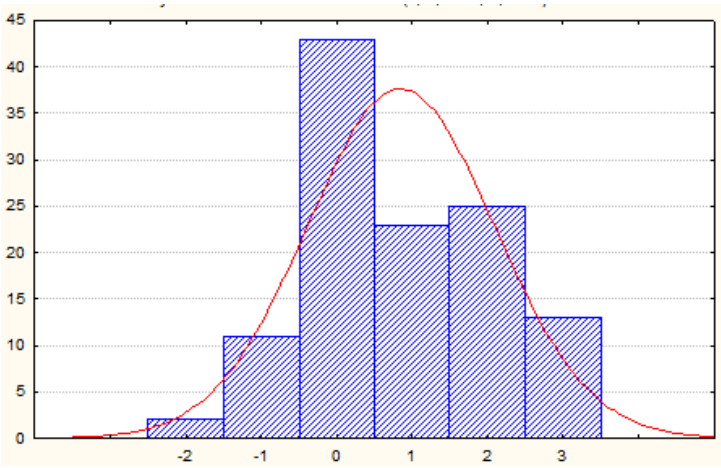


Рис. 2. Распределение ответов по фактору «сила» (ии. мужского пола)

Fig. 2. Potency factor (male answers)

На рис. 2 представлено распределение ответов, близкое к нормальному, среднее значение которого 0,83, а мода 0. То есть ЦО ***серый*** оценивается как сильный. При этом включение в Ф2 шкалы воинственный-миролюбивый с оцениваем в сторону полюса миролюбивый позволяет предположить о слабо негативной оценке представителями современной русской культуры понятия силы, которая ассоциируется в их сознании с агрессией и принуждением.

Рассмотрим далее матрицу нагрузок по факторам, составленную в ходе статистического анализа ответов ии. жесткого пола (табл. 5)

Таблица 5. Факторный анализ ответов ии. женского пола

Table 5. Factor analysis of female answers

Шкала	Ф 1	Ф2	Ф3	Ф4
активный – пассивный	0,36	0,54	-0,34	0,17
весёлый – грустный	**0,79**	0,07	-0,19	-0,27
воинственный – миролюбивый	-0,05	**0,79**	0,12	-0,21
динамичный – статичный	0,23	0,67	0,13	0,12
добрый – злой	**0,81**	-0,22	0,23	0,22
искренний – неискренний	0,65	-0,35	0,10	0,48
мужественный – женственный	-0,76	0,38	-0,27	0,23
позитивный – негативный	**0,85**	0,11	-0,03	-0,04
предпочитаемый – отвергаемый	0,75	-0,02	0,20	0,23
прекрасный – безобразный	0,70	0,32	-0,01	0,09
приятный – неприятный	**0,78**	0,31	0,10	-0,08
радостный – печальный	**0,82**	-0,04	-0,32	-0,17
расслабленный – напряженный	0,63	0,05	-0,18	0,56
сильный – слабый	0,02	**0,83**	0,13	-0,04
смешной – серьезный	0,67	-0,16	-0,15	-0,48
тёплый – холодный	0,73	-0,01	-0,05	0,16
успокаивающий – возбуждающий	0,39	0,14	0,70	0,12
формальный – неформальный	0,02	0,24	0,65	-0,07
хороший – плохой	0,58	0,54	0,33	0,21
эмоциональный – рациональный	0,73	0,20	0,24	-0,20

В данном случае представляется возможным выделение двух классических факторов [43]: оценка (Ф1) и сила (Ф2). Гистограммы распределения ответов по выделенным факторам представлены на рис. 3 и 4.

Рис. 3 наглядно показывает, что отношение к ЦО ***серый*** у девушек так же, как и у молодых людей скорее негативное.

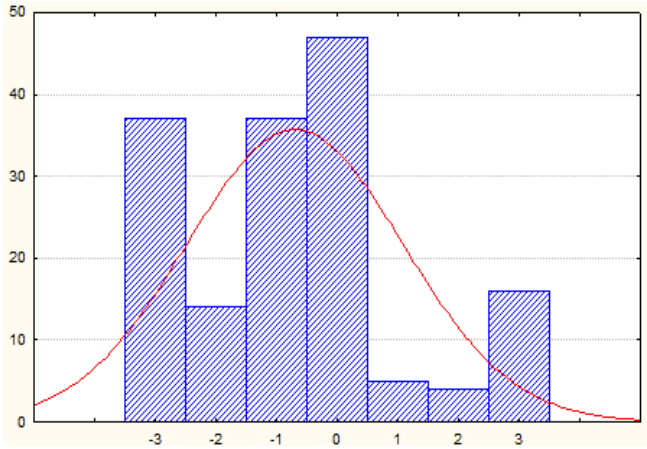


Рис. 3. Распределение ответов по фактору «оценка» (ии. женского пола)

Fig. 3. Evaluation factor (female answers)

Распределение ответов по Ф2 (рис. 4) можно назвать неоднозначным. С одной стороны, это нормальное распределение со средним значением 0,34 и модой 0, то есть в целом цвет характеризуется как скорее сильный. С другой стороны, часть респондентов определяет этот цвет как однозначно сильный.

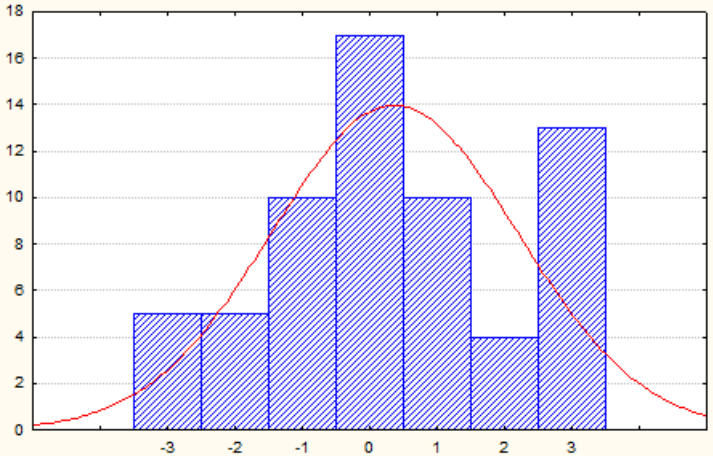


Рис. 4. Распределение ответов по фактору «сила» (ии. женского пола)

Fig. 4. Potency factor (female answers)

Результаты СД и ФА показывают выделение небольшого числа факторов в семантическом пространстве ЦО ***серый*** (это количество минимально по сравнению с другими ЦО) и практически идентичным распределением шкал у ии. обоих полов. Образ исследуемого ЦО в целом характеризуется как слабо отрицательный.

Выводы

Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что образ ЦО ***серый*** в сознании представителей современной русской культуры можно описать как нейтрально-негативный. Это подтверждается как результатами ассоциативных экспериментов (большинство реакций либо несут нейтральную стилистическую окраску, обозначая преимущественно предметы окружающего мира, имеющие серую окраску, либо негативную, выражая связь серого цвета со скукой и обыденностью), так и данными, полученными в ходе проведения факторного анализа данных семантического дифференциала.

Среди полученных в наших экспериментах реакций можно выделить следующие наиболее типичные семантические группы: «животные» (*волк, мышь, кот*), «природные и погодные явления» (*дождь, небо, лед, тучи, погода*), «материалы» (*камень, бетон, кирпич, асфальт*), «грусть» (*тоска, грусть, уныние, печальный, скучный*), «обыденность» (*нейтральность, незаметный*).

При проведении диахронного сопоставления результатов наших экспериментов и данных РАС мы заметили постепенное расширение количества ассоциаций, составляющих ядро ассоциативного поля стимульного объекта ***серый*** с двух до четырех ассоциаций. Кроме ассоциаций *волк* и *день* в число наиболее распространенных вошли ассоциации *асфальт* и *мышь*. При этом ассоциация *асфальт* с типично мужской по данным АЭ1 стала общей, сравнившись по количеству упоминаний в АЭ2 с реакцией *день*. Подобная ситуация подтверждает динамичность образов слов в языковом сознании индивида.

Обращает на себя внимание гендерное отличие ассоциативного поля описы-

ваемого стимульного слова. Часть повторяющихся ассоциаций свойственна только для представителей одного из полов и число таких реакций постепенно увеличивается.

Кроме того, среди реакций на данное ЦО присутствует довольно большое количество метафорических ассоциаций, связанных с эмоциональным воздействием серого цвета.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы для проведения различных лингвистических и психологических исследований, а также для исследований в области рекламы и маркетинга.

Список литературы

1. Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя языка: дис. … канд. филол. наук. Курск, 2012. С.11-43.

2. Gibson E., Futrell R. Color naming across languages reflects color use // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2017. Vol. 114, Issue 40, 3. Pp. 10785-10790. doi: 10.1073/pnas.1619666114.

3. Кульпина В.Г. Программа спецкурса «Актуальные проблемы лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания» // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 79.

4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.

5. Сафуанова О.В. Формы репрезентации цвета в субъективном опыте: дис. … канд. психол. наук. М., 1994.

6. Горошко Е.И. Изучение вербальных ассоциаций на цвета // Языковое сознание и образ мира: сборник статей / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН, 2000. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-9.html (дата обращения 09.01.2022).

7. Sharifian F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language / In R.M. Frank, R.Dirven, T.Ziemke, & E.Bernandez (eds.) Body, Language, and Mind (Vol. 2): Sociocultural Situatedness. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 109–136.

8. Виниченко Л. Г. Исследование семантики цветообозначения "Grau/серый" в немецком и русском языках // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 81-91. DOI 10.18522/2070-1403-2020-81-4-81-91.

9. Таныгина Е.А. Внутренний образ цветообозначения красный в сознании носителя русской культуры // Вопросы психолингвистики, 2011. № 1 (13). С. 166 – 173.

10. Таныгина Е. А. Образ цветообозначения желтый в сознании носителей русской культуры (экспериментальное исследование) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 3. С. 99–113.

11. Таныгина Е. А., Никитенкова Т. С. Образ университета, стоящий за словами образование, ВУЗ, университет в сознании современных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2020. № 4 (67). С. 87-97.

12. Таныгина Е. А., Нефедов Н. Г., Рубцов Н. Ю. Образ современной школы в сознании русскоязычных студентов // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. статей VIII Междун. научно-практ. конф. Курск, 2020. С. 412-416.

13. Zagidulina A. F., Gilazetdinova G. K., Islamova E. A. Associative fields of lexemes "Homeland" and "Vatan" in Russian and Tatar linguistic consciousness // Journal of Language and Literature. 2016. Vol. 7. No 2. P. 289-292. DOI 10.7813/jll.2016/7-2/55.

14. Анненкова А.В. Особенности восприятия образной составляющей имиджевой рекламы (некоторые результаты ассоциативного эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. №3(24). С. 58-66.

15. Болотнова Н. С. Ассоциативное поле поэтического текста как отражение когнитивной деятельности читателя // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 2(199). С. 41-48. DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-41-48.

16. Касаткина Т.Ю. Анализ структуры ассоциативного поля цвета (на материале удмуртского и русского языков) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2016. №8. С. 62-69.

17. Степыкин Н.И. Ассоциативное поле: продукт ассоциативного эксперимента и инструмент анализа значения слова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. № 3 (20). С.110-114.

18. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. №11. С.6-9.

19. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1. С. 265-275.

20. Павлова А.В. Образ просьбы в сознании носителей языков // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч.ст. VII международной науч.-практ. конф. Курск, 2018. С. 252-257.

21. Попадинец Р.В. Нравственные и ценностные идеалы представителей современного поколения (опыт психолингвистического эксперимента) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 4(17). С. 59-64.

22. Таныгина Е.А. Внутренний образ цветообозначения фиолетовый в сознании носителя русской культуры // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2011. № 4. Вып. 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. С. 218 – 226.

23. Таныгина Е.А. Особенности восприятия цветообозначений русского языка (на основе результатов ассоциативного эксперимента) // Концепт и культура: сборник научных статей (4-ая международная научная конференция) (Кемерово, 7–8 октября 2010 г.). Кемерово: ИНТ, 2010. С. 543 – 548.

24. Таныгина Е.А. Проблема соотношения знания и наименования (на примере цветообозначения черный) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 2 (40). С. 154 – 159.

25. Tanygina E. The Inner Image of Russian Color Term чернЫй (Black) (Experimental Study) // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH 2019). 2019. Vol. 69 (2019). URL: https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/

26. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. А – Л. М.: АСТ: Астрель, 2006. 1168 с.

27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений. М.: ИТИ Технологии, 2007. 944 с.

28. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения 11.05.2021).

29. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAH 2019), 2019, Vol. 69 (2019). URL: https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004 (дата обращения: 19.12.2021)

30. Егорова В. И. Гендерные особенности виртуальной коммуникации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 4 (21). С. 99-106.

31. Горлачева В.В. Гендерные особенности цветообозначений в современном русскоязычном рекламном дискурсе // Вісник запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. №1. С. 22-28.

32. Гришкова В.И. Специфика речевого поведения мужчин и женщин в лингвистических исследованиях // Язык для специальных целей. Система. Функции. Среда: сборник научных статей. Курск, 2004. С. 36-38.

33. Кузнецова О.А., Челидзе А.Д., Демчук Д.С. Гендерные особенности восприятия цвета в рекламе // Евразийский союз ученых. 2015. №5 (14). С.121-123.

34. Хабибулина Э.А. Влияние гендерных стереотипов на функционирование цветообозначений в области моды // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №28 (243). С.116-120.

35. Русский ассоциативный словарь. URL: http://tesaurus.ru/dict/ (дата обращения 21.12.2021).

36. Kim MK , Muller HM , Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic differential // LINGUA. 2021. Vol. 252. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.103012

37. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish // Word. 1994. Т. 45, №. 3. С. 317–327.

38. Голубева Е.В. Изучение концепта «деньги» методом семантического дифференциала // Языковая личность. Речевые жанры. Текст: сборник научных трудов М., 2008. URL: http://golubevaelenav.narod.ru/science_L/gol_15.htm. (дата обращения 01.12.2021).

39. Анненкова А.В. Вербальные и визуальные коды социальной рекламы: опыт экспериментального исследования // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С.1 17-122. URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-017.pdf (дата обращения 01.02.2021).

40. Резанова З. И. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104-124. DOI 10.17223/19986645/50/7.

41. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика трудовой мотивации в управлении персоналом // Мир авионики, 2006. №4. С. 34-40.

42. Таныгина Е.А. Исследование внутреннего образа слов-цветообозначений русского языка с использованием методики семантического дифференциала // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение, 2011. № 1(2). С. 35–41.

43. Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957. 346 p.

References

1. Tanygina E.A. *Obraz cveta v soznanii nositelya yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [The image of color in the mind of a native speaker. Cand. philol. sci. diss.]. Kursk, KGU Publ., 2012, pp. 11-43.

2. Gibson, E., Futrell, R. Color naming across languages reflects color use. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2017, vol. 114, is. 40, no. 3, pp. 10785-10790. DOI: 10.1073/pnas.1619666114.

3. Kul'pina V.G. Programma speckursa «Aktual'nye problemy lingvistiki cveta kak nauchnogo napravleniya sopostavitel'nogo yazykoznaniya» [The program of the special course "Actual problems of linguistics of color as a scientific direction of comparative linguistics]. *Vestnik*

MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Bulletin of Moscow State University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication, 2008, no. 2, pp. 79.

4. Zalevskaya A.A. *Psiholingvisticheskie issledovaniya: Slovo. Tekst: Izbrannye Trudy* [Psycholinguistic research: The Word. Text: Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 2005.

5. Safuanova O.V. *Formy reprezentacii cveta v sub"ektivnom opyte*. Diss. kand. psihol. nauk [Forms of color representation in subjective experience. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1994.

6. Goroshko E.I. *Izuchenie verbal'nyh associacij na cveta* [The study of verbal associations on colors]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira. Sbornik statej* [Linguistic consciousness and the image of the world. Collection of articles]; ed by N.V. Ufimceva. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2000. (In Russ.). Available at: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_ 204/4-9.html (accessed 09.01.2022).

7. Sharifian F. Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language. In R.M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, & E. Bernandez (eds.) Body, Language, and Mind (Vol. 2): Sociocultural Situatedness. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2008, pp. 109–136.

8. Vinichenko L. G. Issledovanie semantiki cvetooboznacheniya "Grau/seryj" v nemeckom i russkom yazykah [Research of semantics of color designation "Grau/gray" in German and Russian languages]. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Sciences*, 2020, no. 4, pp. 81-91. DOI 10.18522/2070-1403-2020-81-4-81-91.

9. Tanygina E.A. Vnutrennij obraz cvetooboznacheniya krasnyj v soznanii nositelya russkoj kul'tury [The inner image of the color designation red in the consciousness of the bearer of Russian culture]. *Voprosy psiholingvistiki = Questions of psycholinguistics*, 2011, no. 1 (13), pp. 166–173.

10. Tanygina E. A. Obraz cvetooboznacheniya zheltyj v soznanii nositelej russkoj kul'tury (eksperimental'noe issledovanie) [The image of the color designation yellow in the minds of the bearers of Russian culture (experimental study)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 99–113.

11. Tanygina E. A., Nikitenkova T. S. Obraz universiteta, stoyashchij za slovami obrazovanie, VUZ, universitet v soznanii sovremennyh studentov [The image of the university behind the words education, university, university in the minds of modern students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya» = Bulletin of Tver State University. Ser. "Philology"*, 2020, no. 4 (67), pp. 87–97.

12. Tanygina E. A., Nefedov N. G., Rubcov N. Yu. [The image of a modern school in the minds of Russian-speaking students]. *Yazyk dlya special'nyh celej: sistema, funkcii, sreda. Sb. nauch. statej VIII Mezhdun. nauchno-prakt. konf.* [Language for special purposes: system, functions, environment: collection of scientific. articles of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Kursk, 2020, pp. 412–416 (In Russ.).

13. Zagidulina A. F., Gilazetdinova G. K., Islamova E. A. Associative fields of lexemes "Homeland" and "Vatan" in Russian and Tatar linguistic consciousness. *Journal of Language and Literature*, 2016, vol. 7, no 2, pp. 289-292. DOI 10.7813/jll.2016/7-2/55.

14. Annenkova A.V. Osobennosti vospriyatiya obraznoj sostavlyayushchej imidzhevoj reklamy (nekotorye rezul'taty associativnogo eksperimenta) [Features of perception of the image component of image advertising (some results of the associative experiment)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics,* 2017, no. 3(24), pp. 58–66.

15. Bolotnova N. S. Associativnoe pole poeticheskogo teksta kak otrazhenie kognitivnoj deyatel'nosti chitatelya [The associative field of a poetic text as a reflection of the reader's cognitive activity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of*

Tomsk State Pedagogical University, 2019, no. 2(199), pp. 41-48. DOI 10.23951/1609-624X-2019-2-41-48.

16. Kasatkina T. Yu. Analiz struktury associativnogo polya cveta (na materiale udmurtskogo i russkogo yazykov) [Analysis of the structure of the associative field of color (based on the material of the Udmurt and Russian languages)]. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve = Multilingualism in the Educational Space*, 2016, no. 8, pp. 62-69.

17. Stepykin N.I. Associativnoe pole: produkt associativnogo eksperimenta i instrument analiza znacheniya slova [Associative field: a product of an associative experiment and a tool for analyzing the meaning of a word]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2016, no. 3 (20), pp. 110-114.

18. Arhipova S.V. Associativnyj eksperiment v psiholingvistike [Associative experiment in psycholinguistics]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University*, 2011, no. 11, pp. 6-9.

19. Borisova Yu.A. Associativnyj eksperiment v sovremennyh psiholingvisticheskih issledovaniyah [Associative experiment in modern psycholinguistic research]. *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 265-275.

20. Pavlova A.V. [The image of a request in the minds of native speakers]. *Yazyk dlya special'-nyh celej: sistema, funkcii, sreda. Sb. nauch.st. VII mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf.* [Language for special purposes: system, functions, environment. Collection of scientific articles of the VII International Scientific and Practical Conference]. Kursk, 2018, pp. 252-257 (In Russ.).

21. Popadinec R.V. Nravstvennye i cennostnye idealy predstavitelej sovremennogo pokoleniya (opyt psiholingvisticheskogo eksperimenta) [Moral and value ideals of representatives of the modern generation (experience of psycholinguistic experiment)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2015, no. 4(17), pp. 59-64.

22. Tanygina E.A. Vnutrennij obraz cvetooboznacheniya fioletovyj v soznanii nositelya russkoj kul'tury [The inner image of the color designation purple in the consciousness of the bearer of Russian culture]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya», 2011, no. 4, is. 2 = Bulletin of Tver State University. Ser. "Philology". 2011. No. 4. Issue 2 "Linguistics and intercultural communication*, 2011, pp. 218–226.

23. Tanygina E.A. [Features of perception of color meanings of the Russian language (based on the results of an associative experiment)]. *Koncept i kul'tura: sbornik nauchnyh statej (4-aya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya)* [Concept and culture: collection of scientific articles]. Kemerovo, INT Publ., 2010, pp. 543–548 (In Russ.).

24. Tanygina E.A. Problema sootnosheniya znaniya i naimenovaniya (na primere cvetooboznacheniya chernyj) [The problem of the correlation of knowledge and naming (on the example of the color designation black)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i social'nye nauki» = Scientific notes of the Orel State University. Series "Humanities and Social Sciences"*, 2011, no. 2 (40), pp. 154 – 159.

25. Tanygina E. The Inner Image of Russian Color Term chern'Ij (Black) (Experimental Study). *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH 2019)*, 2019, vol. 69. Available at: https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900117/

26. Efremova T.F. *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1. A – L. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2006. 1168 p.

27. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 tysyach slov i frazeologicheskih vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 thousand words and phraseological expressions]. Moscow, ITI Tekhnologii Publ., 2007. 944 p.

28. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]; gl. red. S. A. Kuznecov. St. Petersburg: No-rint, 1998. 1536 c. Available at: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (accessed 11.05.2021).

29. Annenkova A.V. Some Results of Psycholinguistic Research of Polycode Advertising Texts: Gender Factor Influence. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH 2019)*, 2019, vol. 69. Available at: https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900004 (accessed 19.12.2021)

30. Egorova V. I. Gendernye osobennosti virtual'noj kommunikacii [Gender features of virtual communication]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University,* 2016, no. 4 (21), pp. 99-106.

31. Gorlacheva V.V. Gendernye osobennosti cvetooboznachenij v sovremennom russkoyazychnom reklamnom diskurse [Gender features of color designations in the modern Russian-language advertising discourse]. *Bisnik zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki = Bulletin of Zaporozhye National University. Philological Sciences*, 2009, no. 1, pp. 22-28.

32. Grishkova V.I. [The specifics of the speech behavior of men and women in linguistic research]. *Yazyk dlya special'nyh celej. Sistema. Funkcii. Sreda*. Sbornik nauchnyh statej [A language for special purposes. System. Functions. Wednesday. Collection of scientific articles]. Kursk, 2004, pp. 36-38 (In Russ.).

33. Kuznecova O.A., Chelidze A.D., Demchuk D.S. Gendernye osobennosti vospriyatiya cveta v reklame [Gender features of color perception in advertising]. *Evrazijskij soyuz uchenyh = Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 5 (14), pp. 121-123.

34. Habibulina E.A. Vliyanie gendernyh stereotipov na funkcionirovanie cvetooboznachenij v oblasti mody [The influence of gender stereotypes on the functioning of color designations in the field of fashion]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 28 (243), pp. 116-120.

35. *Russkij associativnyj slovar'* [Russian associative dictionary]. Available at: http://tesaurus.ru/dict/ (accessed 21.12.2021).

36. Kim M.K., Muller H.M., Weiss S. What you "mean" is not what I "mean": Categorization of verbs by Germans and Koreans using the semantic differential. *LINGUA*, 2021, Vol. 252. DOI: 10.1016/j.lingua.2020.103012

37. Konishi T. The connotations of gender: A semantic differential study of German and Spanish. *Word*, 1994, vol. 45, no. 3, pp. 317–327.

38. Golubeva E.V. [The study of the concept of "money" by the method of semantic differential]. *Yazykovaya lichnost'. Rechevye zhanry. Tekst. Sbornik nauchnyh trudov* [Collection of scientific papers "Linguistic personality. Speech genres"]. Moscow, 2008. (In Russ.). Available at: http://golubevaelenav.narod.ru/ science_L/gol_15.htm. (accessed 01.12.2021).

39. Annenkova A.V. Verbal'nye i vizual'nye kody social'noj reklamy: opyt eksperimental'nogo issledovaniya [Verbal and visual codes of social advertising: experimental research experience]. *Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University*, 2014, no. 2 (30), pp. 117-122. Available at: http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-017.pdf (accessed 01.02.2021).

40. Rezanova Z. I. Vliyanie grammaticheskogo roda na konceptualizaciyu ob"ektov (eksperimental'noe issledovanie) [The influence of grammatical gender on the conceptualization of

objects (experimental study)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2017, no. 50, pp. 104-124. DOI 10.17223/19986645/50/7.

41. Solomin I.L. Psihosemanticheskaya diagnostika trudovoj motivacii v upravlenii personalom [Psychosemantic diagnostics of labor motivation in personnel management]. *Mir avioniki = The World of Avionics*, 2006, no. 4, pp. 34-40.

42. Tanygina E.A. Issledovanie vnutrennego obraza slovcvetooboznachenij russkogo yazyka s ispol'zovaniem metodiki semanticheskogo differenciala [The study of the internal image of the words-color meanings of the Russian language using the methodology of semantic differential]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie = Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities. Philology and Art history*, 2011, no. 1 (2), pp. 35–41.

43. Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957. 346 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Таныгина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: eabel@yandex.ru
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Elena A. Tanygina, Cand. of Sci. (Philological), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: eabel@yandex.ru
Researcher ID: 0000-0002-5488-4185

Оригинальная статья / Original article

УДК 130.2 + 81-13

Виртуальная реальность как коммуникативное пространство в процессе дистанционного обучения иностранным языкам

О.А. Андреева [1] ✉, Н.В. Рейнгардт[1]

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olafranc@yandex.ru

Резюме

В статье исследуется понятие виртуальности от Античности до современности в связи с осуществлением образовательной деятельности, направленной на освоение иностранного языка в дистанционном формате. Актуальность обусловлена необходимостью рассмотрения сути и характера совместной деятельности обучаемого и обучающего в свете основных подходов в современном научном знании. Целью является определение в ходе анализа исследований ученых предыдущих столетий и современности необходимых условий для создания виртуального коммуникативного пространства, обеспечивающих быстрое и качественное овладение иностранным языком, с одной стороны, и адаптацию в связи с различиями родной и неродной культур, с другой. Объектом исследования является процесс овладения иностранным языком в условиях дистанционного обучения как новой реальности в эпоху современной глобализации. Предметом исследования является виртуальная реальность как коммуникативное пространство в процессе дистанционного обучения иностранным языкам.

Методологической основой исследования являются достижения в области лингвистического и лингвофилософского рассмотрения проблемы развития и изучения иностранного языка в контексте виртуальности. Анализируется специфика понятия виртуальности как многоаспектного явления, затрагивающего различные проблемы процесса виртуализации. В основу полагается принцип преемственности идей в процессе исследования, учёт и теоретический анализ полученного опыта современных авторов, занимающихся практической деятельностью, связанной с преподаванием иностранных языков, и теоретическими изысканиями в области теории языка, психолингвистики, лингводидактики, социологии и философии. Применяется методика герменевтического и контекстуального анализа, получившая разработку в трудах как современных авторов, так и исследователей предыдущих столетий. В статье эксплицируется понятие «виртуальность».

В конечном итоге формулируются особенности виртуального коммуникативного пространства для дистанционного формата учебной деятельности, направленной на успешное овладение индивидом иностранным языком и обеспечение готовности к интеграции в иную социокультурную среду.

Ключевые слова: *виртуальная реальность; иностранный язык; коммуникативное пространство; языковое взаимодействие; дистанционное обучение.*

Конфликт интересов: *Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Андреева О.А., Рейнгардт Н.В. Виртуальная реальность как коммуникативное пространство в процессе дистанционного обучения иностранным языкам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 148-158. .

Статья поступила в редакцию 27.12.2021 Статья подписана в печать 25.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Андреева О.А., Рейнгардт Н.В., 2022

Virtual Reality as a Communication Space in the Process of Distance Learning of Foreign Languages

Olga A. Andreeva[1] ✉, Natalia V. Reyngardt[1]

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olafranc@yandex.ru

Abstract

The article examines the concept of virtuality from Antiquity to the present in connection with the implementation of educational activities aimed at mastering a foreign language in a remote format. The article considers the essence and nature of the joint activity of the student and the teacher in the light of the main approaches in modern scientific knowledge. The aim is to determine, in the course of analyzing the research of scientists of previous centuries and the present, the necessary conditions for creating a virtual communicative space that ensures rapid and high-quality mastery of a foreign language, on the one hand, and adaptation due to differences between native and non-native cultures, on the other. The object of the research is the process of mastering a foreign language in the conditions of distance learning as a new reality in the era of modern globalization. The subject of the research is virtual reality as a communicative space in the process of distance learning of foreign languages.

The methodological basis of the research is the achievements in the field of linguistic and linguistic-philosophical consideration of the problem of the development and study of a foreign language in the context of virtuality. The article analyzes the specifics of the concept of virtuality as a multidimensional phenomenon that affects various problems of the virtualization process. It is based on the principle of continuity of ideas in the research process, taking into consideration and theoretical analysis of the experience of modern authors engaged in practical activities related to the teaching of foreign languages, and theoretical research in the field of language theory, psycholinguistics, linguodidactics, sociology and philosophy. The method of hermeneutical and contextual analysis is used, which has been developed in the works of both modern authors and researchers of previous centuries. The article explicates the concept of "virtuality".

Finally, the features of the virtual communicative space for the remote format of educational activities aimed at the successful mastery of a foreign language by an individual and ensuring readiness for integration into another socio-cultural environment are formulated.

Keywords: *virtual reality; foreign language; communication space; language interaction; distance learning.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Andreeva O. A., Reyngardt N. V. Virtual Reality as a Communication Space in the Process of Distance Learning of Foreign Languages. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 148–158 (In Russ.).

Received 27.12.2021 Accepted 25.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Феномен виртуальности неразрывно связан с бытием человека с древних времен до современности. Многоаспектность феномена виртуальной реальности требует тщательного исследования для получения наиболее полного представления. Хотя современные мыслители относят виртуальную реальность к числу основных структурных элементов информационного общества и коммуникационной среды, следует проанализировать ее значимость в различных аспектах: технологическом, лингвофилософском, антропологическом, культурологическом и т.д. Наибольший интерес в данном контексте представляет лингвофилософский подход, делающий акцент на коммуникативной составляющей явления виртуальности.

Использование информационно-коммуникационных технологий задействует все сферы человеческой деятельности и тесно связано с самоорганизацией человека и окружающего его мира. Наиболее глубокое рассмотрение информационно-коммуникационной среды отмечено у немецкого исследователя Манфреда Фасслера, который при анализе развития сфер информатизации, использует понятия «предэлектронная среда» (для обозначения традиционной информационной среды) и «электронная среда» (для описания современного процесса информатизации) [1, с. 17].

Современная коммуникация, как известно, является трансляцией данных. При этом обязательно наличие канала обратной связи. В образовательной сфере, в частности, при дистанционном изучении иностранных языков коммуникационное взаимодействие осуществляется только в процессе совместной практической деятельности преподавателя и учащегося, направленной на «достижение состояния просвещённости в связи с освоением языка и культуры того или иного народа» [2]. В процессе практического овладения иностранным языком происходит своего рода изменение сознания и мышления человека, преодолеваются факторы времени и географического пространства. В процессе дистанционного обучения речь идет об увеличении возможностей работы с информацией, которая должна характеризоваться актуальностью, полезностью, доступностью и т.д., что возможно только в условиях определенного коммуникативного виртуального пространства.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов, хронологически охватывающие период с древних времён и до наших дней, в которых феномен виртуальности рассматривается на пути становления сознания и цивилизации. Многие отечественные и зарубежные авторы предыдущих столетий и современности изучали понятие виртуальности и проблемы информационного общества. У истоков понятия «виртус» находятся труды античных авторов Аристотеля, Фомы Аквинского. Понятие «виртуальности» в эпоху Возрождения рассматривалось Николаем Кузанским. Классическими источниками информационного общества послужили работы Д. Белла, Ж. Бодрийяра, М. Маклюэна, О. Тоффлера и многие другие. Отечественная наука представлена трудами О. Н. Вершинской, С. А. Дятлова, А. Н. Кочергина и др. Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире исследуется Н. В. Рейнгардт. Положительные и негативные стороны дистанционной формы обучения иностранным языкам, а также просветительские аспекты деятельности преподавателя рассматриваются О. А. Андреевой.

Изучение мертвых языков с помощью компьютерных технологий также стало актуальным и реальным в современности, в частности, изучение латинского языка, которому «отводится значимая роль в развитии мировой культуры…» [3, с. 32].

Применение информационных технологий в учебном процессе стало целесообразным в связи с возрастающими требованиям к уровню знаний и умений современных специалистов, поэтому интерактивные методы обучения уже давно находятся в гармоничной взаимосвязи с традиционными. Современные реалии (пандемия 2020 – 2021 гг.) внесли глубокие изменения абсолютно во все сферы жизни, когда большинство рабочих процессов (за исключением производства и жизнеобеспечивающих структур) перешли из реальных пространств в виртуальные локации.

Исходя из этого определяются и формулируются задачи, выполнение которых способствует успешному овладению иностранным языком в дистанционном формате: 1) выделить основные уровни понимания термина «виртус»; 2) экс-

плицировать суть и характер виртуального коммуникативного пространства в процессе дистанционного освоения иностранного языка; 3) артикулировать роль преподавателя в создании виртуального коммуникативного пространства для успешного освоения иностранного языка и иноязычной культуры; 4) выявить лингвофилософские аспекты коммуникации в условиях виртуальной реальности.

Результаты и обсуждение

Впервые понятие «виртуальное» (от лат. *virtus*) появляется в трудах античных философов. В трудах авторов той эпохи оно относится в большей степени к категории этики и означает талант, мужественность, нравственное совершенство.

Понятие «virtus» в средневековой философии ближе к современному значению, так как подразумевает способность одной реальности создавать другую.

В эпоху Возрождения к пониманию «virtus» также относится творческий потенциал и активная движущая сила. Как таковое понятие «виртуальность» появляется в латинском языке в то время, когда Николай Кузанский размышляет над сущностью и прообразом бытия, «которое до времени сокрыто» [4]. «Virtus» в его понимании представляет собой божественную энергию, дающую начало бытию, мышлению, и, как следствие, проистекающей отсюда новой реальности, обладающей своим статусом и законом существования.

Особую актуальность и смысл понятие «виртуальность» приобрело гораздо позднее, с развитием науки и техники. Физика, квантовая физика, аналитическая механика под виртуальным понимают возможные, но не реализуемые перемещения [5], а также ненаблюдаемые «виртуальные» объекты. В 19 – 20 вв. понятия «виртуальность», «виртуальное» находят применение в различных сферах научного знания. Понятие виртуальности соотносится с идеей наличия промежуточного или мнимого состояния чего-либо. Речь идет о соотношении «виртуальное - реальное».

До конца 70-х годов 20 века понятие «виртуальная реальность» ещё не применялось к реальности, генерируемой компьютерами. Но ближе к 90-м годам двадцатого века создается единое информационное пространство с интегрированным изображением, звуком и движением. Возникает понятие «искусственная реальность», отображающее суть человеко-машинного взаимодействия. Таким образом «… виртуальная реальность – совокупность программно-аппаратных средств для создания ощущения присутствия в мире компьютерных игр, сетей, систем» [6].

Яковлев А.И., Катыс Г.П. в своих исследованиях, посвящённых созданию трёхмерных систем как явлению человеко-машинного взаимодействия, обозначают виртуальную реальность в качестве способа информационного взаимодействия человека и компьютера в трёхмерном масштабе, осуществляемого с помощью «комплексных мультимедиа-операционных средств». Характерной чертой выступает иллюзия присутствия в режиме реального времени в искусственно созданном (кажущемся) мире, сформированном при помощи электронно-вычислительных программных средств [7]. Согласно этому мнению, «виртуальная реальность» — это *компьютерные системы, которые создают визуальный и звуковой эффекты, погружающие пользователей в воображаемый (искусственный) мир за экраном.*

В контексте социологического аспекта анализируется ключевой вопрос о включённости «пространства» виртуальной реальности в систему общественных отношений и морально-этических норм. Учитывая факт огромного и беспрецедентного влиянии виртуальной реальности на общественные структуры, развитие цивилизации, можно говорить о появлении новых форм коммуникации между людьми.

Одной из ключевых характеристик виртуального пространства для изучения

иностранного языка является отсутствие границ - пространственных, временных, что способствует процессу глобализации, и в какой-то степени ускоряет его. Знание иностранных языков имеет важное значение для существования и развития современного индивида и общества в целом. Современные мировые образовательные стандарты призваны обеспечить подготовку высококвалифицированного специалиста, творческого индивида, хорошо ориентирующегося и адаптирующегося к глобальным изменениям в мире. Изучение одного или нескольких иностранных языков стало обязательным условием для успешной профессиональной деятельности. В связи с возрастающей потребностью в знании иностранных языков в многочисленных методиках обучения произошли изменения. В языковом образовании всё активнее применяется потенциал информационно-коммуникационных технологий. Специфика электронной среды, а именно её способность к симуляции любой реальности в виртуальном пространстве подходит для обучения иностранным языкам, давая возможность создавать различные коммуникативные условия, работать с аутентичной информацией, что позволяет обучающимся в некоторой мере компенсировать отсутствие естественной языковой среды. Меняется суть работы с иноязычным тестом, равно как и само понятие текста. Современный текст представляет собой новое пространство мышления, «тропы гласности, обсуждения, взаимотерпимости, формального законопорядка» [8, с. 19; 17].

Что понимается под виртуальной языковой средой? Прежде всего, это электронные ресурсы (электронные учебники, пособия), образовательные порталы, электронные библиотеки, словари, аутентичные ресурсы, а также средства коммуникации (различные платформы, форумы). Это даёт обучающимся возможность погружения в аутентичную языковую среду вне географических границ какого-либо иностранного языка. Виртуальная языковая среда формируется на основе культурной, этнической и социальной составляющей, что является предпосылкой для формирования межкультурной коммуникативной компетенции. При этом «виртуальное общение имеет определенную специфику субъект-субъектных отношений, связанную как с самопрезентацией, так и с восприятием Другого» [9, с. 71].

В процессе перехода на дистанционный формат обучения можно сформулировать ряд особенностей, отличающих занятия в условиях онлайн-формата от традиционной формы обучения иностранным языкам:

– занятия в домашней (или другой внеаудиторной) обстановке. При этом степень комфортности является сугубо индивидуальным фактором;

– концентрация на занятии, предъявляемом преподавателем материале, т.е. симуляция индивидуального занятия за счёт отсутствия тактильного контакта с одногруппниками (одноклассниками);

– возможность видеозаписи урока и в дальнейшем его повторное воспроизведение при необходимости;

– возможность получить индивидуальную консультацию преподавателя;

– свободный доступ к справочной литературе непосредственно в процессе занятия (любой электронный ресурс в режиме онлайн);

– установление индивидуальных темпов обучения с учётом особенностей обучающегося;

– использование аутентичной информации в режиме онлайн.

Таким образом, несмотря на объективные трудности (срочная адаптация к изменившимся условиям, недостаток электронных ресурсов, в некоторых случаях несовершенство техники и т.д.) плюсом дистанционного обучения является способность нивелировать пространственно-временные барьеры, предоставить возможность изучения языка прибегая к по-

мощи его носителей из разных стран, расширяет коммуникативную сферу, экономит время. То есть создается новое, отличное от традиционного, коммуникативное *пространство*, дополняющее и компенсирующее недостаток разных типов пространств, создающее дополнительные возможности для обучения, «интегрируя и преломляя их в мире цифровых объектов и коммуникаций, высвобождающихся из-под гравитации физической предметности, радикально меняя статус и поведение информационных объектов и процессов» [10, с. 9]. При этом изменяются процессы трансляции данных, обогащаются механизмы выбора, восприятия и накопления информации. Определяемый В. Гальбахом в качестве интерфейса, данный технический аспект обеспечивает активное включение личности в информационные процессы в ходе обучения.

В этой ситуации правомерно встаёт вопрос о роли преподавателя в процессе обучения иностранному языку в условиях виртуального пространства. При традиционных формах обучения преподаватель играет основную роль, выстраивает ход занятия, моделирует ситуации, создает рабочую остановку, стимулирует творческие способности, познавательную активность. Суть работы преподавателя в данных условиях представляет собой умение грамотно подобрать материал, подобрать контент в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом, оказать помощь в подготовке в случае необходимости и проконтролировать выполнение учащимися. Огромное внимание уделяется активизации пассивного словарного запаса, усвоению грамматического материала, отработке речевых моделей. Этот процесс обучения называется интерактивным, поскольку построен на диалоговом взаимодействии. Термин «интерактивный» означает способный взаимодействовать (с человеком, компьютером и т.д.), т.е. интерактивное обучение являет собой формат, в процессе которого происходит тесное взаимодействие преподавателя и учащихся, а также обучающихся друг с другом. В дистанционном формате процесс обучения характеризуется двусторонней интеракцией, происходит взаимодействие обучающихся с преподавателем при использовании информационно-коммуникационных технологий. С одной стороны, прослеживается сходство с традиционным способом обучения, с другой - смещаются акценты в сторону информационных технологий. Условия электронной среды дают возможность эффективно решить множество дидактических задач в процессе обучения иностранному языку. Стимулирование развития личности обучаемого, его сопровождение в творческом поиске являют собой приоритетную задачу. Необходимо следить за психологическим настроем обучающихся, учитывать индивидуальную скорость работы, моментально исправлять ошибки и т.д. Естественно, с применением компьютерных технологий подверглись значительной трансформации организационные формы учебной работы: увеличился объем самостоятельной работы обучающихся, возросла роль заданий исследовательского характера. Другими словами, традиционная образовательная среда «преподаватель – учебник - учащийся» заменилась на отношения «учащийся – электронный ресурс - преподаватель», благодаря привлечению информационно-коммуникационных технологий. Следует отметить, что дистанционный формат обучения помещает личность учащегося в центр внимания педагога, и где ведущей выступает познавательная деятельность учащегося при рассмотрении соотношения «преподаватель - учащийся» [11]. Использование систем дистанционного обучения значительно расширяет функции преподавателя, но в связи с удаленностью друг от друга участников процесса роль преподавателя усложняется необходимостью регулировать и координировать обучение для достижения ожидаемого результата. Удержать внимание обучающихся в виртуальной аудитории, сконцентрировать

работу на презентуемом материале, стимулировать деятельность и одновременно осуществлять контроль происходящего на занятии, не находясь в непосредственной близости от участников учебного процесса – всё это требует специальных знаний и умений, следовательно, необходима реконструкция в организации виртуальных уроков. Помимо возросшего числа функций, выполняемых преподавателем в процессе дистанционного обучения, речь идет и об осуществлении «просветительской деятельности», заключающейся в обеспечении комфортной языковой среды, продуктивном разрешении внутренних и внешних конфликтов, связанных с погружением в чужую культуру и в создании благоприятных условий для овладения иностранным языком как орудием мирного сосуществования, «при помощи которого обучающийся способен по-другому воспринимать мир и существовать в нём» [12, с. 94].

Помимо контроля знаний и умений профессиональные усилия преподавателя направлены на диагностику совместной деятельности и на готовность осуществления корректирующих и вспомогательных мер. Преподавателю иностранного языка необходимо создавать реальное ситуационное взаимодействие на различных уровнях в зависимости от целей обучения, уровня владения языком, временных ограничений, наполняемости группы, технических устройств и т. д. Использование виртуальной реальности как специфического иноязычного пространства позволяет преодолеть трудности, испытываемые учащимся в процессе традиционного обучения, то есть, предоставляет дополнительные возможности для самовыражения.

Виртуальная коммуникация является эффективной, если используется не как отдельный, а как дополнительный способ социальной коммуникации. Благодаря такому свойству виртуальной реальности как диалогичность, каждый участник процесса коммуникации получает возможность расширить свой интеллектуальный мир, приблизиться к пониманию новых идей. В какой-то степени электронная среда формирует новый тип личности - *homo informaticus* [13]. Другими словами, виртуальная эволюция неизбежно влияет на межкультурное и межличностное взаимопонимание коммуникантов, будь то участники образовательного процесса в ходе изучения иностранных языков, или же посетители какого-либо сайта. В условиях информационной интеграции сталкиваются и вступают в диалог различные культуры и традиции. И эта новая информационная среда, по мнению М. Фасслера, «требует» от человека совершенно новых форм социального поведения [13]. Речь идет о *квазисоциуме* как специфическом виде социокультурного пространства, где всем пользователям сети Интернет дается уникальная возможность для моделирования ситуаций, образов, проведения исследований. Понимание сути феномена виртуальной среды позволяет эффективно ее использовать возможности в творческой деятельности, обучении и других сферах. Основными препятствиями на пути реализации эффективной межкультурной коммуникации в виртуальном пространстве могут стать лингвистические барьеры. Но благодаря такому свойству виртуального пространства как всепроницаемость, а также благодаря активным образовательным процессам, межкультурный диалог стал доступен практически каждому пользователю. Взаимопроникновение и взаимообогащение культур стало более активным по сравнению с докомпьютерной эпохой. Но как любой социальный феномен, виртуальная реальность амбивалентна по своей сути. Именно благодаря всепроницаемости сетей нельзя не опасаться такого процесса как стирание идентичности национальных культур. Диалог коммуникантов в виртуальном пространстве имеет тенденцию унифицировать язык, пренебрегать нормами речи и т.д. Именно здесь создается риск утра-

ты элементов национальной культуры, что может являться вопросом для отдельного исследования.

Выводы

Можно сделать вывод о том, что на современном этапе эволюционное развитие и взаимопроникновения языков, которое на ранних этапах формирования этнической и межэтнической культуры происходило достаточно медленно, ускоряется благодаря интеграционным процессам, например, взрывному развитию информационно-коммуникационных технологий, ставших нормой для эффективного функционирования для всех сфер жизни. В современных условиях использование электронной среды выходит на новый качественный уровень, вытеснив во многих сферах традиционную среду практически полностью.

Для системы образования переход из реальной среды в виртуальную стал этапом открытия новых горизонтов, несмотря на уже активное применение современных коммуникационных технологий в обучении. Виртуальная среда стала неотъемлемой частью информационного общества, будучи многоаспектным и уникальным по своей сути феноменом. Только комплексный анализ в философском, психологическом, культурологическом, технологическом, психологическом и др. аспектах может дать о нем четкое представление. В виртуальном коммуникационном пространстве на преподавателя иностранного языка возлагается роль межкультурного посредника, осуществляющего многоплановую деятельность, связанную с разработкой электронной версии занятия, переосмысливанием и методической переработкой имеющегося материала для формата онлайн-занятия, организацией и координированием учебного процесса, сопровождением и контролем обучаемых.

Виртуальная реальность – новое дополнительное пространство для изучения иностранных языков, которое устанавливает новые формы коммуникации, позволяет осуществить с помощью «метатехнических источников» и компьютерной симуляции в ином формате и расширить возможности практической деятельности, как в ходе изучения иностранных языков, так и других дисциплин.

Следует отметить, что преподаватель и обучаемый как пользователи мира информационной среды становятся его активными участниками, будучи вовлеченными в искусственный мир с помощью различных технических средств, например, дополнительных аудиовизуальных эффектов. А это, в свою очередь, порождает новый вид отношений и связей не только в условиях учебной среды, но и в обществе в целом, обусловленных комплексными мультимедиа-операционными средствами, создающими иллюзию непосредственного присутствия в реальном мире, благодаря представленному «экранному миру». Речь идет уже не только о новой информационной эпохе, но о становлении новых коммуникационных отношений между людьми не только в процессе освоения иностранных языков.

Изучение иностранного языка в виртуальном пространстве способствует приобретению опыта в духовно-культурном плане и формированию новых компетенций. При этом изменяется ощущение и осознание понятия пространства и времени, а также «привычная картина мира, в частности языковая картина мира, национальная картина мира» что связано с проникновением в иную культуру [14, с. 65-69]. В виртуальном пространстве язык представляет собой не только «совокупность грамматически оформленных знаков, имеющих определённое звучание, но выступает как «объединённая духовная энергия народа», его дух и своеобразие» [15, с. 74]. Процесс обучения с помощью виртуального пространства способствует достижению одной из задач просветительской деятельности, представляющей собой развитие воли и разума человека, готовность к межкультур-

ному диалогу, что становится возможным через изучение иностранного языка и иноязычной культуры [16, с. 6].

Список литературы

1. Рейнгардт Н. В. Трансформация идентичности человека в информационно-компьютерном мире: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2012. 132 с.

2. Андреева О. А. Некоторые аспекты просветительской деятельности в процессе овладения иностранным языком // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 2. С. 85–97.

3. Андреева О. А., Звягинцева В. В. Формирование общей и профессиональной культуры студентов направления подготовки «правоохранительная деятельность» в процессе ознакомления с тезаурусом латинского языка // Обучение иностранному языку: современность и перспективы: сб. научных статей регионал. науч.-метод. конф., посвящ. 55-летию Юго-Зап. гос. ун-та и кафедры ин. языков, 04-05 октября 2019 г. Курск, 2019. 552 с.

4. Кузанский Н. О возможности-бытии // Антология мировой философии: в 4 т. / под ред. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1969. Т. 2. 776 с.

5. Романовская Т.Б. Иная реальность и проблемы интерпретации в физике // Концепция виртуальных миров и научное познание. СПб.: Антология, 2000. 317 с.

6. Зенович Е.С. Словарь иностранных слов и выражений. М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. 602 с.

7. Яковлев А.И., Катыс Г.П. Виртуальная реальность – новая информационная технология человеко-машинного взаимодействия. М.: Международная инженерная акад., 1999. 173 с.

8. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. М.: Логос, 2004. 272 с.

9. Баева Л. В. Виртуальная реальность: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 71.

10. Подопригора А. В. Левиафан и сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 7–17.

11. Рейнгардт Н. В. Понятие времени в межязыковых контактах // Теория и практика языковой коммуникации: материалы II Междунар. науч.-метод. конф., 24-25 июня 2010 г. / редкол.: Т. М. Рогожникова (отв. ред.) [и др.]; Уфимский авиац. гос. тех. ун-т. Уфа, 2010. 576 с.

12. Андреева О. А. Некоторые аспекты просветительской деятельности в процессе овладения иностранным языком // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 2. С. 85–97.

13. Faßler M. Was ist Kommunikation? München, 2004.14. Андреева О. А., Рейнгардт Н. В. Изменение картины мира китайских студентов-филологов, проходящих языковую стажировку в России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 1. С. 65-69.

15. Андреева О. А. Природа и культура в философии французского Просвещения: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2011. 164 с.

16. Андреева О. А. Просветительская деятельность в условиях современной глобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4. Часть 1. С. 223-227.

17. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под ред. Е.С. Полат. М., 2008, 268 с.

References

1. Rejngardt N. V. *Transformaciya identichnosti cheloveka v informacionno-komp'yu ternom mire* [Transformation of human identity in the information and computer world]. Kursk, 2012. 132 p.

2. Andreeva O. A. Nekotorye aspekty prosvetitel'skoj deyatel'nosti v processe ovladeniya inostrannym yazykom [Some aspects of educational activities in the process of mastering a foreign language]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 85–97.

3. Andreeva O. A., Zvyaginceva V. V. [Formation of the general and professional culture of students of the training area "law enforcement" in the process of familiarization with the thesaurus of the Latin language] *Obuchenie inostrannomu yazyku: sovremennost' i perspektivy: sb. nauchnyh statej regional. nauch.-metod. konf*. [Teaching a foreign language: modernity and prospects: collection of scientific articles of the regional scientific method. conf.]. Yugo-Zap. gos. un-t. Kursk, 2019. 552 p. (In Russ.).

4. Kuzanskii N. O. [About the possibility of being] *Antologiia mirovoi filosofii*. [Anthology of World Philosophy]; ed. by V. V. Sokolova. Moscow, Mysl Publ., 1969, vol. 2, 776 p.

5. Romanovskaia T. B. Inaia realnost i problemy interpretatsii v fizike Kontseptsiia virtualnykh mirov i nauchnoe poznanie [Other reality and problems of interpretation in physics]. St. Petersburg, Antologiia Publ., 2000. 317 p.

6. Zenovich E. S. *Slovar inostrannykh slov i vyrazhenii* [Dictionary of Foreign words and expressions]. Moscow, AST-PRESS Publ., 1998. 602 p.

7. Iakovlev A. I., Katys G. P. *Virtualnaia realnost novaia informatsionnaia tekhnologiia cheloveko-mashinnogo vzaimodeistviia* [Virtual reality is a new information technology of human-machine interaction]. Moscow, Mezhdunarodnaia inzhenernaia akad Publ., 1999. 173 p.

8. Mamardashvili M. K. *Soznanie i civilizaciya* [Consciousness and civilization]. Moscow, Logos Publ., 2004. 272 p.

9. Baeva L V Virtualnaia realnost klassifikatsiia i spetsifika [Virtual reality: classification and specifics]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta Novaia seriia Ser Filosofiia Psikhologiia Pedagogika = Proceedings of Saratov University. A new series. Philosophy series. Psychology. Pedagogy,* 2014, vol. 14, no. 4, p. 71.

10. Podoprigora A. V. Leviafan i set: filosofiia vlasti v tsifrovom obshchestve [Leviathan and the Network: The Philosophy of Power in a Digital Society]. *Sotsium i vlast = Society and Power*, 2018, no. 2, (70), pp. 7–17.

11. Reingardt N. V. [The concept of time in interlanguage contacts]. *Teoriia i praktika iazykovoi kommunikatsii. Materialy II Mezhdunar nauch -metod konf*. [Theory and practice of language communication: materials of the II International Scientific Method. Conf.]; ed. by T. M. Rogozhnikova eds. Ufa, 2010. 576 p. (In Russ.).

12. Andreeva O. A. Nekotorye aspekty prosvetitelskoi deiatelnosti v protsesse ovladeniia inostrannym iazykom [Some aspects of educational activities in the process of mastering a goreign language]. *Izvestiia Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 85-97.

13. Faßler M. Was ist Kommunikation? München, 2004.

14. Andreeva O. A., Rejngardt N. V. Izmenenie kartiny mira kitajskih studentov-filologov, prohodyashchih yazykovuyu stazhirovku v Rossii [Changing the Worldview of Chinese Philology Students undergoing Language Training in Russia]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2013, no. 1, pp. 65-69.

15. Andreeva O. A. *Priroda i kul'tura v filosofii francuzskogo Prosveshcheniya: monografiya* [Nature and Culture in the Philosophy of the French Enlightenment]. Kursk, 2011. 164 p.

16. Andreeva O. A. [Educational activities in the context of modern globalization] Prosvetitel'skaya deyatel'nost' v usloviyah sovremennoj globalizacii. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Proceedings of the Southwest State University*, 2012, no. 4, pp. 223-227.

17. *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniia* [New Pedagogical and information technologies in the education system]; ed. by E. S. Polat. Moscow, 2008, 268 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Андреева Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: olafranc@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6117-8895

Olga A. Andreeva, Cand. of Sci. (Philosophical), Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: olafranc@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6117-8895

Рейнгардт Наталья Викторовна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: natalla-dt@yandex.ru

Natalia V. Reyngardt, Cand. of Sci. (Philosophical), Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: natalla-dt@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 378.14

Валидация педагогической модели формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов педагогических специальностей: результативность и эффективность

А. В. Анненкова [1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация,

✉ e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Резюме

Профессиональное образование на современном этапе должно ориентироваться на подготовку будущих специалистов, обладающих не только профессиональными знаниями, навыками и умениями, но и обладать сформированным ценностным отношением к своей будущей педагогической профессии. Именно это и определяет актуальность нашего исследования. Ценностное отношение к педагогической профессии с аксиологической точки зрения рассматривается как рефлексия наиболее значимых целей, мотивов, ценностей, потребностей, осваиваемых ими знаний, навыков и умений, составляющих базис будущей педагогической профессии, в сознании студентов – будущих педагогов. Сформировать требуемый уровень ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка можно, разработав и внедрив в образовательный процесс в высшей школе педагогическую модель формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка. Программа реализации предложенной модели включала все виды и формы учебной деятельности, что позволило перейти от усвоения нового учебного материала к закреплению полученных знаний, отработке умений и навыков, контролю усвоения в рамках одного занятия, что было экспериментально апробировано на практике среди студентов педагогического университета. Для определения начального уровня ценностного отношения и мотивации к профессии учителя, а также для отслеживания динамики произошедших изменений в ценностном отношении студентов к педагогической профессии после практического обучения, были использованы диагностические психологические опросники, итоговое тестирование и итоговая творческая проверочная работа. Результаты опытно-экспериментальной работы по апробации педагогической модели подтвердили положительную динамику формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка во время обучения, что позволяет повысить исходный уровень мотивации и ценностного отношения к профессии у будущих учителей иностранного языка.

Ключевые слова: *учитель иностранного языка; ценностные отношения и ориентации; мотивация; моделирование; педагогическая модель; педагогический эксперимент; апробация.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Анненкова А. В. Валидация педагогической модели формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов педагогических специальностей: результативность и эффективность // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 159-176. .

Статья поступила в редакцию 25.11.2021 Статья подписана в печать 18.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Анненкова А. В., 2022

Validation of the Pedagogical Model of the Formation of Value-Based Attitude Towards Future Foreign langUage Teaching Profession by Students of Teaching Disciplines: Efficiency and Effectiveness

Antonina V. Annenkova [1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Abstract

Modern professional education should focus on the training of future specialists having not only professional knowledge, skills and abilities, but formed value attitudes towards a future teaching profession. This statement determines the relevance of the research. In the context of axiology, the value-based attitude towards a teaching profession is considered as a reflection of the most significant goals, motives, values, requirements, knowledge, skills and abilities mastered by students, which form the basis of a teaching profession in the future teachers' minds. The required level of value-based attitude towards a foreign language teaching profession could be formed by developing and introducing into the educational process the pedagogical model of the formation of a value-based attitude towards a foreign language teaching profession. The model implementation included all types and forms of educational activities to move from the new educational material acquisition to the consolidation of gain knowledge, the skill-building exercises and assessment during class time, which was experimentally tested among pedagogical university students. To determine the initial level of value-based attitude and motivation towards a teaching profession and to monitor the dynamics of changes in students' value-based attitude towards a teaching profession after practical training, diagnostic psychological questionnaires, final testing and creative work were used. The results of the experimental work on the model testing have confirmed the positive dynamics of the formation of a value-based attitude towards a foreign language teaching profession to increase the initial level of motivation and value-based attitude towards a pedagogical profession by future foreign language teachers.

Keywords: *foreign language teache; value-based attitude and orientations; motivation; modeling; pedagogical model; pedagogical experiment; practical approval.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Annenkova A. V. Validation of the Pedagogical Model of the Formation of Value-Based Attitude Towards Future Foreign langUage Teaching Profession by Students of Teaching Disciplines: Efficiency and Effectiveness. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 159–176 (In Russ.).

Received 25.11.2021 Accepted 18.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

В эпоху повсеместной глобализации современная система образования вынуждена адаптироваться под изменяющиеся условия и запросы информационного общества, корректируя не только привычный социуму образ учителя, но и требования, предъявляемые к будущему педагогу, который будет транслировать знания, развивать умения и навыки будущего поколения, способствуя его всестороннему интеллектуальному и нравственному развитию [1, 2]. Тем не менее, хорошо описываемые в теории задачи практически сложно реализуемы. Кроме того, реалии современного общества таковы, что в сознании молодёжи происходит нивелирование роли и значимости

учителя как эталона и «ретранслятора» знаний и навыков, у студентов педагогических специальностей наблюдается ситуация «ценностного отчуждения», при которой во время обучения в педагогическом университете уделяется недостаточно времени на формирование ценностных ориентаций будущего учителя, обучение осуществляется без учёта логики их развития в контексте профессионального становления будущего педагога [3-11]. Это подтверждается данными эмпирических исследований, посвященных изучению образа современных школы и вуза в сознании современной молодёжи [12-19]. Такая ситуация может привести и уже приводит к нехватке квалифицированных кадров, постоянной текучке педагогического персонала и ещё большему падению значимости и роли учителя в современной системе образования и общества.

Мы считаем, что формирование ценностного отношения к профессии учителя предполагает усвоение соответствующей ценностной и мотивационной базы, так же, как и получение профессиональных умений, навыков и знаний в период обучения в педагогическом вузе, поэтому необходимо разрабатывать технологии повышения уровня ценностного отношения к будущей педагогической профессии у студентов, начиная с первой ступени обучения в университете.

Ценностное отношение к профессии учителя иностранного языка рассматривается нами как непрерывный процесс, происходящий под влиянием следующих факторов:

– потребности в получении профессиональных знаний, умений, навыков в области разных, но взаимосвязанных наук: психологии, педагогики, аксиологии, методики обучения иностранным языкам и др.;

– мотивация и готовность к ведению профессиональной педагогической деятельности, связанной с ведением образовательного процесса в сфере иноязычного образования;

– цели и задачи, заключающиеся в достижении положительных результатов в процессе обучения, воспитания и развития обучающихся, а также в осуществлении творческой, научно-исследовательской деятельности, направленной на профессиональную и личностную самореализацию и удовлетворение от выполняемой работы [9-11].

Отношение студента к будущей профессии можно оценить двумя способами: определением его мнений и наблюдением за его поведением. Оценка мнений является общим и широко используемым подходом при оценке отношения: это может быть постановка прямых вопросов или применение разных шкал отношений, где шкала отношения – это специальная анкета, предназначенная для выставления оценок, указывающих на интенсивность чувств человека относительно объекта или события [20]. Наблюдение за поведением студента во время выполнения им профессиональной деятельности возможно только в естественных условиях без постороннего вмешательства в образовательный процесс. Такой метод позволит выявить особенности формирования профессиональной компетенции и степень достижения уровня педагогической осознанности, существующие тенденции в профессиональной деятельности, а также обнаружить и проанализировать систематические, повторяющиеся элементы учебно-профессиональной деятельности [21, 22]. Необходимо отметить, что на начальном этапе обучения студента в педагогическом университете реализовать наблюдение за его поведением невозможно, поскольку у него ещё нет соответствующих

навыков, знаний и умений для реализации профессиональной педагогической деятельности в реальных условиях современной школы.

Процесс формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка в педагогическом вузе необходимо начинать уже с начального этапа обучения в высшем учебном заведении посредством освоения будущими педагогами знаний, умений и навыков, составляющих основу его будущей профессиональной деятельности. Грамотно выстраивая процесс теоретического и практического обучения, вовлечения студентов в воспитательную и профориентационную работу, а также получение реального профессионального опыта преподавания. Кроме того, современная программа обучения должна быть адаптивной, подстраиваясь под изменяющиеся условия окружающей действительности, что можно реализовать, вводя в программу обучения дополнительные курсы и практикумы, направленные именно на формирование ценностного отношения к будущей педагогической профессии.

С целью формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов педагогических специальностей нами была разработана педагогическая модель, отражающая все этапы рассматриваемого процесса (от целеполагания до проверки результатов её практической реализации) [23-28].

Результаты и обсуждение

Экспериментальная апробация модели формирования ценностного отношения к будущей педагогической профессии учителя иностранного языка у студентов (см. подр. [23-28]) проводилась на базе Курского государственного университета. В эксперименте приняли участие студенты 2 курса факультета иностранных языков в количестве 10 человек.

На первом этапе апробации педагогической модели необходимо было зафиксировать уровень инициальной сформированности ценностного отношения к профессиональной деятельности у будущих учителей иностранного языка. В качестве диагностического инструментария были выбраны психологические методики по определению ценностных ориентаций и мотивов выбора будущей деятельности в качестве педагогического работника.

Использование в качестве входного тестирования методики определения типа ценностных ориентаций авторов М. С. Гуткина, Т.И. Шалавиной и С.Н. Чистяковой [29] позволило соотнести присутствующие у студентов ценности и ценностные ориентации с типом доминанты по отношению к выбранной ими профессиональной деятельности. Анализ результатов диагностики позволил установить характер преобладающих у студентов ценностей. Так, у 70% студентов наблюдается противоречивый тип профессиональной деятельности, характеризующийся доминированием как профессиональных, так и противоречащим им внепрофессиональных ориентаций. Непротиворечивый профессиональный тип деятельности, характеризующийся чёткой профессиональной доминантой, наблюдается только у троих студентов.

Если проанализировать структуру ценностей по критерию отношения к сфере профессиональной деятельности (см. рис. 1), то наибольший вес принадлежит ценности 4 «Получать высокий заработок, обеспечивающий хорошие материальные условия» (45 %), относящиеся к ценностям, которые реализуются за счёт профессиональной деятельности, второй ранг – 25 % принадлежит ценности «Работать в хороших условиях – в таких,

чтобы работа не была утомительной, не вызывала отрицательных эмоций», которая вместе с ценностью 6 (10%) характеризует ценности, которые можно реализовать и вне профессиональной деятельности, третье место в общей структуре ценностей студенческой группы принадлежит ценности 5 «Проявлять творческую инициативу, полностью раскрыть свои интеллектуальные способности» (20 %), которая может быть реализована непосредственно в профессиональной деятельности. Кроме того, следует отметить, что ценности «В наибольшей степени реализовать свои физические возможности, проявить силу, ловкость, волевые качества» и «Достичь высокого общественного положения, известности, славы, получить призвание окружающих» не были выбраны ни одним из респондентов, что означает отсутствие указанных характеристик в выбранной студентами будущей профессии учителя иностранного языка. Таким образом, можно констатировать, что у обучающихся доминантными являются ценности, реализовать которые можно в профессиональной или за счёт профессиональной деятельности.

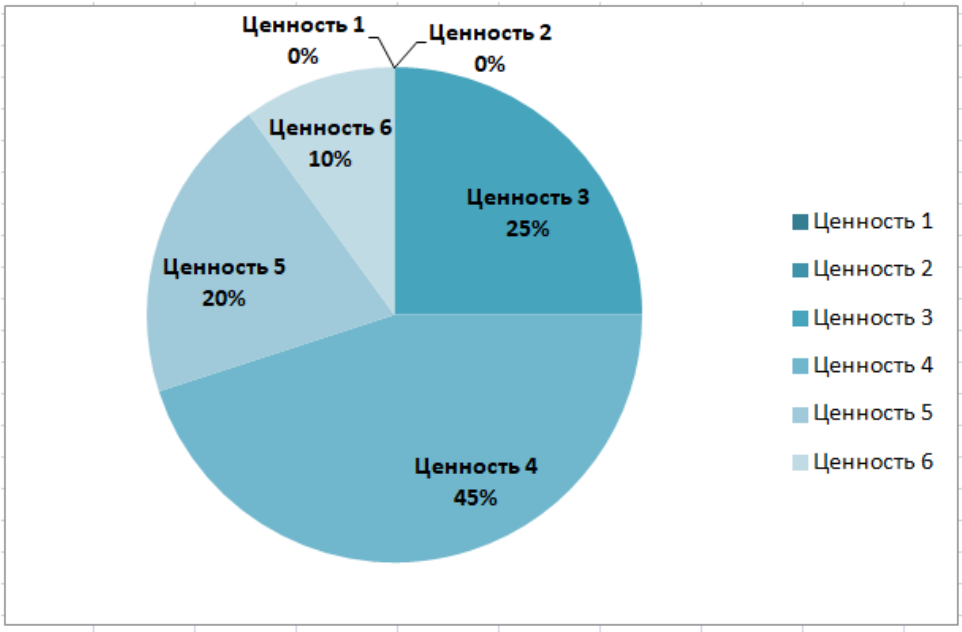


Рис. 1. Структура ценностей по критерию отношения ценности к сфере профессиональной деятельности у студентов факультета иностранных языков педагогического университета

Fig. 1. The structure of values in terms of relation of values to a professional sphere by students of foreign languages faculty

Таким образом, можно сказать, что у 70% студентов группы ещё не полностью сформировано ценностное отношение к педагогической деятельности и в структуре профессиональных ценностей у них присутствуют и сопутствующие факторы, которые, тем не менее, не оказывают существенного влияния на выполнение обязанностей учителя иностранного языка.

Второй методикой для входного тестирования стала методика Е.П. Ильина [30], с помощью которой была определена структура мотивов выбора студентом в качестве своей будущей специальности профессии учителя иностранного языка. По результатам проведённого анкетирования были рассчитаны средние баллы по каждому из мотивов для ранжирования их по степени выраженности (рис. 2).

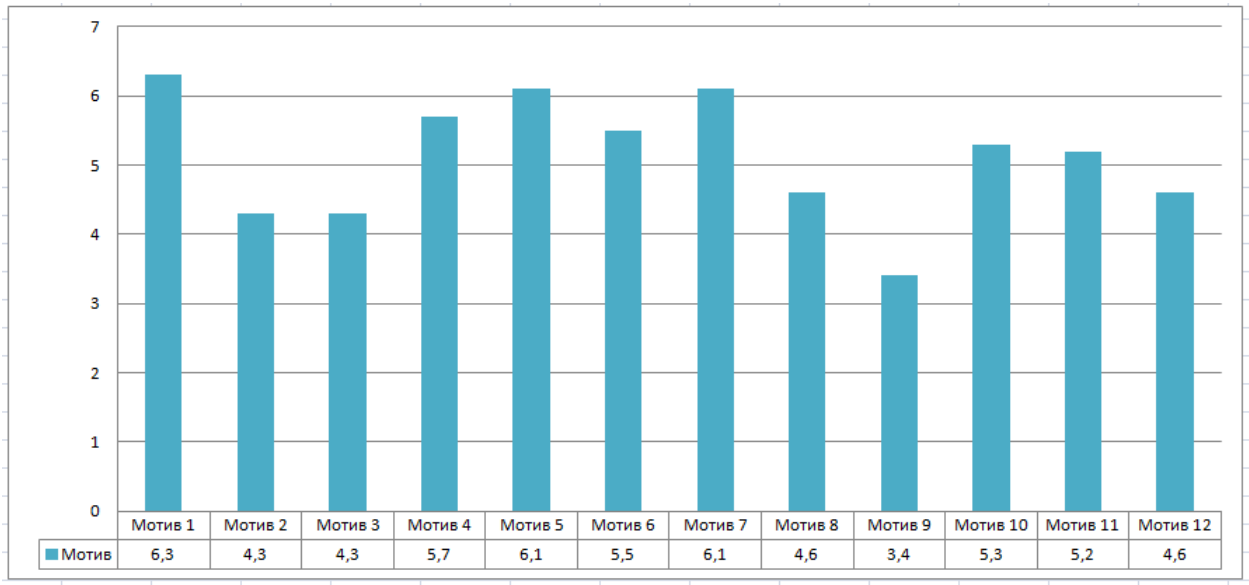


Рис. 2. Структура мотивов выбора среднестатистическим студентом деятельности преподавателя

Fig. 2. The structure of influences of an average student's choice of teaching professional sphere

Так, на основании данных гистограммы (рис. 2), отражающей структуру мотивов, можно сделать вывод, что ведущее место в выборе профессии преподавателя принадлежит мотиву 1 «Осознание полезности своей деятельности, важности обучения и воспитания молодежи», мотиву 5 «Стремление к самоутверждению, к повышению своего статуса, престижа» и мотиву 7 «Желание находиться в среде интеллектуалов, образованных людей», причём только мотив 1 представляет группу «Педагогическое призвание», в то время как остальные два доминантных мотива располагаются в группе «Сопутствующие факторы». Кроме того, достаточно высокий ранг наблюдается и у мотива 4 «Желание передать свои знания, опыт, накопленные за время производственной или научной деятельности», мотива 6 «Стремление к самовыражению, к творческой работе», мотива 10 «Вынудили обстоятельства» и мотива 11 «Наличие длительного отпуска». Наименее значим мотив 9 «Возможность удовлетворить свое стремление к власти», что вполне ожидаемо, поскольку реализация подобного мотива практически нереализуема в рамках педагогической деятельности.

Анализируя структуру подгруппы мотивов «Педагогическое признание», в которую входят мотивы 1, 2, 3, 4 и 6 (см. рис. 2), следует отметить, что один из основных мотивов данной группы – мотив 2 «Интерес к педагогической деятельности» – обладает наименьшим рангом и наряду с мотивом 3 «Стремление к общению с молодежью, быть всегда с молодежью» составляют периферийный мотивы, существенно не оказывающие влияющие на выбор педагогической профессии у студентов экспериментальной группы.

Таким образом, на начальном этапе педагогического эксперимента было установлено, что в структуре ценностных ориентаций и мотивов выбора профессиональной деятельности учителя иностранного языка доминирующими являются сопутствующие и второстепенные факторы, в то время как педагогическое призвание пока ещё недостаточно выражено.

В целях формирования более высокого уровня ценностного отношения студентов к будущей профессии учителя иностранного языка были проведены за-

занятия в рамках специально разработанного практикума, структура и содержание которого были подобраны с учётом реализации разработанной педагогической модели и возможности оценки результатов апробации по критериям критериально-оценочного блока разработанной нами педагогической модели формирования ценностного отношения к будущей профессии учителя иностранного языка (см. подр. [23-28]).

Следует отметить, что во время занятий студенты внимательно слушали лекции теоретического блока практикума, задавали вопросы, если им было что-то непонятно; грамотно и полно отвечали на контрольные вопросы после каждого лекционного занятия, что свидетельствует об усвоении материала; принимали активное участие в практических заданиях, выражая своё аргументированное мнение при выборе того или иного пункта, положения или идеи.

По результатам пройденного практикума студентам был предложен итоговый тест, содержащий 31 вопрос с выбором правильного ответа, причём в некоторых заданиях необходимо было выбрать несколько подходящих вариантов, что было указано в самом задании.

Студенты очень хорошо справились с итоговым заданием, показав высокий уровень усвоения материала. Средний балл по группе за итоговый тест составил 28,9 баллов (93,2 %) из 31 возможного. Анализ ответов студентов показал, что наибольшую трудность вызвали задания с выбором нескольких правильных ответов и задания, в которых нужно было правильно выбрать автора той или иной методики.

Результаты итогового теста, являющиеся отражением содержательного критерия критериально-оценочного блока педагогической модели формирования ценностного отношения к будущей профессии учителя иностранного языка (см. подр. [23-28]), показывают, что студенты обладают высоким уровнем знаний: умеют пользоваться современными педагогическими методиками и технологиями для решения проблемных ситуаций аксиологической направленности, строить причинно-следственные связи, выделять существенные понятия и ключевые моменты, кроме того, при обучении студент активен, самостоятелен, проявляет творческую и исполнительскую деятельность. Уровень развития мышления высокий и характеризуется отличным владением мыслительными операциями анализа, синтеза и сравнения, студент свободно абстрагируется от текущего вопроса, проявляя оригинальность мышления и высокую скорость протекания мыслительных процессов. Высок и уровень отношения к материалу: студенты обладают устойчивой познавательной направленностью, повышенным интересом к материалу, эмоциональной предрасположенностью к его запоминанию и использованию в своей будущей профессиональной деятельности, наблюдаются повышенная мотивация к самообразованию, наблюдается направленность на самостоятельное совершенствование способов получения знаний, инициативный и творческий подход к обучению и самообучению.

В качестве выходного тестирования ценностного и мотивационного критериев критериально-оценочного блока разработанной нами модели, студентам был предложен опросник, включающий 20 утверждений, характеризующих как мотивацию к выполнению будущей педагогической деятельности, так и утверждения, относящиеся к аксиологическому (ценностному) критерию готовности к профессии учителя иностранного языка.

Разработанный опросник позволил нам определить уровень сформированности ценностного и мотивационного отношения к будущей профессии учителя иностранного языка у студентов, прослушавших курс занятий практикума, состоящий из теоретических и практических блоков и заданий. Анализ получен-

ных ответов показал, что средний балл по группе составляет 79,2 из 100 возможных баллов, что характеризуется глубокими систематизированными знаниями в профессиональной сфере; сформированными умениями устанавливать контакт со всеми участниками образовательного процесса; сформированной системой ценностей, нравственных и других норм, принципов и идеалов, установок к ведению педагогической деятельности; стремлением профессионально развиваться и самосовершенствоваться; высоким уровнем умений выбирать и использовать требуемые для решения педагогической задачи методы и формы; умением чётко оценивать свои возможности. Такой уровень отличается высокой мотивацией, увлечённостью будущей деятельностью, настойчивостью в достижении поставленных перед собой целей и задач, высоким уровнем требований, предъявляемым к своим знаниям и умениям.

Несмотря на высокий средний балл, у четырёх студентов индивидуальные баллы оказались ниже среднего (76, 72, 70 и 69), причём трое из них, набравших 72, 70 и 69 баллов, обладают средним уровнем сформированности ценностных отношений, при котором наблюдается умеренное стремление профессионально развиваться и совершенствоваться; профессиональные знания студентов на этом уровне достаточно хорошие; коммуникативные умения и навыки средне выражены; в структуре мотиваций присутствуют, помимо педагогических мотивов, побуждения разнородного плана; результативность выполнения заданий не постоянная, интерес к выполнению зависит от педагогической проблемы/ситуации в каждом конкретном случае.

Рассмотрим структуру утверждений опросника, выделив те из них, которые наиболее и наименее значимы для студентов (рис. 3).

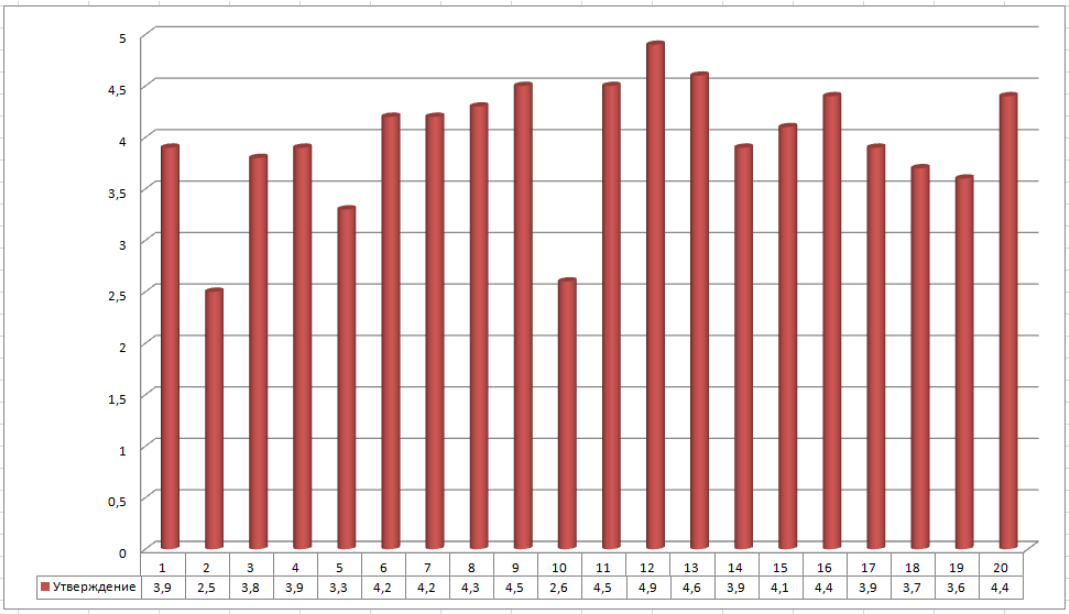


Рис. 3. Распределение отношения студентов к утверждениям, характеризующим степень мотивационной и ценностной готовности к ведению педагогической деятельности учителя иностранного языка

Fig. 3. Distribution of students' attitudes towards statements characterizing the level of motivational and value-based readiness to work as a foreign language teacher

Анализируя данные гистограммы распределения отношения студентов к утверждениям опросника 3 (см. рис. 3), можно сказать, что наибольший удельный вес принадлежит утверждениям, отвечающим за готовность к ведению деятельности в поликультурной среде, самосовершенствованию своих навыков и овладению иноязычной коммуникативной компетенцией. Стоит отметить и тот факт, что предстоящая педагогическая деятельность очень сильно пугает студентов (испытуемые обучаются только на 2 курсе и ещё ни разу не проходили педагогическую практику), что отражено в низких баллах утверждений «Я не боюсь педагогической деятельности» и «Возрастающая ответственность не пугает меня». Увеличить уровень готовности студентов именно к реализации педагогической деятельности возможно только при включении их в образовательный процесс в качестве учителей-практикантов.

Если говорить о рефлексивном критерии критериально-оценочного блока педагогической модели (см. подр. [23-28]), который характеризует развитие рефлексивной деятельности, способности к обобщению и формированию адекватной стратегии, то он оценивался нами во время выполнения студентами занятий практического блока в рамках апробации практикума. Так, в начале у студентов наблюдалась слабая рефлексивная деятельность, они не могли грамотно определить требуемую структуру действий для выполнения задания, зачастую путались в выбранных ролях, на выполнение задачи им требовалось значительное время. Занятие за занятием студенты совершенствовали свои навыки и в итоге достигли высокого уровня рефлексивной деятельности: у каждого из студентов сформирована своя собственная стратегия деятельности, которая быстро и гибко адаптируется под создаваемые преподавателем и заданием условия; студенты научились грамотно формировать свои собственные цели и частные задачи, которые необходимо достичь и решить в каждом конкретном случае; следует отметить и высокий уровень навыка самопозиционирования собственной личности в социуме (в группе). Косвенно уровень сформированности рефлексивного критерия отражен в высоких баллах опросника 3 и баллах, набранных студентами за прохождение итогового теста, так как их результаты помимо исследуемых критериев, включают и показатели критерия рефлексивной деятельности студента.

Ещё одним показателем успешности формирования ценностного отношения к будущей профессии учителя иностранного языка стало выполнение итоговой творческой проверочной работы – написание эссе на тему «Портрет современного учителя иностранного языка», в котором студенты должны были отразить мотивы выбора профессии, ценности, характерные для профессии учителя иностранного языка, умения, навыки и знания, необходимые для реализации педагогической деятельности, а также отразить другие виды деятельности, в которые современный педагог должен быть вовлечён. Важным было и соблюдение таких параметров эссе, как объем (250-300 слов) и уникальность (не менее 70%).

Следует отметить, что студенты справились с поставленным заданием, показав высокий уровень знаний: задание выполнено полностью, были соблюдены все требования к написанию эссе: обозначена проблема и обоснована её актуальность, логично изложена собственная позиция, сформулированы выводы, тема раскрыта полностью, объём эссе выдержан, требования к внешнему оформлению соблюдены, даны ответы на поставленные в задании вопросы.

При постановке проблемы эссе студентами отмечалось, что *он [учитель] будет нести большую ответственность за тех, с кем он работает; будет знакомить учеников с другой культурой, с другим пониманием мира; в наше время молодые люди предпочитают профессии,*

где можно быстро реализоваться, достичь успеха, не прикладывая при этом усилий ... они имеют склонность изолироваться от общества; в условиях всё возрастающей роли глобализации и международного сотрудничества, знание иностранного языка давно перешло в разряд необходимых для комфортного существования навыков; профессия учителя была и остаётся одной из важнейших профессий в мире. Учителя формируют личность ребёнка, помогают ему социализироваться в обществе и подготовиться к взрослой жизни; именно он [учитель] возьмёт за руку и поведёт в мир знаний, открывая перед нами множество дорог в будущее.

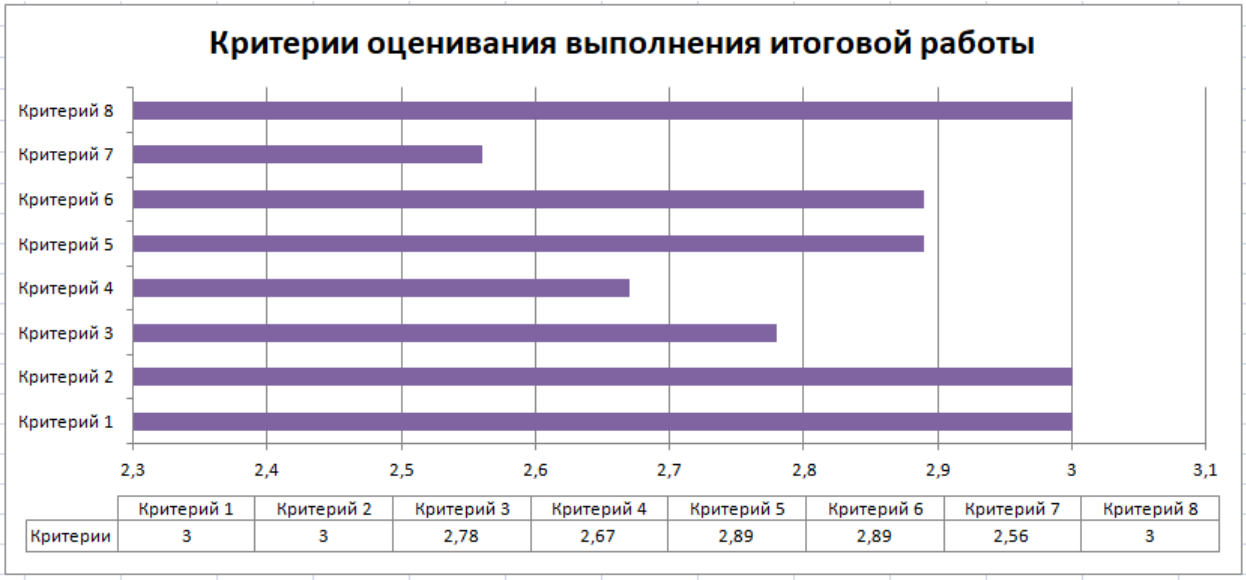
Аспекты «мотивация» и «ценности» были как выделены в отдельные блоки, так и «вкраплены» в общий текст эссе без специального указания на их названия. Так, в категории «мотивация» были отмечены такие мотивы, как *человек очень любит детей и желает с ними общаться, он хочет посвятить себя воспитанию детей; у каждого они [мотивы] свои; любовь к детям и людям в целом... ведь профессия должна доставлять удовольствие; желание изучать иностранные языки и культуры и взаимодействовать с разными людьми; желание дать подрастающему поколению знания о мире и возможность реализовать себя в будущем.* Среди ценностей современного учителя иностранного языка были выделены: *любовь и привязанность к детям, работа с ними, любовь к педагогическому труду, потребность в самореализации, самосовершенствовании и саморазвитии; педагог не может не проявить себя как личность, что обуславливает определённый набор ценностей; осознание общественной значимости своего труда, любовь к детям, возможность самосовершенствования, увлечение предметом, большой отпуск, конкурентоспособность, духовно-нравственная культура, творческий характер деятельности; не следует быть ориентированным на материальные блага.*

Студентами было отмечено, что современный учитель иностранного языка должен обладать такими умениями, навыками и знаниями, как *хорошо владеть языком, который он преподаёт, знать его систему и правила; должен быть знаком с культурой страны изучаемого языка; необходимым является умение общаться с учащимися, родителями и коллегами; необходимо быть ответственным, стрессоустойчивым, продвинутым, обаятельным, разносторонне развитым, увлечённым человеком; ученики хотят видеть перед собой умного друга, которому можно было бы доверять; в его [учителя] работе требуется практически ювелирная точность; он должен быть достаточно продвинутым,... но при этом достаточно консервативным; он [учитель] должен доступно и интересно объяснять материал, организовывать эффективную групповую деятельность; нужно обладать определённым мировоззрением – быть толерантным к чужой культуре, прогрессивно настроенным, иметь широкий кругозор и быть готовым постоянно развиваться, совершенствовать свой навык, следить за изменениями в языке, которые неотступно следуют за постоянно изменяющимся окружающим миром; стараться каждый раз узнавать что-нибудь новое; необходима творческая деятельность – организация необычных уроков и семинаров, создание интересных презентаций, поиск новых подходов к преподаванию и путей изложения материала; учитель должен уметь транслировать знания своим ученикам, развивать в них терпимость, любознательность и понимание важности международной коммуникации; учитель должен знать такие дисциплины как психология, педагогика, философия, лингводидактика; он должен избегать всякого рода предубеждений, чтобы не прививать негативные качества детям, воспринимающим его как образец подражания; иметь хорошую методическую подго-*

товку; обладать навыками психолога, уметь убеждать и разрешать межличностные конфликты, воздействовать на своих учеников; он должен овладеть такими компетенциями как лингвистическая, коммуникативная, социальная и учебно-познавательная; он [учитель] должен уметь отличать «чёрное» от «белого», а также важно уметь преподнести эти моральные ценности своим ученикам; уметь пользоваться новыми технологиями и всевозможными ресурсами для изучения языка.

В заключении утверждается, что *современный учитель иностранного языка должен быть образцом, которому стараются подражать ученики и к которому они стремятся; если все критерии чудесным образом совпали, и у вас есть желание посвятить себя подрастающему поколению, то, вероятно, по истечении некоторого времени, вы сможете ощутить бесценные плоды своего труда, выражающиеся в любви и доверии со стороны учеников; ведь на людях, задействованных в сфере иноязычного образования, лежит важная миссия – они вносят весомый вклад в создание нового, прогрессивного, толерантного общества, члены которого будут готовы к сотрудничеству с носителями чужого языка и представителями любой культуры; учитель иностранного языка – очень трудоёмкая и ответственная профессия, однако она не оставит вас разочарованным или равнодушным; учитель иностранного языка – многоаспектная и интересная профессия, крайне важная в современном мире; эта профессия очень многогранна и важна, но перед тем как сделать выбор в её пользу, необходимо хорошо подумать, обладаете ли вы подходящими качествами и готовы ли вы посвятить себя этому делу; выбор профессии учителя иностранных языков должен быть осознанным и ответственным, так как данная деятельность предполагает непрерывное саморазвитие, целый ряд важнейших компетенций, а также осознание своих мотивов и ценностей; хороший учитель сделает их [учеников] разносторонними личностями, а это в будущем превратит их в ценных работников.*

Представим графически уровень выполнения заданий итоговой работы по критериям (рис. 4). Для большей наглядности было проведено усреднение полученных данных каждого критерия.



	Критерий 1	Критерий 2	Критерий 3	Критерий 4	Критерий 5	Критерий 6	Критерий 7	Критерий 8
Критерии	3	3	2,78	2,67	2,89	2,89	2,56	3

Рис. 4. Уровень выполнения заданий итоговой работы по критериям (усреднённые величины)

Fig. 4. The level of final task completion in terms of criteria (average values)

Согласно полученным данным (см. рис. 4) можно утверждать, что все критерии характеризуются высоким уровнем выполнения (усреднённое значение уровня выполнения принадлежит интервалу [2; 3]). Наименьшее значение зафиксировано для Критерия 3 (Отражение аспекта «ценности») и зависящего от него Критерия 7 (Решение коммуникативной задачи). Такое снижение показателя Критерия 3 (величина = 2,67) связано с тем, что несколькими студентами не были явно выделены ценности, характеризующие профессию учителя иностранного языка, указанный аспект упоминался ими при описывании мотивационной сферы и знаний, необходимых будущему учителю. Если говорить о Критерии 7 (величина которого составила 2,56), то степень его выполнения зависела от выполнения остальных критериев: если один из аспектов не освящался или освещался недостаточно, то общий показатель выполнения работы (общее содержание) снижался. Отметим, что на общую степень выполнения задания, выражающуюся в суммировании оценок за все критерии, небольшие недочеты в работах влияния не оказали. Так, средний балл за все задания в группе составил 22,78, что характеризуется наличием у студентов высокого уровня теоретических знаний по тематике задания. Можно сделать вывод, что ценностное отношение к будущей профессии учителя иностранного языка сформировано, студент умеет грамотно излагать свои мысли, строя высказывания по заданной теме, используя и варьируя полученным в ходе практических занятий материалом, подкрепляя теоретические сведения практическими примерами, аргументируя свою точку зрения, формулируя выводы, мотивация к выполнению будущей педагогической деятельности у него высокая.

Теперь сравним результаты входного и выходного тестирования студентов. Так, на начальном этапе доминантными являлись ценности и мотивы, сопутствующие профессиональной деятельности, которые только отчасти можно было соотнести с педагогической профессией учителя иностранного языка (например, получать высокую заработную плату, работать в хороших условиях, иметь возможность самовыражения и другие). По результатам апробации педагогической модели и материалов практикума мы наблюдаем положительную динамику факторов ценностного и мотивационного отношения к будущей педагогической профессии: высоки показатели, отвечающие за степень освоенности знаний аксиологического и предметного характера, степень развития мыслительных навыков, уровень проявления творческих и исследовательских умений, готовность к постоянному самосовершенствованию и адекватный уровень самооценки себя как будущего педагога иностранного языка.

Таким образом, если говорить об общем уровне сформированности ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка как совокупности всех критериев, то данные, полученные нами путём проведения входного опроса и результаты анкетирования, тестирования и самооценки студентов после проведённого эксперимента, свидетельствуют о более высокой динамике развития результативной готовности студентов к ведению педагогической деятельности.

Выводы

Анализ проведённого педагогического эксперимента показал:

1) недостаточный начальный уровень сформированности ценностного и мотивационного отношения у студентов к педагогической профессии в рамках изучения особенностей существующей у студентов структуры ценностей и мотивов;

2) успешную апробация разработанной педагогической модели при проведении занятий в рамках практикума;

3) положительную динамику формирования ценностного отношения к буду-

щей профессии учителя иностранного языка у студентов как отражение интегративного взаимодействия показателей всех пяти блоков педагогической модели;

4) высокий итоговый уровень сформированности ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка, выявленный по результатам имплементации методик проверки критериально-оценочного блока модели (уровень ценностного и мотивационного критериев проверялся при помощи разработанного нами опросника; уровень содержательного критерия отражали результаты итогового тестирования по материалам практикума; уровень рефлексивного критерия оценивался как интегративный показатель, объединяющий результаты наблюдения за студентами при решении практических задач и результаты итогового тестирования.

Следовательно, полученные в ходе экспериментального обучения данные подтверждают гипотезу исследования и указывают на эффективность применения предлагаемой педагогической модели.

Важно отметить, что проведённая нами опытно-экспериментальная апробация педагогической модели формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов педагогических специальностей в современных условиях общества выявила её эффективность и доказала возможность практического внедрения в учебный процесс в педагогическом вузе. Полученные результаты дают основания считать, что поставленные в исследовании задачи выполнены, а гипотеза подтверждена. Следует отметить, что проведённое исследование не исчерпывает всех вопросов изучаемой проблемы. Перспективным будет проведение дальнейших исследований, касающихся решения аксиологических проблем профессиональной подготовки учителя иностранного языка, в частности, с теоретическим обоснованием эффективности применения современных электронных, личностно-ориентированных технологий для повышения процесса формирования ценностного отношения к будущей профессии учителя иностранного языка на современном этапе развития общества.

Список литературы

1. Андреева О. А. Просветительская деятельность в условиях современной глобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-1 (43). С. 223-227.

2. Гришкова В. И. Университетское образование в современном мире // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 2. С. 25-26.

3. Andronachea D., Bocoúa M., Bocoúa V., Macri C. Attitude towards Teaching Profession // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. No 142. P. 628 – 632.

4. Kumar Ajay. Attitude Towards Teaching Profession in Relation to Adjustment among Senior Secondary School Teachers // International Journal of Science and Research (IJSR). 2015. Vol. 4(4). P. 830-833.

5. Maslinsky K., Ivaniushina V. To Remain as a Teacher: Factors Influencing Attitudes towards Leaving the Teaching Profession // Voprosy obrazovaniya = Educational Studies. 2016. No 4. P. 8-30.

6. Nenty H. J., Moyo Sello, Phuti Fiji. Perception of Teaching as a Profession and UB Teacher Trainees Attitude towards Training Programme and Teaching // Educational Research and Reviews. 2015. Vol. 10(21). P. 2797-2805.

7. Odike M., Nnaekwe U. K. Influence of Teachers' Attitude towards Teaching Profession on Under Graduate Non-Education Students Perception of Teacher Education // International

Journal of Academic Research in Progressive Education and Development. 2018. No. 4, Vol. 7. P. 67–79.

8. Soibamcha E. Attitude of Teachers Towards Teaching Profession // Quest Journals. Journal of Research in Humanities and Social Science. 2016. Vol. 4(6). P. 103-105.

9. Анненкова А. В. Понятие ценности и ценностного отношения к профессии учителя у студентов педагогических специальностей // Научный поиск молодых исследователей: электр. науч. журнал. 2017. № 1 (5). URL: http://scientific-search.kursksu.ru/index.php?page=6&new=5 (дата обращения: 07.12.2020).

10. Анненкова А. В. Формирование профессиональной компетенции преподавателя иностранного языка у студентов педагогических специальностей // Обучение иностранным языкам – современные проблемы и решения: сб. итог. матер. I Междунар. науч.-практ. конф. им. Е.Н. Солововой. Обнинск: Титул, 2020. С. 747-753.

11. Анненкова А. В. Формирование ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов во время обучения в педагогическом вузе // Языковое образование: традиции и современность: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти доктора пед. наук, профессора Е.Н. Солововой. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 229-230.

12. Баянкина Е. Г. Пути интеграции высшей школы в межкультурное образовательное пространство // Региональная стратегия вхождения вузов в международное образовательное и научное пространство: мат. науч.-практ. конф. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2000. С. 86.

13. Егорова В. И., Левина Л. В. Английский язык для аспирантов и магистрантов. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2016. 179 с.

14. Кремнева А. В., Попадинец Р. В. Вербальный образ «своего» и «не-своего» преподавателя глазами представителей разных культур // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2010. № 15. С. 179-184.

15. Кремнева А. В., Попадинец Р. В. Образ преподавателя высшей школы глазами иностранных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 2. С. 179-186.

16. Махова В. В. Развитие мотивационно-смысловой регуляции учебной деятельности студентов // Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве: сборник статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 01–30 июня 2006 года. Пенза: Общественная организация Общество “Знание” России, 2006. С. 68-70.

17. Махова В. В. Развитие коммуникативной компетенции и формирование устойчивой мотивации студентов в научно-профессиональной сфере (на примере обучения английскому языку) // Профессиональное образование. Столица. Новые педагогические исследования. 2007. № 5. С. 120-130.

18. Таныгина Е. А., Никитенкова Т. С. Образ университета, стоящий за словами образование, ВУЗ, университет в сознании современных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2020. № 4 (67). С. 87-97.

19. Таныгина Е. А., Нефедов Н. Г., Рубцов Н. Ю. Образ современной школы в сознании русскоязычных студентов // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. науч. статей VIII Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 2020. С. 412-416.

20. Renthlei M. L., Malsawmi H. Construction of an Attitude Scale towards Teaching Profession: A Study among Secondary School Teachers in Mizoram // International Journal of Arts, Humanities and Management Studies (IJAHMS). April 2015. Vol. 01, No.4. P. 29-36.

21. Шумакова О. А. Самонаблюдение в освоении профессионального опыта будущими педагогами-психологами // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 62. С. 332-339.

22. Khakunova F. P., Shkhakhutova Z. Z., Bersirova A. K. Professional competence build-up among future teachers and teaching psychologists during professional training // International Scientific and Practical Conference “Teacher Professionalism: Psychological and Pedagogical Support of a Successful Career” (ICTP 2020). SHS Web of Conferences. 2020. No 87, 00033. https://doi.org/10.1051/shsconf/20208700033

23. Анненкова А. В. К проблеме разработки модели формирования ценностного отношения студентов к будущей профессии учителя // Научный поиск молодых исследователей: электр. науч. журнал. 2017. №2(6). URL: http://scientific-search.kursksu.ru/index.php?page=6&new=6 (дата обращения: 12.04.2021).

24. Анненкова А. В., Семенова Ю. И. Методические аспекты моделирования процесса формирования ценностного отношения к будущей профессии учителя иностранного языка у студентов педагогического вуза // Актуальные проблемы современного иноязычного образования: ст. № 6. Курск: КГУ, 2017.

25. Анненкова А. В. Моделирование процесса формирования ценностного отношения к будущей профессии как отражение реалий современного общества (на примере будущего учителя иностранного языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 1. С. 94–112.

26. Анненкова А. В. Формирование ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов во время обучения в педагогическом вузе // Актуальные проблемы современного иноязычного образования: ст. ст. № 10. Курск: КГУ, 2019.

27. Анненкова А. В. Обзор теоретико-методологических аспектов процесса формирования ценностного отношения к профессии учителя иностранного языка у студентов педагогических специальностей // Обучение иностранному языку: современность и перспективы: сб. науч. статей регионал. науч.-метод. конф. Курск, 2019. С. 37-50.

28. Анненкова А. В. Педагогический эксперимент как имплементация педагогической модели: некоторые результаты опытно-экспериментальной работы (на примере будущего учителя иностранного языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 3. С. 137–157.

29. Головей Л. А. Практикум по возрастной психологии / под ред. Л. А. Головей, Е. Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. 694 с.

30. Рогов Е. И. Учитель как объект психологического исследования: пособие для школьных психологов по работе с учителем и педагогическим коллективом. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. 496 с.

References

1. Andreeva O. A. Prosvetitel'skaya deyatel'nost' v usloviyakh sovremennoy globalizatsii [Enlightenment activity in the situation of modern globalization]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of Southwest State University*, 2012, no. 4-1 (43). pp. 223-227.

2. Grishkova V. I. Universitetskoe obrazovanie v sovremennom mire [University education in the modern world]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*, 2009, no 2, pp. 25-26.

3. Andronachea D., Bocoúa M., Bocoúa V., Macri C. Attitude towards Teaching Profession. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, no 142, pp. 628 – 632.

4. Kumar Ajay. Attitude Towards Teaching Profession in Relation to Adjustment among Senior Secondary School Teachers. *International Journal of Science and Research (IJSR*), 2015, vol. 4(4), pp. 830-833.

5. Maslinsky K., Ivaniushina V. To Remain as a Teacher: Factors Influencing Attitudes towards Leaving the Teaching Profession. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies*. Moscow, 2016, no. 4, pp. 8-30.

6. Nenty H.J., Moyo Sello, Phuti Fiji. Perception of Teaching as a Profession and UB Teacher Trainees Attitude towards Training Programme and Teaching. *Educational Research and Reviews*, 2015, vol. 10(21), pp. 2797-2805.

7. Odike M., Nnaekwe U. K. Influence of Teachers' Attitude towards Teaching Profession on Under Graduate Non-Education Students Perception of Teacher Education. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development,* 2018, no. 4, vol. 7, pp. 67–79.

8. Soibamcha E. Attitude of Teachers Towards Teaching Profession. *Quest Journals. Journal of Research in Humanities and Social Science*, 2016, vol. 4(6), pp. 103-105.

9. Annenkova A. V. Ponyatie tsennosti i tsennostnogo otnosheniya k professii uchitelya u studentov pedagogicheskikh spetsial'nostei [A concept of the value and value-based attitude towards the teaching profession by students of teaching disciplines]. *Nauchnyi poisk molodykh issledovatelei: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Scientific Search by Young Researchers: Online Scientific Journal,* 2017, no 1 (5). Available at: http://scientific-search.kursksu.ru/index.php?page= 6&new=5 (accessed 07.12.2020).

10. Annenkova A. V. [Formation of professional competence of foreign language teachers by students of pedagogical universities]. *Obuchenie inostrannym yazykam – sovremennye problemy i resheniya: sbornik itogovykh materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii im. E.N. Solovovoy* [Foreign language teaching – modern problems and solutions. Proceedings of I International scientific and practical conference named after E.N. Solovova]. Obninsk, 2020, pp. 747-753 (In Russ.).

11. Annenkova A. V. [Formation of students' value-based attitude towards foreign language teacher profession during training at pedagogical university]. *Yazykovoe obrazovanie: traditsii i sovremennost'. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati doktora pedagogicheskikh nauk, professora Solovovoy E.N.* [Linguistic training: tradition and modernity. Proceedings of International scientific and practical conference dedicated to the memory of E.N. Solovova, Doctor of Education]. Moscow, 2019, pp. 229-230 (In Russ.).

12. Bayankina E. G. [Ways of higher school integration into cross-cultural educational system]. *Regional'naya strategiya vkhozhdeniya vuzov v mezhdunarodnoe obrazovatel'noe i nauchnoe prostranstvo. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Regional strategy for universities to enter international education and scientific system. Proceedings of scientific and practical conference]. Tambov, 2000, pp. 86 (In Russ.).

13. Egorova V. I., Levina L. V. *Angliyskiy yazyk dlya aspirantov i magistrantov* [English for Post-graduate and Master's Degree Students]. Kursk, Southwest State University Publ., 2016, 179 p.

14. Kremneva A. V., Popadinets R. V. Verbal'nyi obraz «svoego» i «ne-svoego» prepodavatelya glazami predstavitelei raznykh kul'tur [Verbal image of "our" and "not-our" teacher from perspectives of representatives of different cultures]. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty = Linguistic & Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects*, 2010, no. 15, pp. 179-184.

15. Kremneva A. V., Popadinets R. V. Obraz prepodavatelya vysshei shkoly glazami inostrannykh studentov [Image of a graduate school instructor through the eyes of foreign students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2011, no. 2, pp 179-186.

16. Makhova V. V. [Development of motivational and goal setting regulation of students' learning activities]. *Problemy obrazovaniya v sovremennoi Rossii i na postsovetskom prostranstve. Sbornik statei po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of education in modern Russia and in the post-Soviet space. Collection of articles based on th materials of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Penza, 2006, pp. 68-70 (In Russ.).

17. Makhova V. V. Razvitie kommunikativnoi kompetentsii i formirovanie ustoichivoi motivatsii studentov v nauchno-professional'noi sfere (na primere obucheniya angliiskomu yazyku) [Development of communicative competence and the formation of sustainable motivation of students in the scientific and professional field (on the example of teaching English).]. *Zhurnal «Professional'noe obrazovanie Stolitsa = Journal "Professional education. Capital". Novye pedagogicheskie issledovaniya = New Pedagogical Research*, 2007, no. 5, pp. 120-130.

18. Tanygina E. A., Nikitenkova T. S. [The inner image of modern university in the language consciousness of Russian students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology*, 2020, no. 4 (67), pp. 87-97.

19. Tanygina E. A., Nefedov N. G., Rubtcov N. Yu. [The image of modern school in language consciousness of Russian students]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda: sbornik nauchnykh statei VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language or specific purposes: system, function, environment. Collection of scientific articles of the VIII international scientific and practical conference]. Kursk, 2020, pp. 412-416 (In Russ.).

20. Renthlei M. L., Malsawmi H. Construction of an Attitude Scale towards Teaching Profession: A Study among Secondary School Teachers in Mizoram. *International Journal of Arts, Humanities and Management Studies (IJAHMS)*. April, 2015, vol. 01, no. 4, pp. 29-36.

21. Shumakova O. A. Samonablyudenie v osvoenii professional'nogo opyta budushchimi pedagogami-psikhologami [Introspection as a method of professional experience assimilation by future teachers-psychologists]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, no. 62, pp. 332-339.

22. Khakunova F. P., Shkhakhutova Z. Z., Bersirova A. K. Professional competence build-up among future teachers and teaching psychologists during professional training. *International Scientific and Practical Conference "Teacher Professionalism: Psychological and Pedagogical Support of a Successful Career"* (ICTP 2020). SHS Web of Conferences, 2020, no 87, 00033. https://doi.org/10.1051/shsconf/20208700033.

23. Annenkova A. V. K probleme razrabotki modeli formirovaniya tsennostnogo otnosheniya studentov k budushchei professii uchitelya [To the problem of model development of students' value attitudes formation towards future teaching profession]. *Nauchnyi poisk molodykh issledovatelei: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Scientific Search by Young Researchers: online scientific journal,* 2017, no 2 (6). Available at: http://scientific-search.kursksu.ru/ index.php?page=6&new=6 (accessed 12.04.2021).

24. Annenkova A. V., Semenova Yu. I. [Methodical aspects of modeling of value attitudes formation towards future teaching profession by students of pedagogical universities]. *Aktual'nye problemy sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya* [Most relevant issues of modern foreign language education: collection of articles]. Kursk, 2017, no. 6 (In Russ.)

25. Annenkova A. V. Modelirovanie protsessa formirovaniya tsennostnogo otnosheniya k budushchey professii kak otrazhenie realiy sovremennogo obshchestva (na primere budushchego uchitelya inostrannogo yazyka) [Modelling of the Formation of Value-Based Attitude Towards a Future Teaching Profession as the Reflection of Contemporary Society (Example of Future Foreign Language Teachers)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*

Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics, 2021, no. 11(1), pp. 94-112.

26. Annenkova A. V. [Formation of students' value-based attitude towards foreign language teacher profession during training at pedagogical university]. *Aktual'nye problemy sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya: sbornik statei* [Most relevant issues of modern foreign language education. Collection of articles]. Kursk, 2019, no. 10 (In Russ.).

27. Annenkova A. V. [Brief review of theoretical and methodological background of students' value attitudes formation towards future English teacher profession]. *Obuchenie inostrannmou yazyku: sovremennost' i perspektivy. Sbornik nauchnyh statej regional'noj nauchno-metodicheskoj konferencii* [Teaching a foreign language: modernity and prospects. Collection of scientific articles of the regional scientific and methodological conference]. Kursk, 2019, pp. 37-50 (In Russ.).

28. Annenkova A. V. Pedagogicheskiy eksperiment kak implementatsiya pedagogicheskoy modeli: nekotorye rezul"taty opytno-eksperimental"noy raboty (na primere budushchego uchitelya inostrannogo yazyka) [Pedagogical Experiment as Implementation of Pedagogical Model: Some Results of Experimental Work (Example of Future Foreign Language Teachers)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2021, no. 11(3), pp. 137–157.

29. Golovey L. A. *Praktikum po vozrastnoy psikhologii* [Practicum on developmental psychology]; ed. by L. A. Golovey, E. F. Rybalko. St. Petersburg, Rech Publ., 2002. 694 p.

30. Rogov E. I. *Uchitel' kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya* [Teacher as an object of psychological research]. Moscow, Humanitarian publishing house VLADOS Publ., 1998. 496 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Анненкова Антонина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Antonina V. Annenkova, Cand. of Sci (Philological), Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: Antonina-1984@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК81.432.1–99

Личностная и профессиональная толерантность как составляющие профессиональной компетентности студентов юридических специальностей

Л.Н. Казакова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: l_kazakova@mail.ru

Резюме

Цель статьи – рассмотреть понятие толерантности через призму развития профессиональных компетенций будущих юристов. На основе современных психолого-педагогических исследований прослеживаются особенности формирования личностной и профессиональной толерантности в условиях овладения профессиональными и общекультурными компетенциями. Предлагаются эффективные задания для аудиторной работы, апробированные в процессе преподавания иностранного языка студентам юридических специальностей. Методы исследования: компаративный, типологический, формально-аналитический. Исследование проводится с применением интегративного и системного подходов к преподаванию иностранного языка студентами неязыковых специальностей. Актуальность статьи обусловлена развитием юридических наук, повышением профессиональных требований как к начинающим специалистам, так и к преподавателям, обеспечивающим выполнение учебных планов и образовательных программ.

Проблема взаимодействия личностной и профессиональной толерантности рассматривается в образовательном процессе юридического факультета классического университета. Формирование личности будущего юриста предполагает наличие компетенций, определяющих не только профессиональное, но и межличностное взаимодействие. Развитие профессиональных качеств специалиста, отмеченных в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования, непосредственно связано с процессом воспитания толерантной личности. Толерантность является составляющей человека личностно зрелого, уважающего других, способного к конструктивному взаимодействию, умеющего разрешать конфликтные ситуации. Это способствует становлению эффективного взаимодействия на организационном и управленческом уровнях правовой сферы. Приведены результаты исследований, свидетельствующие, что коммуникативная толерантность как разновидность личностной толерантности, зачастую не сформирована у студентов-первокурсников. В то же время профессиональная подготовка будущих специалистов должна предполагать её осознанное осмысление и впоследствии формирование на ее основе толерантности профессиональной. От умения грамотно организовать взаимодействие людей друг с другом будет зависеть как результат конкретного общения, так и реализация профессиональных целей и задач.

Ключевые слова: *компетенция; компетентность; личностная толерантность; профессиональная толерантность; коммуникативная толерантность.*

Конфликт интересов: *Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Казакова Л.Н. Личностная и профессиональная толерантность как составляющие профессиональной компетентности студентов юридических специальностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 177-187. .

Статья поступила в редакцию 09.11.2021 Статья подписана в печать 27.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Казакова Л.Н., 2022

Personality and Professional Tolerance as Essential Parts of Professional Competence of Law Students

Liudmila N. Kazakova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail_kazakova@mail.ru

Abstract

This article considers the concept of tolerance in the aspect of professional competencies essential for the future lawyers' educational training. On the basis of modern psychological and pedagogical research, the features of the formation of personality and professional tolerance in the conditions of the development of professional and general cultural competencies are traced. Research methods: comparative, typological, formal-analytical. The research is carried out using integrative and systematic approaches to teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. The relevance of the article is provided by the development of legal sciences, the increase of professional requirements for both probation specialists and teachers who ensure the implementation of curricula and educational programs.

The problem of interaction between personality and professional tolerance is considered in the educational process of the Law Faculty at classical University. Formation of a personality for a probation lawyer presupposes the presence of competencies aimed not only to law, but also to the sphere of personal interaction at work. The development of professional qualities of a specialist, noted in the Federal State Educational Standard of Higher Professional Education, is directly related to the process of educating a tolerant professional. Tolerance is a feature of a mature person being self-confident, respectful to others, capable to provide constructive interaction, and able to resolve conflict situations. This contributes to the formation of effective interaction at the organizational and managerial levels within the legal sphere. The results of research are presented, indicating that communicative tolerance, as a kind of interaction between personality and professional tolerance. It is not often pertained to first-year students, but the professional training of future specialists should assume its active development and, subsequently, the formation of professional tolerance on its basis. The ability to competently organize the interaction of people with each other will depend on both the result of specific communication and the implementation of professional goals and objectives.

Keywords: *competency; competence; personality tolerance; professional tolerance; communicative tolerance.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kazakova L. N. Personality and Professional Tolerance as Essential Parts of Professional Competence of Law Students. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 177–187 (In Russ.).

Received 09.11.2021 Accepted 27.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Термин «толерантность» был введен в 1953 году в медицинский дискурс английским иммунологом П.Б. Медаваром (1915-1987) [1]. В медицинской терминологии «толерантность» определяет иммунологическое состояние организма, не способного сопротивляться заболеванию и вырабатывать антитела. Примерно с 90-х годов XX века термин начал активно функционировать в сфере социальных наук. Расширение сферы функционирования сопровождалось изменением семантики понятия. Общепринятая в социуме трактовка термина отличается от буквального перевода и от исходного медицинского толкования. С точки зрения антропологии толерантности провозглашает равенство всех людей, независимо от различий, обусловленных расой или особенностями культурного или же физического развития. Словарь Longman

Dictionary of English Language and Culture подчеркивает «желание, готовность принимать без сопротивления или позволять поведение, верования и традиции, которые человеку не нравятся» [2, с. 1418]. Словарь Macmillan English Dictionary for Advanced Learners определяет, что «толерантность – это готовность без критики принимать…иной образ жизни» [3, с. 1518]. Следовательно, общекультурное значение термина не сводится к «терпимости», определяя умение объективно принимать и адекватно воспринимать иные, не схожие с общепринятыми, взгляды и убеждения. В условиях мультикультурализма термин начинает активно функционировать в юридических науках, определяя дружественные, добропорядочные, мирные взаимоотношения между разными нациями и национальностями [4; 5].

В условиях мультикультурализма, начиная примерно со второй половины XX века и далее, на рубеже XX-XXI веков, понятие «толерантность» активно функционирует в системе самых разных наук: в психологии, педагогике, в юриспруденции и обществоведении. В системе международного права принцип толерантности закреплен в таких международных документах, как «Всеобщая декларация прав человека» (1948), «Международный пакт о гражданских и политических правах» (1966), «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (1966). В 1995 голу принята «Декларация принципов толерантности ЮНЕСКО» [6]. Оригинальное название *Declaration of principles on tolerance* в русскоязычном переводе представлено как «Декларация принципов терпимости», иллюстрируя выраженную синонимичность понятий «толерантность» и «терпимость». Трактовка термина в данном случае соответствует исходному, то есть медицинскому толкованию. В условиях XXI века термин всё активнее развивается в педагогике, в системе высшего образования. В мае 2015 года в Волгограде при поддержке ассоциации иностранных студентов России прошел съезд иностранных студентов России [7], на котором вопросы толерантности решались в основном в связи с проблемами терроризма, экстремизма как форм социальной агрессии, угрожающих национальной безопасности. Будущим специалистам сферы национальной безопасности следует говорить и о том, что, когда мы терпимы (то есть толерантны) к ненависти, насилию и жестокости, мы способствуем их распространению, нарушая права граждан и порядок в обществе. Популярность концепта все выше, о чем свидетельствует факт официального назначения ЮНЕСКО международного Дня Толерантности 16 ноября. Всё выше сказанное обуславливает необходимость тщательной проработки концепта «толерантность» преподавателями юридических факультетов, введение в практику работы технологий и методических приёмов, направленных на понимание смысла понятий, на формирование личностной и, в дальнейшем, профессиональной толерантности.

Актуальность, а также практическая значимость выбранной темы определяется необходимостью рассматривать понятие «толерантность» при изучении иностранного языка студентами-юристами. Теоретическая значимость определена анализом специфики терминов «личностная толерантность» - «профессиональная толерантность» с выявлением различий между понятиями.

Результаты и обсуждение

Российский ученый А. В. Хуторской рассматривает систему компетенций «через призму образовательного процесса», так как именно внутри него компетенции получают развитие и формируются. Ученый вводит понятие «образовательная компетенция»: «Образовательная компетенция – это совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необхо-

димых для осуществления личностно и социально-значимой продуктивной деятельности» [8, с. 77].

Хуторской предлагает следующую «иерархию образовательных компетенций»:

– ключевые компетенции – относятся к общему (метапредметному) содержанию образования;

– общепредметные компетенции – относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей;

– предметные компетенции – частные по отношению к двум предыдущим уровням компетенции, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов.

Согласно данной концепции, ключевые метапредметные компетенции выделяются на основе приоритетных целей образования, структуры деятельности обучающегося и в процессе приобретения социального опыта. Исходя из этих предпосылок, ученый относит к ключевым ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые компетенции, а также компетенции личностного самосовершенствования.

Предлагаемая Хуторским концепция позволяет рассматривать понятие толерантности в аспекте профессиональных [8, с. 143] и личностных компетенций. Сравним понятия «личностная толерантность» и «профессиональная толерантность».

1. Личностная толерантность (далее – ЛТ) подразумевает прежде всего зрелость суждений, ценностно-смысловое содержание, в котором центральное место занимают «уважение к человеку, его право и свобода ответственности за собственную жизнь и признание таковой за каждым человеком вне зависимости от его национальных, религиозных или культурных различий» [8, с. 78]. Личностная толерантность выражается в умении контролировать эмоции и поступки, вести себя корректно по отношению к другим по национальности людям, их верованиям и обычаям.

*2. Профессиональная толерантность (*далее – ПТ*)* для специалистов социальной сферы определяет способность конструктивно мыслить и эффективно действовать в сложных или нестандартных условиях, не выходя за рамки профессионально приемлемого поведения. Профессиональная толерантность позволяет сохранить устойчивость к воздействию стрессовых факторов, обеспечивает оптимальную адаптированность, контактность и коммуникабельность в профессиональной сфере [9], а также предполагает конструктивное восприятие различных точек зрения. То есть профессиональная толерантность предполагает «отказ от догматизма в условиях профессиональной коммуникации» [9], нацеленность на конструктивные действия для решения профессиональных задач наиболее оптимальным образом.

Сопоставление смыслов понятий позволяет проследить ориентированность ЛП на развитие личностных качеств. В то же время ПТ более ориентирована на действия, на принятие и реализацию профессиональных решений. Оптимальной средой для выявления степени сформированности ЛТ и ПТ являются уровни межличностный и профессиональный коммуникации. В коммуникации проявляется «гибкость или жесткость установки на общение как свидетельство сформированности или несформированности личностной толерантности» [9]. Термин «коммуникативная толерантность» был предложен В.В. Бойко [10]. Ученый также описал поведенческие признаки, которые свидетельствуют о «несформированности коммуникативной толерантности и отрицательной коммуникативной установке» [10, с. 397]. К таковым исследователь относит: «завуалированную жестокость» по отношению к людям, «склонность делать необоснованные обобщения негативных фактов в области взаимоот-

ношений с партнерами, негативный личный опыт в общении с окружающими» [10, с. 398].

Бойко выделяет следующие типы коммуникативной толерантности: *ситуативная* (терпимое отношение личности к конкретному человеку); *типологическая* (терпимое отношение человека к собирательным типам личностей или группам людей); *профессиональная* (терпимое отношение к собирательным типам людей, с которыми приходится иметь дело по роду деятельности); «*общая коммуникативная толерантность*» (терпимое отношение к людям в целом, тенденции, обусловленные жизненным опытом, установками, свойствами характера, нравственными принципами, состояниям психического здоровья человека) [10, с. 405].

Профессиональная толерантность специалистов социальной сферы представляет собой «интегральную характеристику, определяющую способность конструктивно действовать в особо сложных или нестандартных условиях, то есть действовать, «не выходя за рамки профессионально приемлемого поведения» [10, с. 407].

Как следствие, профессиональная толерантность обуславливает «устойчивость к воздействию профессионального стресса, сохранение социально-психологической адаптивности» [8, с. 143] специалиста, способность разрешать конфликтные ситуации через понимание и восприятие различных точек зрения, определяя способность к профессиональному росту, к командной работе, определяет нацеленность команды на успех.

Рассмотрим приоритетные признаки развитой коммуникативной толерантности, актуальные для начинающего юриста: умение вставать на точку зрения другого, как способность преодолевать свой эгоцентризм; умение общаться с различными, а порой и противоположными по характеру и типу мышления группами людей; способность контролировать процесс общения. Поскольку данные умения формируются в процессе коммуникации, следовательно, их можно развивать в процессе профессиональной подготовки, применяя эффективные технологии, предлагая обучающемуся соответствующую мотивацию.

Учебные планы и рабочие программы юридического факультета для развития коммуникативных компетенций предлагают формы семинарских и лабораторных занятий, коллоквиумов, ролевых игр и бесед, предполагают решение профессиональных задач с использованием блок-схем различных уровней. Рабочие программы направлены на формирование учебных компетенций (УК), общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных компетенций (ПК). Например, УК4: «способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранных языках, для академического и профессионального взаимодействия». УК4.1: «устанавливает и развивает профессиональные контакты в соответствии с потребностями совместной деятельности, включая обмен информацией и выработку единой стратегии взаимодействия; ОПК 2: «способен анализировать мировоззренческие, социальные и личностно значимые проблемы в целях формирования ценностных, этических основ профессионально-служебной деятельности»; ОПК-2.3: «выполняет задачи профессионально-служебной деятельности, основываясь на нормах морали, служебной этики и этикета»; ПК1: способен проектировать правовые нормы для различных уровней нормотворчества и сфер профессиональной деятельности»[1].

При методической подготовке и планировании учебных занятий преподавателю необходимо ориентироваться не только на реализацию учебных целей и задач, но и на формирование соответствующих компетенций, что требует применения интегративного подхода и

[1] УП специальности 400501. Правовое обеспечение национальной безопасности. Курск: ЮЗГУ, 2021.

более тщательной предварительной разработки учебных заданий, интегрирования в учебный процесс заданий и задач, направленных на формирование соответствующих компетенций

Выводы

Планирование занятия и разработка методических материалов, ориентированных на развитие образовательных компетенций, направленных на формирование личностной и профессиональной толерантности, предполагают предварительный анализ межличностного общения студентов в группе. Для предварительного определения сформированности личностной толерантности можно предложить следующий *questionnaire*. Форма приводится с ответами студентов 1 курса юридического факультета специальности 400501 «Правовое обеспечение национальной безопасности», что позволяет проследить степень сформированности личностной толерантности. Задача студентов, получивших анкету: ответить на вопросы, оценить сложность коммуникативных характеристик по 10-балльной шкале:

Таблица 1. Результаты анкетирования студентов с целью определения первичной сформированности понимания понятия «личностная толерантность»

Table 1. The results of questioning the law students in order to point out the comprehension of “individual tolerance”

№	*Ситуация*	*Ваша оценка сложности/ стрессовости предлагаемой ситуации (1-10)*
1	Личностное неформальное общение со сверстниками других национальностей	7-8
2	Общение в условиях учебной работы в группе студентов основной специальности	2-3
3	Ваши предпочтения для обращения за помощью, советом: а. студент вашей группы одной с вами национальности; б. студент вашей группы, но другой национальности;	0-2 5-6
4	Знаете ли вы, представители каких национальностей есть в вашей группе? а. да б. нет	Да – 80% Нет – 20%
5	Приходилось ли вам быть свидетелями/участвовать в конфликтах, основанных на национальных разногласиях? а. да б. нет	Да – 30% Нет – 70%
6	Ваша профессия предполагает умение толерантно относиться к представителям разных национальностей? а. да б. нет с. не знаю	Да – 45% Не знаю – 55%

Традиционно предлагаемая студентами специальности 400501 в начале курса «Иностранный язык» анкета включает 16 вопросов, состоит из 2 частей: вопросы и задания тестового типа. Ответы представлены в сводной табл. 1, иллю-

стрирующей ответы обучающихся с целью предварительного анализа степени сформированности толерантности. Результаты анкетирования студентов 1 курса на протяжении 3 лет показывают недостаточное понимание смысла понятия «толерантность», несформированность личностной толерантности. Анкета также показывает недостаточное понимание студентами первого года обучения значения понятия «толерантность» для будущей профессиональной деятельности.

Далее приводятся образцы практических заданий, осуществляющие пошаговый алгоритм введения понятия «толерантность» в практику работы на занятиях по иностранному языку: от простого комментирования содержания прочитанного и понимания сути термина «профессиональна толерантность» до трактовки различий между терминами «личностная, коммуникативная, профессиональная толерантность» и самостоятельного распознавания признаков нетолерантного поведения, а также развития навыка решения профессиональных задач посредством коммуникации.

Task 1. Read the text and answer the questions:

Tom is a probation lawyer. He defends people at work. His clients are people of different nationalities, religious beliefs and customs. He has to stay tolerant and keep contacts with all individuals who need help and legal advice…

What does Tom do?
What are his professional duties?
What does ‘tolerance’ mean?
Does the text tell about personality or professional tolerance? Why? [11, с.19].

В задании 1 во время чтения несложного текста происходит первичное осмысление взаимосвязи между профессиональной деятельностью юриста и понятием «толерантность».

Task 2. Match the terms to their definitions:

1. Tolerance -
2. Personality Tolerance -
3. Professional Tolerance –
4. Communicative tolerance -

_A_ The word _____originates from Latin “tolerantia” – “to bear”, “to endure”, “to overcome” (Komlev, 2006), which reflects only the separate aspects of the modern ideas about the tolerance construct. It is the diversity of the tolerance concept that defines variability of directions in the approaches of psychological and socio-psychological studies [9];

_B_ Ability to develop contacts and communicate with respect and understanding other people needs getting mutual understanding and respect [4];

_C_ Readiness to behave peacefully, with a fair, objective, and permissive attitude toward opinions, beliefs, and practices that differ from one's own [5].

__D_ “willingness to accept behaviour and beliefs that are different from your own, although you might not agree with or approve of them”
(Cambridge Dictionary) [5].

Задание 2 предполагает компаративный анализ терминов и их смыслов, анализ различий. Задание 3 направлено на самостоятельное осмысление профессиональной ситуации с привлечением концепта «толерантность», развивает умение логически мыслить на иностранном языке по заданной теме, выстраивать предложения, самостоятельно анализировать ситуацию и делать выводы.

Task 3. Professional advice

Situation to be considered:

Mike and Anna have worked together for the Artel Company for many years. One day they quarrel and split up. Afterward An-

na learned that Mike had been saying negative things behind her back – he mocked her accent and religious beliefs, he also said that she was incompetent and she is probably not above dipping her hands into the petty cash. Anna, feeling herself hurt and indignant, wants to sue Mike for defamation.

Give professional advice to explain professionally what has happened, to solve the situation (up to 4-5 sentences)

Formulate the problem statement (Describe the problem to be solved)

_____

Qualify the issue professionally (moral aspect, civil case or criminal case)

_____

Sum up, should Anna ask for legal advice? Why?

_____

Can you help her to write a paper? What kind of document it should be? [12].

_____

В статье приведены варианты возможных заданий разного типа. В зависимости от уровня конкретной группы преподаватель может разработать и предложить развернутые тексты для чтения и перевода или тестовые задания более высокого уровня сложности. После выполнения практических заданий, предполагающих осмысление термина «толерантность» в личностном и профессиональном смыслах, обучающимся следует вновь предложить анкету с вопросом о значимости понятия «толерантность» для профессиональной деятельности. Как показывает практика, итоговое анкетирование целесообразно во втором семестре изучения иностранного языка. Результаты итогового анкетирования, позволяющего определить эффективность работы на этапе усвоения концепта и его смыслов, приведены в табл. 2. По результатам анкетирования преподаватель может судить о необходимости дополнительной проработки смысла терминов и о возможности проведения итогового лексико-грамматического тестирования с заданиями на определение различий между понятиями, на умение их правильно толковать и применять в профессиональной деятельности. Приведенные в табл. 2 результаты позволяют преподавателю провести анализ проделанной работы, показывают необходимость дальнейшей проработки темы «Словообразование», развитие навыка практического применения суффиксов и префиксов английского языка со значением «отрицание».

Таблица 2. Результаты анкетирования студентов с целью определения сформированности понимания различий между личностной и профессиональной толерантностью

Table 2. The results of questioning the law students in order to point out the formation level of the distinction between the terms “individual tolerance” and “professional tolerance”

№	Задание	Результаты
1	Name 3 necessary professional qualities a lawyer should have: Назовите 3 необходимых юристу профессиональных качества: _____ _____ _____ Есть ли TOLERANCE среди необходимых юристу профессиональных качеств: A. Не уверен B. Да, но в числе последующих C. Не знаю, что это	Наиболее частые ответы (88%): A. experienced B. honest C. tolerant 12% ответов B

Окончание табл. 2

Table 2 (ending)

№	Задание	Результаты
2	What does ‘tolerance” mean: Выберите основное, что определяет Professional tolerance: A. Being calm and kindhearted; B. Readiness to collaborate ad communicate constructively with other colleagues; C. Readiness to behave peacefully towards other people with various opinions, views and beliefs;	78% ответов С (правильный ответ)
3	What is personality Tolerance? Что определяет личностную толерантность: A. Readiness to behave peacefully towards other people with various opinions, views and beliefs; B. Readiness to keep law and order; C. Readiness to cooperate with other people and to communicate at work.	85% ответов А (правильный ответ)
4	Would you like to work in a team where professional tolerance is being developed as a priority? Хотели бы вы работать в коллективе, где учитывается и развивается профессиональная толерантность? A. Да B. Нет C. Не знаю	Да- 95% Не знаю – 5%
5	Приведите антонимы к следующим характеристикам: Give antonyms (opposites) to the words: Tolerant – Honest – Experienced –	47% правильных ответов: Intolerant; Dishonest; Unexperienced

В сложных условиях современного взаимодействия между нациями и государствами начинающим юристам следует более детально знакомиться с разными смыслами привычных понятий. Смыслы понятий «профессионал», «специалист» сегодня предполагают умение гибко взаимодействовать с разными концепциями и трактовками, сохраняя способность к оперативной работе, к конструктивному осмысленному действию.

Список литературы

1. Медицинский портал. URL: https://meduniver.com/Medical/Microbiology/215.html Медавар П.Б.

2. Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson, 2005. 1620 p.

3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. URL: https://www. macmillandictionary.com/

4. Legal dictionary. URL: https://dictionary.law.com/Default.aspx?typed=tolerant%20views&type=1.

5. Cambridge Dictionary online. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/tolerance.

6. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.

7. Материалы II съезда иностранных студентов России. URL: https://ais-rus.com/events/one/25.

8. Хуторской А.В. Методология инновационной практики в образовании. М.: Ридеро, 2021. 162 с.

9. Черникова И.С., Луговая О.М. Профессиональная толерантность специалистов социальной сферы; комплексная характеристика и технологии формирования // Инновационный центр развития образования и науки. URL: https://izron.ru/articles/voprosy-sovremennoy-pedagogiki-i-psikhologii-svezhiy-vzglyad-i-novye-resheniya-sbornik-nauchnykh-tru/sektsiya-6-teoriya-i-metodika-professionalnogo-obrazovaniya-spetsialnost-13-00-08

10. Бойко В.В., Ковалев А.Г, Панферов В.Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. М.: Мысль. 1983. 410 с.

11. Казакова Л.Н. Иностранный язык (английский) в сфере юриспруденции. Курск, 2021. 133 с.

12. Казакова Л.Н. Формирование коммуникативной готовности к восприятию аудио и видео материалов в преподавании английского языка студентам юридических специальностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. №4. С.142–153.

13. Казакова Л.Н., Равшан Ш. Языковая и поведенческая толерантность как элемент профессиональной компетентности переводчика // Язык для специальных целей: системы, функции, среда: сборник научных статей VI международной научно-практической конференции. Курск, 2016. С. 143-148.

References

1. *Medicinskij portal* [Medical portal]. Available at: https://meduniver.com/Medical/Microbiology/215.html Medavar P.B.

2. Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson, 2005. 1620 p.

3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Available at: https://www.macmillandiction-ary.com/

4. Legal dictionary. Available at: https://dictionary.law.com/Default.aspx?typed=tolerant%20views&type=1.

5. Cambridge Dictionary online. Available at: https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/an-glijskij/tolerance.

6. *Deklaraciya principov tolerantnosti. Utverzhdena rezolyuciej 5.61 General'noj konferencii YUNESKO ot 16 noyabrya 1995 goda* [Declaration of Principles of Tolerance. Approved by resolution 5.61 of the UNESCO General Conference of November 16, 1995]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/ decl_ conv/declarations/toleranc.shtml.

7. *Materialy II s"ezda inostrannyh studentov Rossii* [Materials of the II Congress of Foreign Students of Russia]. Available at: https://ais-rus.com/ events/one/25.

8. Hutorskoj A.V. *Metodologiya innovacionnoj praktiki v obrazovanii* [Methodology of innovative practice in education]. Moscow, Ridero Publ., 2021. 162 p.

9. Chernikova I.S., Lugovaya O.M. Professional'naya tolerantnost' specialistov social'noj sfery; kompleksnaya harakteristika i tekhnologii formirovaniya [Professional tolerance of social sphere specialists; complex characteristics and technologies of formation]. *Innovacionnyj centr razvitiya obrazovaniya i nauki* [Innovative Center for the Development of Education and Science]. Available at: https://izron.ru/articles/voprosy-sovremennoy-pedagogiki-i-psikhologii-

svezhiy-vzglyad-i-novye-resheniya-sbornik-nauchnykh-tru/sektsiya-6-teoriya-i-metodika-professionalnogo-obrazovaniya-spetsialnost-13-00-08

10. Bojko V.V., Kovalev A.G., Panferov V.N. Social'no-psihologicheskij klimat kollektiva i lichnost' [Socio-psychological climate of the team and personality]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 410 p.

11. Kazakova L.N. *Inostrannyj yazyk (anglijskij) v sfere yurisprudencii* [Foreign language (English) in the field of law]. Kursk, 2021. 133p.

12. Kazakova L.N. Formirovanie kommunikativnoj gotovnosti k vospriyatiyu audio i video materialov v prepodavanii anglijskogo yazyka studentam yuridicheskih special'nostej [Formation of communicative readiness for the perception of audio and video materials in teaching English to law students]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2021, no. 4, pp. 142–153.

13. Kazakova L.N., Ravshan Sh. [Linguistic and behavioral tolerance as an element of a translator's professional competence]. *Yazyk dlya special'nyh celej: sistemy, funkcii, sreda. Sbornik nauchnyh statej VI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Language for special purposes: systems, functions, environment. Collection of scientific articles of the VI International Scientific and Practical Conference]. Kursk, 2016, pp. 143-148 (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the Author

Казакова Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: l_kazakova@mail.ru

Liudmila N. Kazakova, Cand. of Sci. (Philological), Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: _kazakova@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 378.147:81

Влияние ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, на целевые установки студентов в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе

В. В. Махова[1] ✉

[1]Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: veronicamax@bk.ru

Резюме

Стагнация в различных сферах деятельности человека во многом вызвана неснижающимся уровнем заболеваемости новой коронавирусной инфекцией, что также негативно сказывается на образовательном процессе в высшей школе.

Отсутствие возможности участвовать в международных партнерских программах вузов по академическому обмену изменяет потребности обучаемых и в изучении иностранного языка. Осознанные потребности постепенно трансформируются в мотивы, которые «стимулируют» и «направляют» обучающегося и во многом определяют эффективность и успешность процесса обучения.

***Цель** данного исследования – оценить сформированность мотивации, что возможно, наблюдая за поведением обучающихся, а также при помощи анкетирования или опроса. Наши наблюдения за студентами в течение последних двух лет свидетельствуют о падении уровня мотивации, что ведет к снижению интереса к дисциплинам, связанным с изучением иностранного языка студентами неязыковых специальностей, как следствие, к более низким результатам.*

***Задача** исследования – получить уточненную картину, касающуюся потребностей и мотивов, побуждающих обучающихся в ЮЗГУ осваивать дисциплины, связанные с изучением иностранного языка, в современных условиях, для этого необходимо проведение опроса.*

***Объектом** исследования в нашей работе являются потребности студентов в изучении в вузе таких дисциплин, как «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере».*

***Предметом** исследования являются целевые установки обучающихся. Для реализации поставленной задачи применялись методы опроса, аналитико-синтетической и статистической обработки данных, классификации и систематизации. Проблемы, связанные с мотивацией к обучению в вузе и к изучению иностранного языка, не новы и изучались в разные периоды развития общества. В исследованиях, проведенных в «доковидный» период, когда активно развивались межвузовские отношения как внутри страны, так и с зарубежными партнерскими университетами, указывалось, что у студентов отмечался высокий интерес к иностранному языку, что было вызвано возможностью участвовать в студенческих академических обменах, международных проектах за рубежом и т. д. Затянувшаяся вспышка коронавирусной инфекции изменила ситуацию, и возникла необходимость уточнить, каковы целевые установки современного студента, чтобы скорректировать процесс обучения иностранному языку с целью повышения его эффективности.*

Анализ результатов исследования показал, что на первый план студентами выдвигаются целевые установки более знакомые им, хотя из данного опроса не ясно, как они намереваются их реализовывать. Целевые установки, направленные на познавательную деятельность, должны быть ведущими в процессе обучения в вузе, но они занимают вторую позицию. А то, что ориентирует студентов на деятельность, выходящую, условно говоря, «за территориальные границы России», обучаемых интересует в меньшей степени.

Для того, чтобы скорректировать преподавательскую деятельность с целью актуализации познавательных мотивов и ориентации обучаемых на более активную научную деятельность, а также повысить их заинтересованность в изучении иностранного языка, необходимо еще получить представление о том, каким образом студенты предполагают достигать интересующие их цели, а также цели, которые преподаватели намереваются актуализировать, что требует выявления средств достижения соответствующих целей и проведения дополнительного исследования.

© Махова В. В., 2022

***Ключевые слова**: изучение иностранного языка; неязыковой вуз; целевые установки; потребности; мотивы.*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Махова В. В. Влияние ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией, на целевые установки студентов в процессе изучения иностранного языка в неязыковом вузе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 188-199. .

Статья поступила в редакцию 17.01.2022 Статья подписана в печать 22.02.2022 Статья опубликована 11.04.2022

The Influence of Restrictions Caused by Coronavirus Infection on the Students' Goal Settings when Learning a Foreign Language in a Non-Linguistic University

Veronika V. Makhova[1] ✉

[1]Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: veronicamax@bk.ru

Abstract

***Relevance**. Stagnation in various spheres of human activity is largely caused by the non-decreasing incidence of a new coronavirus infection, which also negatively affects the educational process in universities.*

Lack of opportunities to participate in international university partner programs for academic exchange changes students' needs in learning a foreign language. Conscious needs gradually transform into motives that 'stimulate' and 'guide' students and largely determine the effectiveness and success of the learning process.

***The purpose** of this study is to assess the level of motivation development, which is possible by observing students' behaviour as well as by means of a questionnaire or survey. Our observations of students over the past two years indicate a drop in the level of motivation, which leads to a decrease in interest in disciplines related to the study of a foreign language by students of non-linguistic specialties and, consequently, to lower outcomes.*

***The objective** of the study is to obtain a refined picture of the needs and motives that encourage SWSU students to master disciplines related to the study of a foreign language in modern conditions; to do this surveying is necessary.*

***The scope** of the study is the students' needs in studying such disciplines as Foreign Language and Foreign Language in the Area of Professional Activity at university.*

***The subject** of the study is students' goal setting.*

***Methodology.** To implement the objective set, the methods of surveying, analytical-synthetic and statistical data processing, classification and systematization were used.*

The issues associated with motivation in learning at university and in learning a foreign language are not new and have been studied in different periods of the development of society. The studies conducted in the "pre-Covid" period, when interuniversity relations were actively developing both within the country and with foreign partner universities, argue that students' interest in learning a foreign language was very high, which was caused by opportunities to participate in student academic exchanges, international projects abroad, etc.

The protracted outbreak of coronavirus infection has changed the situation, and it is necessary to clarify what the goals of a modern student are in order to adjust the process of teaching a foreign language to increase its effectiveness.

***The study results** analysis showed that students put forward the goal settings that are more familiar to them, although it is not clear from this survey how they intend to achieve the goals. Goal settings aimed at cognitive activity should be leading in the learning process at university, but they are ranked the second. And settings which direct students to activities that, figuratively speaking, "beyond the territorial borders of Russia", are of less interest to students.*

In order to adjust teaching activities to actuate cognitive motives and focus students on scientific activities as well as increase their interest in learning a foreign language, it is also necessary to get data on how they intend to achieve the goals set as well as the goals that teachers consider to be important, which requires the identification of means to achieve the relevant goals and, consequently, an additional study.

Keywords: *learning a foreign language; non-linguistic university; goals; needs; motives.*

Conflict of interest: *The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Makhova V. V. The Influence of Restrictions Caused by Coronavirus Infection on the Students' Goal Settings when Learning a Foreign Language in a Non-Linguistic University. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 188–199 (In Russ.).

Received 17.01.2022 Accepted 22.02.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Современные условия, характеризующиеся некоторой стагнацией в различных сферах деятельности человека, во многом определяются неснижающимся уровнем заболеваемости новой коронавирусной инфекцией. «Воздействие» коронавируса COVID-19 также негативно сказывается и на образовательном процессе в высшей школе в Российской Федерации: перевод отдельных форм обучения в дистанционный формат, сокращение очных контактов между студентами как внутри страны, так и на международном уровне.

Отсутствие возможности участвовать в международных партнерских программах вузов по академическому и научному обмену обучающимися и научными работниками, сворачивание ряда проводимых проектов, по нашему мнению, изменяет потребности в изучении иностранного языка.

Как известно, потребности тесно связаны с мотивами. Осознанные потребности постепенно трансформируются в мотивы, которые «стимулируют» и «направляют» обучающегося и во многом определяют эффективность и успешность всего процесса обучения. Отсутствие устойчивой мотивации не позволяет сформировать установку, цель которой – постоянное овладение знаниями, умениями и навыками с целью профессионального роста с использованием иностранного языка.

Вопросы мотивации студентов рассматриваются с разных позиций многими исследователями [1-13]. Однако все придерживаются точки зрения относительно того, что оценить сформированность мотивации возможно, наблюдая за поведением обучающихся, а также при помощи анкетирования или опроса. Наши наблюдения за студентами в течение последних двух лет свидетельствует о падении уровня мотивации, что ведет к снижению интереса к предмету, как следствие, к более низким результатам.

С целью получения уточненной картины, касающейся потребностей в изучении иностранного языка, и мотивов, побуждающих обучающихся в ЮЗГУ осваивать дисциплины, связанные с изучением иностранного языка, в современных условиях, необходимо проведение опроса.

Объектом исследования в нашей работе являются потребности студентов в изучении в вузе таких дисциплин, как «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере».

Предметом исследования являются соответствующие целевые установки обучающихся.

Материалы и методы

Заявленная тема исследования предполагает анализ состояния текущей ситуации, касающейся мотивации обучающихся на занятиях по таким дисциплинам, как «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфе-

ре», что может быть сделано только опосредованно, а следовательно, требует применения таких методов, как наблюдение и опрос.

В работе также использовались такие общенаучные методы, как методы сбора и обработки информации (аналитико-синтетическая обработка), методы классификации и систематизации, которые применялись в ходе опроса проведенного при помощи разработанной автором анкеты, нацеленной на выявление целевых установок обучающихся, а также и статистической обработки полученных результатов, которые послужили материалом данного исследования.

Результаты и обсуждение

Обсуждение

Проблема мотивированности студентов на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе всегда стояла достаточно остро, так как иностранный язык изучается на начальных курсах, когда студенты еще не имеют четких представлений о своей будущей профессиональной деятельности (нехватка профессиональных знаний) и, как следствие не могут четко проследить возможность реального взаимодействия с профессионально-ориентированным иноязычным текстом. Ситуация, сложившаяся в связи коронавирусом COVID-19 еще больше усугубляет ситуацию, так как у обучаемых отсутствуют возможности участвовать в международных партнерских программах вузов по академическому обмену, что «гасит» потребность в изучении иностранного языка, не давая ей трансформироваться в мотив.

По мнению И. А. Зимней, потребность является энергетическим источником деятельности; при этом потребность определяет не деятельность, а то, на что она направлена, то есть ее предмет. Предметность и мотивированность деятельности являются ее основными характеристиками [14, с. 65].

Исполнительным механизмом деятельности является смысловая установка, а мотивационным механизмом смыслообразования является мотив. Жизненный смысл мотива определяет особенности побуждения к деятельности, как в качественном, так и в количественном отношении. Образ будущего результата деятельности фиксируется в понятии «цель». Д. А. Леонтьев характеризует понятие личностный смысл объектов и явлений действительности как «составляющую образов восприятия и представления соответствующих объектов и явлений, отражающую жизненный смысл для субъекта и презентирующую его субъекту посредством эмоциональной окраски образов и их трансформаций» [15, с. 181].

Успешность обучения в вузе складывается из многих разноплановых составляющих, среди которых можно выделить уровень довузовской подготовки, умение планировать и контролировать деятельность, мотивы выбора вуза, представления об обучении в вузе, психологические особенности обучающихся, а также факторы, составляющие мотивационное поле личности [16, с. 79].

Известно, что мотивация может быть положительной и отрицательной, внешней и внутренней. Положительная внешне организованная мотивация включает в себя формирование познавательных, профессиональных и моральных мотивов, а общая внутренняя мотивация – это направленность на получение новых знаний, включая профессиональные. У студентов, имеющих вышеназванные сформированные мотивы, учебная деятельность достаточно стабильна, но может присутствовать избирательность в отношении к изучаемым дисциплинам – профессионально значимые и те, которые не нужны.

Рассмотрим ряд научных работ, исследовавших вопрос мотивации студентов в неязыковом вузе в «доковидный» период, когда активно развивались межвузовские отношения как внутри страны,

так и с зарубежными партнерскими университетами.

М. В. Воробьева и В.Ю. Питюков обращают внимание, что понимание важности знания иностранного языка (в том числе профессиональной направленности) возникает у студентов сферы туризма в ходе прохождения практик; кроме того, авторы указывают, что «в процессе студенческой практики осуществляется подготовка практической основы для освоения последующего теоретического материала», который легче усваивается, будучи подкрепленным понятными примерами из практики [8].

По мнению Э. Т. Костоусовой у студентов «… наблюдается сохранение и увеличение интереса к английскому языку в техническом вузе, преобладает внутренняя мотивация над внешней… Несмотря на обилие информации и недостаток времени, они осознают важность иностранного языка не только как фактора получения престижной профессии, но и средства развития интеллекта, познавательных процессов и коммуникации» [9].

О. В. Сиротина отмечает, что «благодаря расширению профессиональных контактов, более свободному обмену информацией … стало возможным … разностороннее общение на международном уровне. Знание иностранных языков даёт возможность устанавливать образовательные, культурные и профессиональные контакты» [10]. Однако автор указывает, что студенты начальных курсов технических вузов в большей степени ориентированы на дисциплины профильной специальности, поэтому «ставят иностранный язык на последнее место»; однако уже на старших курсах приходит понимание того, что «инженерия развивается в глобальном масштабе, и английский язык становится средством освоения опыта и передовых знаний, необходимым инструментом профессионального развития» [10]. Аналогичного мнения придерживается Н. П. Попова [11].

При этом Е. Г. Молодых-Нагаева, Е. А. Чувильская [12] и И. В. Загоскина [13] обращают внимание на ряд проблем, связанных с мотивацией студентов технического вуза к изучению иностранного языка, и необходимость поддержания мотивационного потенциала за счет определенных «стимулов», используя IT-технологии.

Таким образом, именно реальные ситуации актуализируют потребности и мотивы студентов. Возникает необходимость уточнить то, из чего складывается мотивационная сфера современного студента, чтобы скорректировать процесс обучения иностранному языку с целью повышения его эффективности. В данном случае под мотивационной сферой нами понимаются мотивы, потребности, интересы обучающихся.

Результаты

Как указывалось выше, с целью изучения мотивационной сферы обучающихся использовался опрос, нацеленный на выявление целевых установок студентов, разработанный и несколько скорректированный для настоящего исследования автором. Опрос позволяет определить, какие возможности хотели бы иметь обучающиеся при изучении иностранного языка и при обучении в вузе в целом. Студентам было предложено ответить на 10 вопросов: «При изучении иностранного языка в вузе вы бы хотели иметь возможность:

– участвовать в международных студенческих конференциях и конкурсах;

– познакомиться с деятельностью студенческих научных обществ в других вузах России и за рубежом;

– научиться пользоваться справочными материалами и специальными журналами;

– научиться переводить научные статьи, рефераты, описания изобретений по специальности с английского языка на русский;

– научиться пользоваться поисковыми системами сети Internet на английском языке;

– приобретать новые знания с использованием современных образовательных технологий (в том числе, в открытых международных университетах);

– пройти курс обучения, стажировку или поехать на работу на каникулах за границу;

– научиться читать и понимать англоязычные тексты по специальности с целью извлечения полезной информации;

– научиться кратко излагать на русском языке информацию из прочитанных на английском языке текстов;

– научиться кратко излагать на английском языке информацию из прочитанных на английском языке текстов» [17]. Студенты должны были выбрать один из трех вариантов ответов («да», «нет», «не знаю»).

Опрос проводился анонимно, в нем участвовали студенты первых курсов Юго-Западного государственного университета, обучающиеся по техническим направлениям подготовки (всего 120 человек).

Проведя статистическую обработку полученных данных, мы получили показатели целевых установок студентов первых курсов технических направлений подготовки, касающихся изучения иностранного языка в вузе (рис. 1).

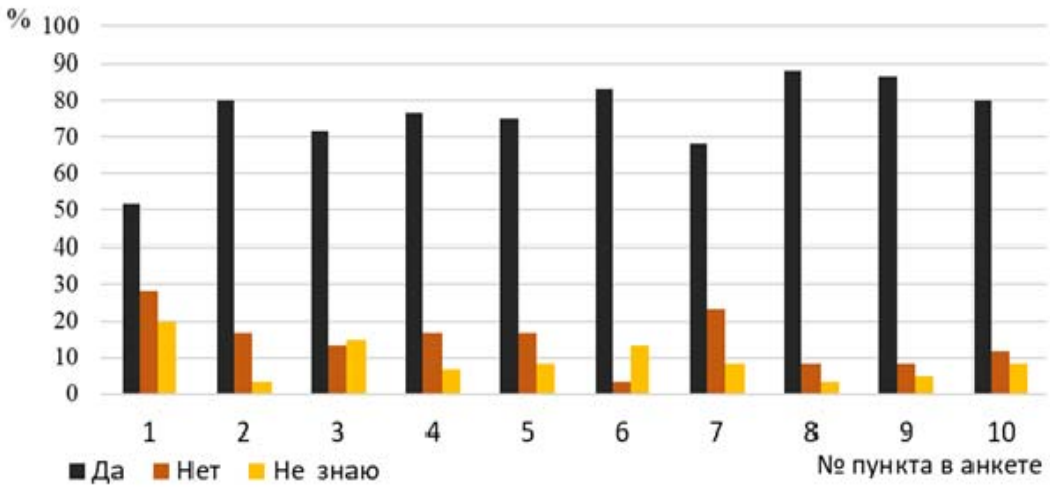


Рис. 1. Показатели целевых установок студентов

Fig. 1. Indicators of students goal setting

Общий взгляд на диаграмму показывает, что, исходя из процентного соотношения утвердительных ответов на вопросы анкеты, сформулированные выше, студенты проявляют заинтересованность в изучении иностранного языка – **более 50%** на все вопросы. При этом обращает на себя внимание то, что обучающиеся выделяют **2**, **6** и **8-10** пункты анкеты – **80% и более** утвердительных ответов. Чуть ниже постараемся дать объяснение такому выбору студентов.

При этом стоит обратить внимание не только на ответы студентов, которые в той или иной степени мотивированы на изучение иностранного языка, но и на ответы немотивированных и «сомневающихся», тех, кто в ответах выбрал вариант «не знаю». Как видно из диаграммы, «сомневающихся» в целом гораздо меньше, чем тех, кто уверен, что им иностранный язык совсем не нужен. Мы писали, что опрос проводился среди студентов, обучающихся на первом курсе, и хотим отметить, что многие студенты при-

ходят в вуз с убеждением, что они пришли «за профессией», а «иняз» им не нужен. На данные показатели важно обратить внимание не только преподавателям вузов, но и школьным учителям – гораздо легче изначально изменить подход к обучению, нежели «сломать» устоявшиеся негативные убеждения и сформировать новые.

Исходя из формулировки вопросов анкеты, достаточно условно мы можем разделить «целевые установки студентов» на 3 группы:

– *группа 1* – целевые установки, связанные с ***пониманием и воспроизведением научных текстов*** (8-10 вопросы анкеты);

– *группа 2* – ***когнитивные*** целевые установки, направленные на ***познание нового, участие в студенческой научной деятельности*** (1-4, 7 вопросы анкеты);

– *группа 3* – целевые установки, связанные с ***использованием сети Internet*** (5, 6 вопросы).

Стоит отметить, что вопрос № 6 «Приобретение новых знаний с использованием современных образовательных технологий (в том числе, в открытых международных университетах)» может быть в равной степени отнесен как ко второй, так и к третьей группе «целевых установок», но, на данном этапе, нами было принято решение отнести его к группе 3.

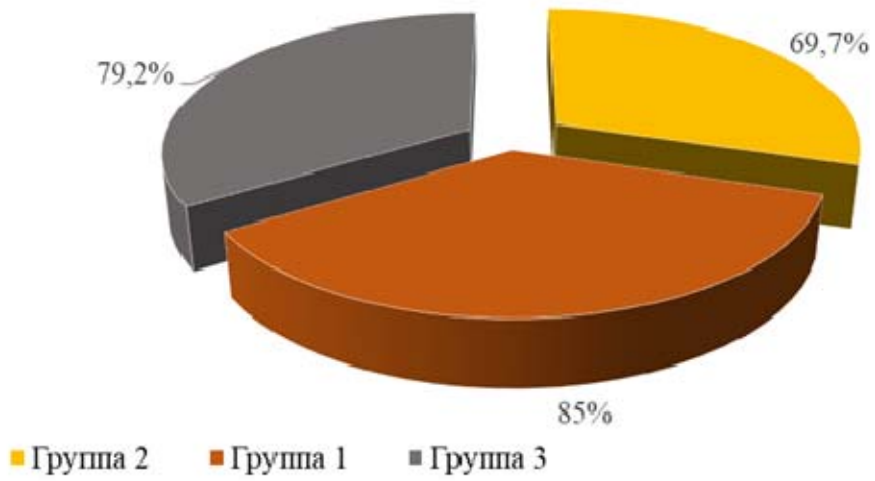


Рис. 2. Распределение «целевых установок» по значимости

Fig. 2. Distribution of goal setting according to significance

Рассмотрев распределение «целевых установок студентов» по значимости, исходя из ***усредненного количества утвердительных ответов на вопросы анкеты*** в соответствии с обозначенными выше группами, мы получили следующую картину, визуально отображенную на рис. 2:

- **85%** студентов на первый план выдвигают целевые установки, относящие к ***группе 1***, связанные с ***пониманием и воспроизведением научных текстов***;
- **79,2 %** респондентов считают ***когнитивные*** целевые установки ***группы 2***, связанные с ***познавательной, научной деятельностью*** достаточно важными;
- **69, 7 %** опрошенных обращают внимание на использование сети ***Internet и современных образовательных технологий*** – целевые установки, относящиеся к ***группе 3***.

Более детальный анализ полученных результатов свидетельствует о том, что студенты не имеют достаточного представления о том, что такое «научная дея-

тельность» – это видно из слабой корреляции между ответами на вопрос 1 «Возможность участия в международных студенческих конференциях и конкурсах» и вопрос 2 «Возможность познакомиться с деятельностью студенческих научных обществ в других вузах России и за рубежом» (51,7% vs 80%), что вполне объяснимо для студентов начальных курсов вуза, которые не всегда четко представляют себе даже учебную работу, в которой они должны быть задействованы. Вышеназванные вопросы сказались на усредненных результатах «целевых установок», направленных на познание нового, участие в студенческой научной деятельности.

При этом обучающимся гораздо понятнее цели, связанные с работой с конкретным учебным материалом, представленным в более знакомом варианте – в виде текста, что отражено в «целевых установках» группы 1.

Целевые установки, относящиеся к группе 3, переплетаются с когнитивными, что, по нашему мнению, также снизило количество утвердительных ответов на вопросы анкеты.

И последним фактором, который по результатам исследования негативно сказался на целевых установках, является, как нами и предполагалось, исходя из наблюдений, высокий уровень заболеваемости коронавирусом COVID-19, что отражено в результатах анализа ответов на вопрос 1 «Возможность участия в международных студенческих конференциях и конкурсах» и вопрос 7 «Возможность пройти курс обучения, стажировку или поехать на работу на каникулах за границу», которые, собственно, также принадлежат к «познавательным установкам» – самые низкие показатели опросника – 51,7 % и 68,3 %, соответственно.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в настоящее время в России и в мире, оказывает значительное воздействие на потребности обучающихся, что можно проследить по результатам проведенного исследования. Интерес к изучению иностранного языка, хоть и остается на достаточно высоком уровне, зависит и от возможности его использования в реальном общении за пределами страны. Тем не менее, преподавателям надо проводить разъяснительную работу, направленную на развитие когнитивной группы мотивов, что, по нашему мнению, должно положительно сказаться и на актуализации интереса к изучению иностранных языков.

Выводы

Исходя из наблюдений за обучаемыми, мы предположили, что в настоящее время в связи с неснижающимся уровнем заболеваемости новой коронавирусной инфекцией COVID-19, который приостановил многие международные студенческие программы между вузами-партнерами, изменил и потребности студентов в изучении иностранного языка. С целью получения уточненной картины, нами было проведено исследование, касающееся потребностей, побуждающих обучающихся в ЮЗГУ осваивать дисциплины, связанные с изучением иностранного языка. Используя авторский опросник, нами выявлены целевые установки обучающихся.

Проведенные статистическая обработка и анализ полученных данных, в ходе которых выявлялись целевые установки студентов, исходя из трех групп: 1) связанные с пониманием и воспроизведением научных текстов; 2) когнитивные и 3) связанные с использованием сети Internet) продемонстрировали в целом достаточно высокий уровень заинтересованности в изучении иностранного языка – более 50%, исходя из процентного соотношения утвердительных ответов на все вопросы анкеты.

При этом, согласно распределению «целевых установок студентов» по значимости, исходя из усредненного количества утвердительных ответов на вопросы

анкеты в соответствии с обозначенными выше группами, на первый план студенты выдвигают целевые установки, связанные с пониманием и воспроизведением научных текстов, далее следуют установки, связанные с познавательной, научной деятельностью, а на третьем месте стоят целевые установки направленные на использование сети Internet и современных образовательных технологий.

Обращает на себя внимание тот факт, что обучаемые имеют слабое представление о «научной деятельности», что вполне объяснимо для студентов первого курса вуза. Обучающимся гораздо понятнее цели, связанные с работой с конкретным учебным материалом, представленным в более знакомом варианте – в виде текста, что также отражено в целевых установках. Целевые установки, направленные на использование сети Internet и современных образовательных технологий, переплетаются с когнитивными, что, по нашему мнению, также отразилось на более низких полученных показателях.

И в заключении остановимся на влиянии высокого уровня заболеваемости коронавирусом COVID-19 на целевые установки студентов в процессе изучения иностранного языка. Показатели соответствующих целевых установок, касающихся возможности участвовать в международных студенческих конференциях и конкурсах и возможности пройти курс обучения, стажировку или поехать на работу на каникулах за границу (которые, также принадлежат к когнитивным установкам) являются самыми низкими, что объективно подтверждает наше предположение о негативном влиянии сложившейся ситуации и связанных с ней ограничений на потребности обучаемых и их заинтересованность в изучении иностранного языка.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в настоящее время в России и в мире, оказывает значительное воздействие на потребности обучающихся: на первый план выдвигаются целевые установки более знакомые студентам, хотя из данного опроса неясно, как они намереваются их реализовывать. Целевые установки, направленные на познавательную деятельность, должны быть ведущими в процессе обучения в вузе, но они занимают вторую позицию. А то, что ориентирует студентов на деятельность, выходящую, условно говоря, «за территориальные границы России», обучаемых интересует в меньшей степени. Для того, чтобы скорректировать преподавательскую деятельность с целью актуализации познавательных мотивов и ориентации обучаемых на более активную научную деятельность и повысить их заинтересованность в изучении иностранного языка, необходимо еще получить представление о том, каким образом студенты предполагают достигать интересующие их цели, а также цели, которые преподаватели намереваются актуализировать, что требует выявления средств достижения соответствующих целей и проведения дополнительного исследования.

Список литературы

1. Анненкова А. В. Моделирование процесса формирования ценностного отношения к будущей профессии как отражение реалий современного общества (на примере будущего учителя иностранного языка) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 1. С. 94–112.

2. Анненкова А. В. К проблеме разработки модели формирования ценностного отношения студентов к будущей профессии учителя // Научный поиск молодых исследователей: электр. науч. журнал. 2017. №2 (6). URL: http://scientific-search.kursksu.ru/index.php?page=6&new=6 (дата обращения 07.12.2020).

3. Таныгина Е. А., Никитенкова Т. С. Образ университета, стоящий за словами образование, ВУЗ, университет в сознании современных студентов // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2020. № 4 (67). С. 87-97.

4. Махова В. В. Развитие мотивационно-смысловой регуляции учебной деятельности студентов // Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве: сборник статей по материалам VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Общественная организация Общество "Знание" России, 2006. С. 68-70.

5. Харзеева С. Э., Махова В. В. Метод проектов как средство активизации знаний в курсе "Язык для специальных целей" // Самостоятельная работа студентов и качество дипломированного специалиста: материалы научно-методической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов Курского государственного технического университета. Курск, 2008. С. 183-186.

6. Харзеева С. Э., Махова В. В. Развитие лингвопрофессиональной компетенции с помощью творческих заданий // Язык. Коммуникация. Культура: сб. материалов Всерос. научно-практ. электрон. конф. / ред. И.Ф. Шамара; ФГУП "Информрегистр", Федер. депозит. электрон. изд. Курск: КГМУ, 2008. С. 395-401. CD-R, рег. свид. № 13658, № гос. рег. 0320801431.

7. Махова В.В. Из опыта применения интерактивных методов обучения иностранному языку (На примере изучения темы “My University” // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.Г. Баянкина. Курск, 2018. С. 193-200.

8. Воробьева М. В., Питюков В. Ю. Профессиональная мотивация студентов туристского вуза. Одинцово: АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2013. 180 с.

9. Костоусова Э. Т. Мотивы изучения иностранного языка в техническом вузе как залог создания полиязычной среды // Международная конкурентоспособность университетов: опыт и перспективы создания полиязычной образовательной среды: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. С. 29-34.

10. Сиротина О. В. Мотивация в процессе обучения иностранному языку в техническом вузе // Научные труды КубГТУ. 2015. № 9. URL: https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0015/0508.pdf (дата обращения: 25.11.2021).

11. Попова Н. П. О проблемах мотивации студентов технического вуза к изучению иностранного языка // Ползуновский альманах. 2017. № 4 (4). С. 257-260.

12. Молодых-Нагаева Е. Г., Чувильская Е. А. Иностранный язык в неязыковом вузе: как мотивировать студента? // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=14871 (дата обращения: 05.01.2022).

13. Загоскина И. В. Мотивация в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 11. URL: http://e-koncept.ru/2019/192044.htm. (дата обращения: 05.01.2022). DOI 10.24411/2304-120X-2019-12044

14. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991. 219 с.

15. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М..: Смысл. 2003. 487 с.

16. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

17. Махова В.В. Развитие коммуникативной компетенции и формирование устойчивой мотивации студентов в научно-профессиональной сфере (на примере обучения английскому языку) // Журнал «Профессиональное образование. Столица»// Новые педагогические исследования. 2007. № 5. С. 120-130.

References

1. Annenkova A. V. Modelirovanie processa formirovaniya cennostnogo otnosheniya k budushchej professii kak otrazhenie realij sovremennogo obshchestva (na primere budushchego uchitelya inostrannogo yazyka) [Modelling of the Formation of Value-Based Attitude Towards a Future Teaching Profession as the Reflection of Contemporary Society (Example of Future Foreign Language Teachers)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2021, no. 11(1): 94–112.

2. Annenkova A. V. K probleme razrabotki modeli formirovaniya tsennostnogo otnosheniya studentov k budushchei professii uchitelya [To the problem of model development of students' value attitudes formation towards future teaching profession]. *Nauchnyi poisk molodykh issledovatelei: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Scientific Search by Young Researchers. Online Scientific Journal*, 2017, no 2 (6). Available at: http://scientificsearch.kursksu.ru/in-dex.php?page=6&new=6 (accessed 07.12.2020)

3. Tanygina E. A., Nikitenkova T. S. Obraz universiteta, stoyashchij za slovami obrazovanie, VUZ, universitet v soznanii sovremennyh studentov [The inner image of modern university in the language consciousness of Russian students]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya" = Herald of Tver State University. Series: Philology,* 2020, no 4 (67), pp. 87-97.

4. Makhova V. V. [Development of motivational and goal setting regulation of students' learning activities]. *Problemy obrazovaniya v sovremennoi Rossii i na postsovetskom prostranstve. Sbornik statei po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of education in modern Russia and in the post-Soviet space. Collection of articles based on th materials of the VIII International Scientific and Practical Conference]. Penza, 2006, pp. 68-70 (In Russ.).

5. Kharzeeva S. E., Makhova V. V. [The method of projects as a means of activating knowledge in the LSP course]. *Samostoyatel'naya rabota studentov i kachestvo diplomirovannogo spetsialista. Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei, sotrudnikov i aspirantov Kurskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Independent work of students and the quality of a graduate. Materials of a scientific and methodological conference of teachers, employees and graduate students of the Kursk State Technical University]. Kursk, 2008, pp. 183-186 (In Russ.).

6. Kharzeeva S. E., Makhova V. V. [Development of linguistic professional competence with the help of creative tasks]. *Yazyk. Kommunikatsiya. Kul'tura. Sb. materialov Vseros. nauchno-prakt. ehlektron. konf.* [Language. Communication. Culture. Collection of materials of all Russian scientific and practical electron. conf.]. FGUP "Informregistr", Feder. depozit. electronic edition. Kursk, 2008, pp. 395-401. CD-R, reg. № 13658, № gos. reg. 0320801431 (In Russ.).

7. Makhova V. V. [The Experience of Implementing Interactive Methods of Foreign Language Mastering (Mastering the Topic "My University")]. *Yazyk dlya spetsial'nykh tselei: sistema, funktsii, sreda. Sbornik nauchnykh statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi koyferentsii.* [Language for special purposes: system, functions, environment: collection of scientific articles of the VIII Int. scientific-practical conf.]. Kursk, 2018, pp. 193-200 (In Russ.).

8. Vorob'eva M. V., Pityukov V. Yu. *Professional'naya motivatsiya studentov turistskogo vuza* [Professional motivation of students of a tourist university]. Odintsovo, ANOO VPO "Odintsovskii gumanitarnyi institut" Publ., 2013. 180 p.

9. Kostousova E. T. [Motives for learning a foreign language at a technical university as a guarantee of creating a multilingual environment]. *Mezhdunarodnaya konkurentosposobnost' universitetov: opyt i perspektivy sozdaniya poliyazychnoi obrazovatel'noi sredy. Materialy I Vse-*

rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [International competitiveness of universities: experience and prospects of creating a multilingual educational environment. Materials of the I All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Ekaterinburg, 2016, pp. 29-34 (In Russ.).

10. Sirotina O. V. Motivatsiya v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku v tekhnicheskom vuze [Motivation in the process of teaching a foreign language at a technical university]. *Nauchnye trudy KuBGTU = Scientific works of KubSTU*, 2015, no. 9. Available at: https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0015/0508.pdf (accessed: 25.11.2021).

11. Popova N. P. O problemakh motivatsii studentov tekhnicheskogo vuza k izucheniyu inostrannogo yazyka [Some problems of motivation of students of a technical university to study a foreign language]. *Polzunovskii al'manakh = Polzunovskiy Almanac*, 2017, no. 4 (4), pp. 257-260.

12. Molodykh-Nagaeva E. G., Chuvil'skaya E. A. Inostrannyi yazyk v neyazykovom vuze: kak motivirovat' studenta? [A foreign language in a non-linguistic university: how can students be motivated?]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2014, no. 5. Available at: https://science-education.ru/ru/article/ view?id=14871 (accessed 05.01.2022).

13. Zagoskina I. V. Motivatsiya v obuchenii inostrannym yazykam v neyazykovom vuze [Motivation in teaching foreign languages in a non-linguistic university]. *Nauchno-metodicheskii ehlektronnyi zhurnal "KontsepT" = Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"*, 2019, no. 11. DOI 10.24411/2304-120X-2019-12044. Available at: http://e-koncept.ru/2019/192044.htm. (accessed 05.01.2022).

14. Zimnyaya I. A. *Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole* [Psychology of teaching foreign languages at school]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 219 p.

15. Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003. 487 p.

16. Il'in E. P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter Publ., 2003. 512 p.

17. Makhova V. V. Razvitie kommunikativnoi kompetentsii i formirovanie ustoichivoi motivatsii studentov v nauchno-professional'noi sfere (na primere obucheniya angliiskomu yazyku) [Development of communicative competence and the formation of sustainable motivation of students in the scientific and professional field (on the example of teaching English).]. *Zhurnal «Professional'noe obrazovanie. Stolitsa. Novye pedagogicheskie issledovaniya = Journal "Professional education. Capital" = New Pedagogical Research*, 2007, no. 5, pp. 120-130.

Информация об авторе / Information about the Author

Махова Вероника Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: veronicamax@bk.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6258-9987
Researcher ID: S-5833-

Veronika V. Makhova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Southwest State University, Kursk, Russian Federation
e-mail: veronicamax@bk.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6258-9987
Researcher ID: S-5833-

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.9.072.5

Психолого-педагогическое сопровождение как инструмент работы с семьей, воспитывающей ребенка с нарушениями слуха

А.В. Стулова[1] ✉

[1]Курский государственный медицинский университет
ул. К. Маркса, д. 3, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: Nuta-Vasilevna@rambler.ru

Резюме

Каждый год растет число детей, имеющих нарушения в развитии. Потеря слуха (врожденная или приобретенная) оказывает влияние на развитие личности. В частности, данная категория детей имеет задержку и психического, и речевого развития. Основополагающим фактором развития ребенка является семья – первичный институт социализации, где ребенок получает первые знания, умения и навыки. Особенности детей с нарушениями в развитии приводят к изменениям семейного уклада, внутрисемейных отношений, что в последствии сказывается на развитии самого ребенка. Существует множество проблем социального, юридического, педагогического характера, с которыми сталкиваются родители при появлении ребенка с нарушениями слуха. Низкий уровень родительской компетентности является немаловажной проблемой в процессе воспитания, обучения особенного ребенка. Совокупность проблем, а также личностные притязания родителей часто приводят к стрессу, депрессиям, в последствии, к психоэмоциональному истощению, «выгоранию».

Для воспитания детей с потерей слуха требуется достаточный уровень компетентности матерей в понимании мотивов их поведения и управления ими.

Одна из важнейших задач в воспитании и обучении детей с нарушением слуха – психолого-педагогическое сопровождение семьи, в которой воспитывается ребенок.

В педагогическом взаимодействии «образовательное учреждение-семья» компетенция родителей состоит в том, чтобы доверять образовательному учреждению; активной педагогической позиции; добровольности и осознанности родителей во взаимодействии с образовательным учреждением; выработке потребности пополнить свои педагогические знания и возможности; долгосрочных партнерских отношений между семьей и учреждением.

В данной статье приводится пример психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями слуха, как эффективный инструмент взаимодействия родителей и школы.

***Ключевые слова**: психолого-педагогическое сопровождение; семья; ребенок с нарушениями слуха; нарушения слуха.*

***Конфликт интересов:** Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.*

Для цитирования: Стулова А.В. Психолого-педагогическое сопровождение как инструмент работы с семьей, воспитывающей ребенка с нарушениями слуха // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 1. С. 200-209. .

Статья поступила в редакцию 03.11.2021 Статья подписана в печать 10.01.2022 Статья опубликована 11.04.2022

© Стулова А.В., 2022

Psychological and Pedagogical Support as a tool for Working with a Family Training a Child With Hearing Impaired

Anna V. Stulova[1] ✉

[1] Kursk State Medical University
3 K. Marx str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: Nuta-Vasilevna@rambler.ru

Abstract

The number of children with developmental disabilities is growing every year. Hearing loss (congenital or acquired) affects personality development. In particular, this category of children has a delay in both mental and speech development. The fundamental factor in the development of a child is the family - the primary institution of socialization, where the child receives the first knowledge, skills and abilities. The characteristics of children with developmental disabilities lead to changes in the family structure, intrafamily relations, which subsequently affects the development of the child himself. There are many problems of a social, legal, pedagogical nature that parents face when they have a child with hearing impairments. The low level of parental competence of parents is an important problem in the process of upbringing and teaching a special child. The totality of problems, as well as the personal claims of parents, often lead to stress, depression, and subsequently, to psycho-emotional exhaustion, "burnout".

Raising children with hearing loss requires a sufficient level of competence of mothers in understanding the motives of their behavior and managing them.

One of the main tasks of upbringing and teaching children with hearing impairments is the psychological and pedagogical support of the family in which the child is being brought up.

In pedagogical interaction "educational institution-family", parental competence consists in the parents' trust in the educational institution; active pedagogical position; voluntariness and awareness of parents in interaction with an educational institution; developing the need to replenish their pedagogical knowledge and capabilities; long-term partnership between family and educational institution.

This article provides an example of psychological and pedagogical support of a family raising a child with hearing impairments as an effective tool for interaction between parents and school.

***Keywords**: psychological and pedagogical support; family; child with hearing impairment; hearing impairment.*

***Conflict of interest:** The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Stulova A.V. Psychological and Pedagogical Support as a tool for Working with a Family Training a Child With Hearing Impaired. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics.* 2022, 12(1): 200–209 (In Russ.).

Received 03.11.2021 Accepted 10.01.2022 Published 11.04.2022

***

Введение

Многие научные исследователи, такие, как А. И. Герцен, А. С. Макаренко, П. Ф. Лесгафт, В. А. Сухомлинский, С. Т. Шацкий, К. Д. Ушинский и др. подчеркивают важность семейного воспитания и на его неразделимость с общественными отношениями.

Семья – «фундамент», основополагающий фактор развития личности любого ребенка, для детей с нарушениями слуха семья сохраняет и передает навыки речевого и жестового общения, культуру и традиции.

Нормальное развитие глухого ребенка является следствием нормализированного педагогического опыта, который в значительной степени сохраняет семью детей с нарушениями слуха – естественную среду родственных отношений, речи, традиций, культуры, где живет и воспитывается ребенок.

В исследованиях В. В. Ткачевой, Т. Г. Богдановой, А. Г. Московкиной, Н. В. Мазуровой, Е. Г. Речицкой, Е. И. Леонгарда, М. М. Семаго, Б.Д. Корсунской нашли отражение проблемы взаимодействия между родителями, воспитывающими ребенка с инвалидностью, и школой.

В своих трудах Э. И. Леонгард, Т. Г. Богданова, Б. Д. Корсунская, А. Г. Московкина, Н. В. Мазура, Е. Г. Речицкая, Е. М. Мастюкова и др. замечают, что семьи со слышащими детьми отличаются от семей, имеющих детей с нарушениями слуха, так как когда ребенок с психофизическими особенностями появляется в семье, возникают психологические переживания, стресс.

Первопричиной является проблема взаимодействия родителей и общественного окружения, изменения внутрисемейных отношений. Известно, что в данном случае позиция отца страдает чаще, искажаются последующие репродуктивные поведения супругов, родители еще не имеют никаких представлений о нарушениях в развитии ребенка, о методах его реабилитации, образования, воспитания.

Поэтому семья является целостной системой, связанной с выполнением определенной функции. Её роль в развитии личности ребёнка также несомненна: с семьей развиваются навыки общения с людьми, формируется высоконравственная личность. Поскольку рождение детей с трудностями развития практически мгновенно меняет порядок, устои, обычаи, традиции, в общем, жизнь в семье, поэтому семьям, воспитывающим детей с патологией слуха, нужна поддержка социальной среды, включая поддержку специалистов коррекционно-развивающего направления.

Исследования проблем семейных отношений в России Т. Г. Богдановой, И. И. Мамайчук, В.В. Вишневского доказывают необходимость разработки специальных мер по реабилитации, в целях преодоления сложностей различного характера нужна работа специалистов, в первую очередь психологов и педагогов, а также раскрытие родителями возможности лично искать творческие подходы к обучению своего ребенка, лично участвовать в исследовании возможностей его развития.

При работе в семье, в которой воспитывается ребенок с нарушениями слуха, специалисту необходимо иметь определенные профессиональные навыки: прежде всего педагог должен проанализировать свою деятельность, предвидеть итоги и результаты работы, сочетать в себе умение наблюдать, оценивать индивидуальный уровень развития ребёнка.

Перечисленные навыки профессионального характера принадлежат группе рефлексивных и аналитических умений. Специалисту нужно обладать организаторским умением: уметь поставить цели перед ребенком, семьей и родителями серьезные задачи, приводящие к ожидаемым результатам; использовать разные формы и методы для стимулирования индивидуальной самореализации детей и семей; планировать взаимодействие.

Положительные результаты любых форм организации коррекционной и педагогической работы в семье, которая воспитывает ребенка с нарушениями слуха, зависят от интереса участников коррекционной и педагогической работы. К группе коммуникаций относятся навыки, которые педагогу важны для того, чтобы установить контакт с семьей и достичь взаимопонимания между родителями и педагогами, а также для достижения взаимопонимания родителей, педагогов и детей. Причем из разнообразия форм взаимодействия специалистов необходимо выбрать те формы, которые характерны для конкретного случая. Психологические консультации, тренинги, психокоррекции и психотерапии определяют психологическое направление работы в семье, у которой есть ребенок с потерей слуха.

В процессе обучения детей с нарушениями слуха требуется как особое материально-техническое оснащение, так и специально подготовленные специалисты.

У большинства семей, которые воспитывают ребенка, имеющего особенности развития, существует ряд проблем: гиперопека родителей в начальных классах, нарушения взаимоотношений между детьми и родителями (чаще у подростков). Первопричиной этих проблем являются нарушения слуха, нередко усугубляются трудности, связанные с недопониманием членов семьи, отсутствием слышащих родителей жестовых языков и длительным пребыванием ребенка в интернате.

В случае гиперопеки родители пытаются оградить ребёнка от любых жизненных проблем, что приводит к неспособности ребенка самому решать, повышенному уровню тревоги и напряжения обучающихся. Другая проблема в воспитании детей с нарушением слуха – низкая социальная и психологическая компетенция родителей по вопросам воспитания, образования и развития личности детей.

Типы взаимоотношений родителей с ребенком с нарушениями слуха исследователи классифицируют по взаимоотношениям в диаде «родитель – ребенок» (табл.1).

Таблица 1. Типы отношений родителей к ребенку с нарушениями слуха

Table 1. Types of parenting relationships with a hearing impaired child

Тип отношений	Характеристика
Полное принятие	В семье понимают и воспринимают особенности ребенка, ставят задачу в решении проблемы, выражают положительные ощущения к ребенку. При таком типе взаимоотношений ребенок формирует высокую самооценку, адекватную личность.
Сверхопека	В семье у ребенка минимизированы или отсутствуют обязанности, меры помощи существенно превышены, дети перестают быть самостоятельными и зависимыми.
Нереалистическое отношение	В семье ставят перед ребенком сложную задачу, не признают нарушений. Ребенок ощущает себя одиноким и несчастным
Безразличие	Избегают общения с ребёнком, не пытаются понять и любить его, неосознанное чувство родителей приводит к эмоциональной невосприимчивости ребёнка

В семьях, воспитывающих детей с нарушениями слуха, происходит хронический стресс, который способствует снижению адаптационных ресурсов, а также повышает уровень психоэмоционального выгорания. В связи с этим проблема стрессоподавляющего поведения «выгорающих» родителей, которые воспитывают детей с потерей слуха, особо актуальна.

Реализуемая программа психологического сопровождения семей, воспитывающих ребенка с нарушениями слуха, в ОКОУ «Курская школа-интернат с 2018 года получила название «По морю счастья всей семьей».

Целью программы является выполнение комплексных мероприятий по регулированию взаимоотношений семьи, повышению социальной и психологической компетенции в вопросах воспитания, обучения ребенка с потерей слуха, развития его личности, а также снижение уровня психоэмоционального выгорания родителей.

Задача программы включает в себя: изучение личности родителей детей, имеющих нарушения слуха, и систему

взаимодействия в диалоге родители-дети; выявление проблем в процессе образования, воспитания, развития ребенка; уровень психоэмоционального выражения родителей; формирование адекватных родительских установок на имеющиеся нарушения и психологические проблемы детей с потерей слуха; развитие актуальных и эффективных форм сотрудничества с семьями, имеющими ребенка с особыми возможностями развития; совершенствование коммуникативных функций, регуляцию эмоционального и волевого поведения детей с нарушением слуха; применение методов диагностики и профилактики психоэмоционального выгорания родителей.

Материалы и методы

Целевой аудиторией являются родители, воспитывающие детей с потерей слуха, в возрасте от 33 до 41 года.

Данная программа предназначена для 1 учебного года. I этап – сентябрь – выбор участников Программы: на данном этапе необходимо выявить проблемы в воспитании, обучении; изучить особенности внутрисемейного взаимодействия; диагностировать уровень психоэмоционального выгорания родителей. Составить план семейного патронажа.

II этап – октябрь-апрель – проведение комплексных мероприятий по регулированию взаимоотношений семьи, повышению социальной и психологической компетентности в вопросах воспитания, обучения ребенка с нарушениями слуха, уменьшению уровня психологического выгорания родителя.

Реализация курсов занятий по повышению социальной и психологической компетентности и снижению уровня психического эмоционального выгорания 1 раз в месяц; патронаж семьи; разработка рекомендаций; создание информационной площадки на сайте интерната, социальных сетей – ВКонтакте, Instagram.

III этап – май – мониторинг результатов совместной работы, подведение итогов, планирование работы в следующем учебном году.

Реализация программы предусматривает привлечение следующих ресурсов: знание русского языка жестов является важным ресурсом для сопровождения лиц с нарушениями слуха, педагогу следует знать особенности лиц с нарушениями слуха на каждой стадии развития и соотносить формы, технологии и методики работы с возможностью восприятия инструкций родителями [10].

Согласие родителей на совместную деятельность в рамках реализации программы и на осуществление патронажа осуществляется в письменной форме.

При осуществлении программы следует учитывать следующие моменты: возможность осуществления дистанционных мероприятий комплексной поддержки родителей при распространении коронавируса COVID-19 позволяет увеличить количество участников программы вне образовательных организаций; распространение практики повышает мотивацию родителей к работе; распространение практического опыта повышает мотивацию родителей к работе [10].

Диагностика когнитивного компонента компетентности родителей проводилась с помощью методики «Родительское сочинение», методика «Ценностная ориентация» М. Рокича [6] используется для диагностики компонента ценностной ориентации родительской компетенции. Для анализа эмоционального компонента компетенции родителей семей с нарушениями слуха мы использовали опросник детско-родительских отношений Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ) [4]; опросник С. Степанова «Стили родительского поведения» был использован для диагностики поведенческого компонента родительской компетенции.

Результаты и обсуждение

Исследование когнитивного компонента компетенции родителей (рис. 1) позволило выявить следующие позитивные признаки взаимодействия семьи: увеличение заинтересованности семьи в воспитании и обучении детей с нарушениями слуха, преобладание конструктивных видов взаимодействия между родителями и ребенком.

По итогам исследования ценностных ориентаций родителей, которые воспитывают ребенка с потерей слуха (рис. 2, рис. 3), а также по результатам реализации программы психологического сопровождения в семье, межличностное взаимодействие, ценности «Здоровье» и «Семейная жизнь», «Интересная работа» повысили уровень. Данные исследования указывают на то, что сочетание этих доминирующих ценностей родителей послужили основой формирования компетентности родителей [10].

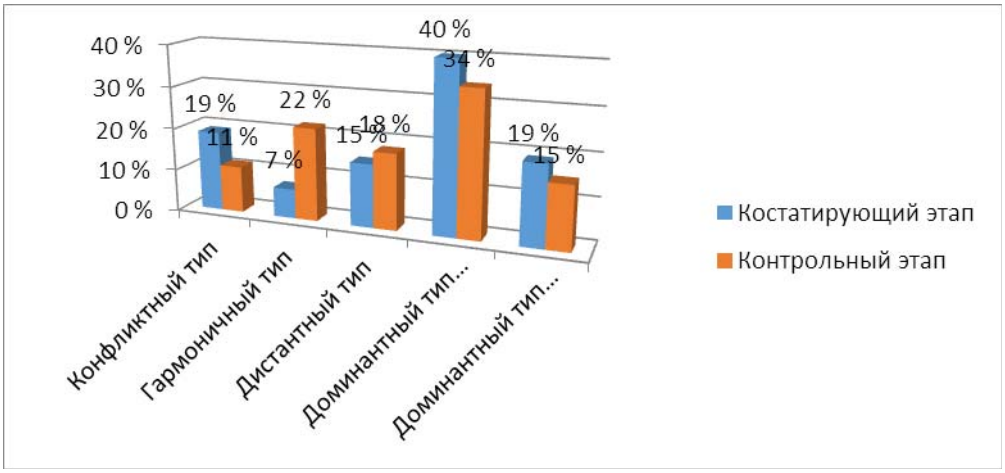


Рис. 1. Сравнительные результаты исследования когнитивного компонента родительской компетенции на констатирующем и контрольном этапах

Fig. 1. Comparative results of the study of the cognitive component of parental competence at the ascertaining and control stages

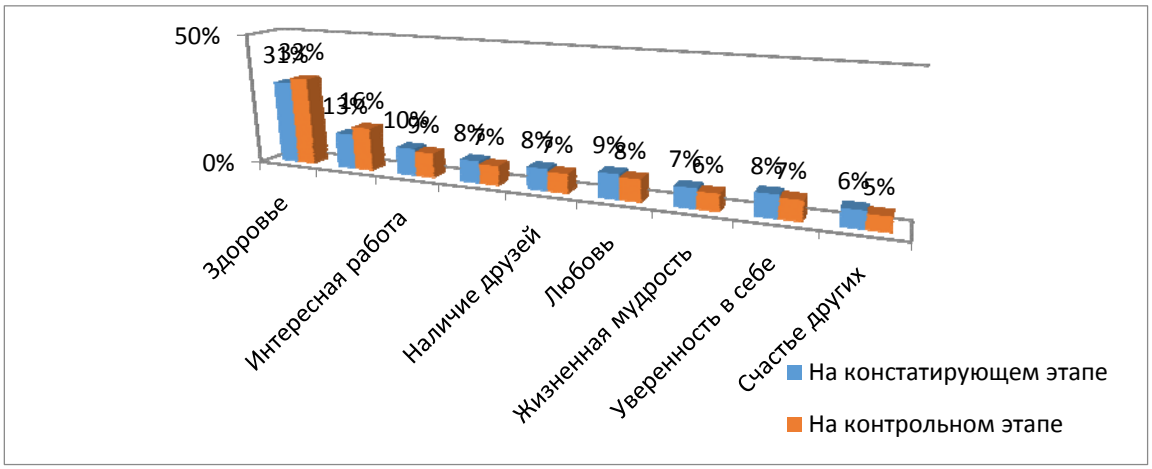


Рис. 2. Сравнительные результаты исследования терминальных ценностей родителей, воспитывающих ребенка с нарушениями слуха

Fig. 2. Comparative results of the study of terminal values parents raising a child with hearing impairments

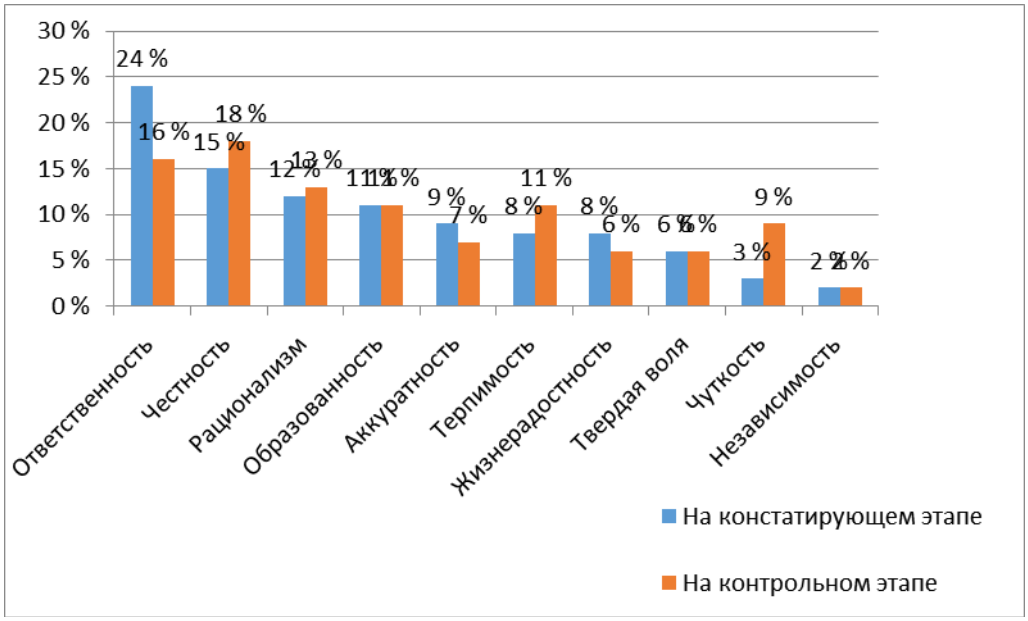


Рис. 3. Сравнительные результаты исследования инструментальных ценностей родителей

Fig. 3. Comparative Results of Research on Parents' Instrumental Values

Результаты исследования эмоциональной стороны взаимодействия (рис. 4) показывают, что у родителей не возникает трудностей в восприятии ребенка, при его безусловном принятии испытываются положительные ощущения в ситуации общения. Отмечено отсутствие гиперопеки и отсутствие отчуждения в отношении ребенка

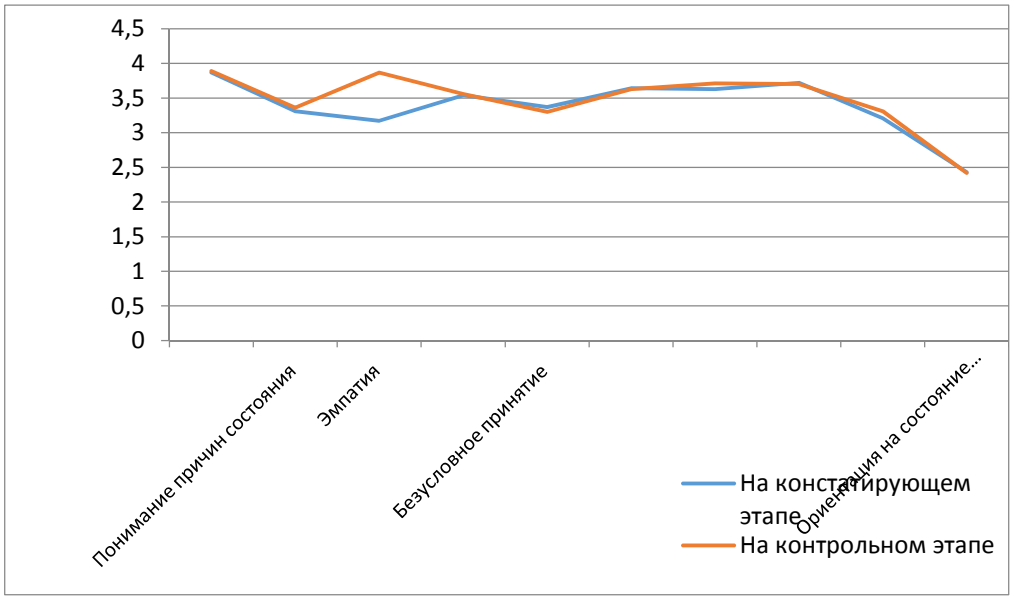


Рис. 4. Сравнение средних и критериальных значений показателей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия

Fig. 4. Comparison of average and criterion values of indicators the emotional side of parent-child Interaction

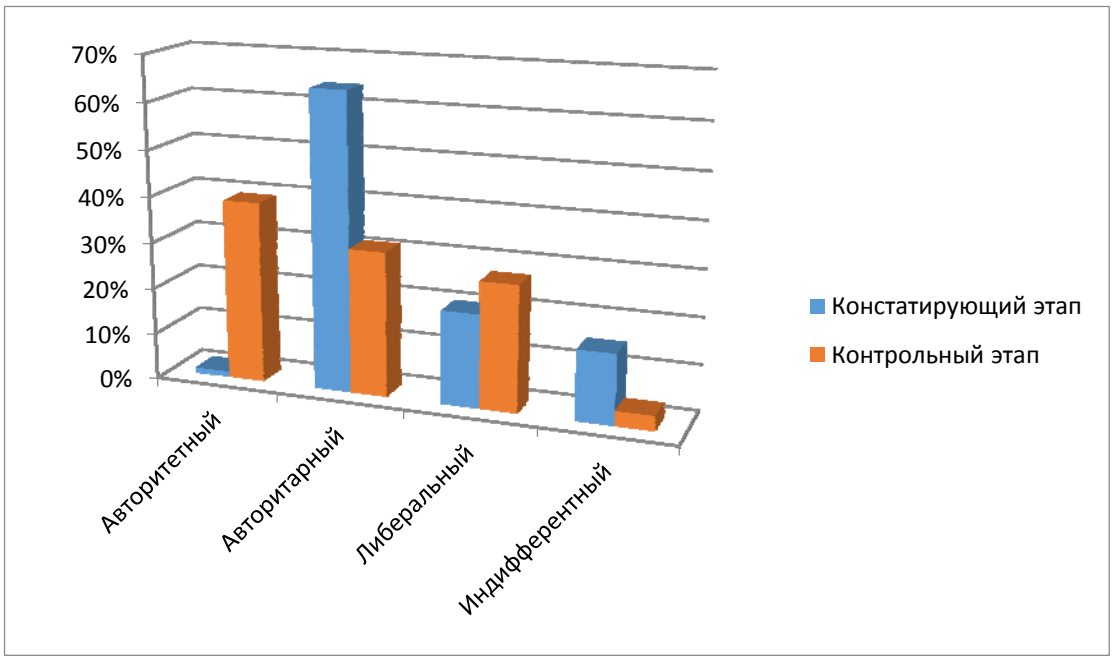


Рис. 5. Сравнительные результаты исследования стилей семейного воспитания

Fig. 5. Comparative results of the study of styles of family education

По результатам данных, большинство семей имеют партнерское отношение к ребенку (рис. 5), просьбы и пояснения являются главным инструментом воспитания в семье. Родители учитывают состояние детей при выборе занятий, формируются навыки межличностного общения и вырабатываются определенные правила общения.

Выводы

Качественные изменения после апробации программы психологического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями слуха, связаны с изменениями в отношениях между детьми и родителями:

– преобладание среднего уровня воспитательной активности родителей, соответствующее восприятие детей с нарушениями развития в сравнении со всеми детьми; доминирование ценностей здоровья;

– преобладания авторитетных и либеральных стилей и конструктивных форм взаимодействия между родителями и детьми.

Согласованное взаимодействие, сотрудничество между семьей ребенка с нарушениями слуха и образовательным учреждением приводит к качественным изменениям в процессе развития личности лиц с потерей слуха, возрастает уровень компетентности родителей в вопросах обучения, воспитания.

Список литературы

1. Развивающие игры. Практическое пособие для родителей, учителей и воспитателей / Н.В. Анисимова, Н.В. Мирошниченко, Н.Е. Граш, К.В. Дроздовская. М.: Феникс, 2010.

2. Артамонова Е.И. Компетентностный подход в современном педагогическом образовании // Образовательное пространство детства: исторический опыт, проблемы, перспективы: сборник научных материалов III Международной научно-практической конференции. Коломна, 2016.

3. Башкирова И. Л. Воспитание слышащих детей в семьях неслышащих родителей // Специальная психология. 2017. № 5.

4. Забрамная С.Д., Боровик О.В. Методические рекомендации к пособию "Практический материал для проведения психолого-педагогического обследования детей". М.: Владос, 2003.

5. Истратова О.Н. Практиткум по детской психокоррекции: игры, упражнения, техники. М.: Феникс, 2010.

6. Методика Рокича «Ценностные ориентации». (Тест Милтона Рокича / Исследование ценностных ориентаций М. Рокича / Опросник ценности по Рокичу). URL: http:// psycabi.net/testy/320-metodika-rokicha-tsennostnye-orientatsii-test-miltona-rokicha-issledova-nie-tsennostnykh-orientatsij-m-rokicha-oprosnik-tsennosti-po-rokichu. (дата обращения: 01.07.2017).

7. Молчанова Л.Н., Стулова А.В. Социально-психологическая компетентность матерей, воспитывающих детей с нарушениями слуха и подверженных психическому выгоранию, как личностный ресурс его преодоления // Перспективы науки и образования. 2020. № 1. С. 344-353.

8. Романова О.Б. Организация психологической помощи для детей и подростков с нарушениями слуха и зрения // Научное обозрение. Медицинские науки. 2016. № 2.

9. Романчук О.И. Дорога любви. Путеводитель для родителей детей с особыми потребностями и тех, кто идет рядом. М.: Генезис, 2010.

10. Стулова А.В. Адаптированная рабочая программа психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с нарушениями слуха "По морю счастья всей семьей» // Вестник практической психологии образования. 2021. Т. 18. № 51.

11. Ткачева В.В. Технология психолого-педагогической помощи семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья. М., 2014.

12. Шипицына Л.М. Ребенок с нарушенным слухом в семье и обществе. М.: Речь, 2009.

References

1. Anisimova N.V., Miroshnichenko N.V., Grash N.E., Drozdovskaya K.V. Razvivayushchie igry [Educational games]. Moscow, Feniks Publ., 2010.

2. Artamonova E.I. [Competence-based approach in modern pedagogical education]. *Obrazovatel'noe prostranstvo detstva: istoricheskij opyt, problemy, perspektivy. Sbornik nauchnyh materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Educational space of childhood: historical experience, problems, prospects. Collection of scientific materials of the III International Scientific and Practical Conference]. Kolomna, 2016 (In Russ.).

3. Bashkirova I. L. Vospitanie slyshashchih detej v sem'yah neslyshashchih roditelej [Education of hearing children in families of hearing parents]. *Special'naya psihologiya = Special Psychology*, 2017, no. 5.

4. Zabramnaya S.D., Borovik O.V. *Metodicheskie rekomendacii k posobiyu "Prakticheskij material dlya provedeniya psihologo-pedagogicheskogo obsledovaniya detej"* [Methodological recommendations for the manual "Practical material for conducting psychological and pedagogical examination of children"]. Moscow, Vlados Publ., 2003.

5. Istratova O.N. *Praktitkum po detskoj psihokorrekcii: igry, uprazhneniya, tekhniki* [Workshop on child psychocorrection: games, exercises, techniques]. Moscow, Feniks Publ., 2010.

6. Metodika Rokicha «Cennostnye orientacii». (Test Miltona Rokicha. Issledovanie cennostnyh orientacij M. Rokicha. Oprosnik cennosti po Rokichu) [Rokich's methodology "Value orientations". ((Milton Rokich Test. M. Rokich Value Orientations Research. Rokich Value Questionnaire)]. Availacle at: http:// psycabi.net/testy/320-metodika-rokicha-tsennostnye-orientatsii-test-miltona-rokicha-issledova-nie-tsennostnykh-orientatsij-m-rokicha-oprosnik-tsennosti-po-rokichu. (accessed 01.07.2017).

7. Molchanova L.N., Stulova A.V. Social'no-psihologicheskaya kompetentnost' materej, vospityvayushchih detej s narusheniyami sluha i podverzhennyh psihicheskomu vygoraniyu, kak lichnostnyj resurs ego preodoleniya [Stulova Socio-psychological competence of mothers raising children with hearing impairments and subject to mental burnout as a personal resource to overcome it]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of science and Education*, 2020, no. 1, pp. 344-353.

8. Romanova O.B. Organizaciya psihologicheskoj pomoshchi dlya detej i podrostkov s narusheniyami sluha i zreniya [Organization of psychological assistance for children and adolescents with hearing and visual impairments]. *Nauchnoe obozrenie. Medicinskie nauki = Scientific Review. Medical Sciences*, 2016, no. 2.

9. Romanchuk O.I. *Doroga lyubvi. Putevoditel' dlya roditelej detej s osobymi potrebnostyami i tekh, kto idet ryadom* [The road of love. A guide for parents of children with special needs and those who walk nearby]. Moscow, Genezis Publ., 2010.

10. Stulova A.V. Adaptirovannaya rabochaya programma psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya sem'i, vospityvayushchej rebenka s narusheniyami sluha "Po moryu schast'ya vsej sem'ej» [Adapted work program of psychological and pedagogical support of a family raising a child with hearing impairments "On the sea of happiness with the whole family"]. *Vestnik prakticheskoj psihologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2021, vol. 18, no. 51.

11. Tkacheva V.V. *Tekhnologiya psihologo-pedagogicheskoj pomoshchi sem'e rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya* [Technology of psychological and pedagogical assistance to the family of a child with disabilities]. Moscow, 2014.

12. Shipicyna L.M. *Rebenok s narushennym sluhom v sem'e i obshchestve* [A child with hearing impairment in the family and society]. Moscow, Rech' Publ., 2009.

Информация об авторе / Information about the Author

Стулова Анна Васильевна, аспирант кафедры психологии здоровья и нейропсихологии, Курский государственный медицинский университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: Nuta-Vasilevna@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-7692-3915

Anna V. Stulova, Postgraduate Student, Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation
e-mail: sam.meteorit@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7692-3915

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

> УДК 81-114.2
> **Н. А. Боженкова**, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail:natalyach@mail.ru)
> **Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве**
> Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств…
> **Ключевые слова:** социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 *dpi* и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы**.

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva.**

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://science.swsu.ru.**